

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 5 (38) 2012

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.09.12

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 9,8 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 716

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Griselda (Abazaj) Danglli** (Tirana, Albania) Lolita – the american nightmare7
- Минец Д. В.** Концепт «Публичный дом» в художественном пространстве повести А. И. Куприна «Яма»: гендерный аспект ...12
- Соколова М. В.** Антропонимы отрицательных и положительных персонажей в произведениях жанра фэнтези (на примере имен собственных волшебников цикла романов о Гарри Поттере)19
- Трубникова Н. А.** Функциональная значимость образов-символов в восприятии американских пьес 1940–50-х годов30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Груздева Е. Б.** Ритуализированный характер речевых актов: методические аспекты35
- Качмазова А. У.** Гетеростереотипы в североосетинской лингвокультуре: лингвокультурный типаж «кударец» (на материале осетинских Интернет-блогов и форумов)41
- Косовцева А. В.** Вежливость как национальная черта британского характера51
- Ялалова Р. Р.** Фразеологические единицы, характеризующие смерть, в английском, немецком и русском языках58

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Приходько С. А.** Стиль монографического политического текста63

ЯЗЫК СМИ

- Безус Я. И.** Роль обобщения в англоязычной прессе74
- Игнашов А. В.** Три страницы из книги «Faszination und Gewalt». Первая публикация на русском языке83
- Чистова С. С.** Изменение ассоциативного поля как способ языкового манипулирования в средствах массовой информации США87

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Veneranda Hajrulla (Vlore, Albania) Bringing Cultural Content and Authentic Materials to enhance Problem-based Learning in EFL Classes	95
Miranda Ostrosi (Tirana, Albania) Language used for communicating messages in PR and Advertising	109
Zamira (Metaj) Alimemaj (Vlore, Albania) Web-language and word-formation processes on slang words	119
Семенчина Е. Н. Содержательная структура концепта причинности в английском языке	126
Умерова Д. А. The viewpoint of current semantic investigations in Turkey	130
Филиппова И. Н. Вербальная недостаточность и переводческие стратегии	134

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Серова В. И., Спирина Л. Р. Формирование социально зрелой личности через коммуникативный подход в обучении иностранным языкам	142
--	-----

АННОТАЦИИ	147
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	151
----------------------------------	-----

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Griselda (Abazaj) Danglli (Tirana, Albania) Lolita – the american nightmare	7
Minets D. V. Concept «The Public house» in art space of the story by A. I. Kuprin «Hole»: gender aspect	12
Sokolova M. V. Anthroponomy negative and positive characters in the works of the fantasy genre (for example, proper names wizarding series of novels about Harry Potter)	19
Trubnikova N. A. The functional significance of images and symbols in the perception of American plays 1940–50s	30

LANGUAGE STUDIES

Gruzdeva E. B. Ritualized nature of speech acts: methodological aspects	35
Kachmazova A. U. Heterostereotypes in the North lingvokulture: Lingvocultural type «kudarets» (based on the Ossetian Internet blogs and forums)	41
Kosovceva A. V. Politeness as a national trait of British character	51
Yalalova R. R. Phraseological units characterizing death, in English, German and Russian	58

LANGUAGE OF POLYTICS

Prikhodko S. A. The Style of the Monographic Political Text	63
--	----

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Bezus Ya. I. The role of unconditional generalizations in English press	74
Ignashov A. V. Three pages from the book “Faszination und Gewalt”. First publication in Russian	83
Chistova S. S. Changing the associative field as a way of manipulating the language in the U.S. media	87

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Veneranda Hajrulla (Vlore, Albania) Bringing Cultural Content and Authentic Materials to enhance Problem-based Learning in EFL Classes	95
---	----

<i>Miranda Ostrosi</i> (Tirana, Albania) Language used for communicating messages in PR and Advertising	109
<i>Zamira (Metaj) Alimemaj</i> (Vlore, Albania) Web-language and word-formation processes on slang words	119
<i>Semenchina E. N.</i> The content structure of the concept of causality in English	126
<i>Umerova D. A.</i> The viewpoint of current semantic investigations in Turkey	130
<i>Filippova I. N.</i> Verbal shortage and translation strategies	134
 METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING	
<i>Serova V. I., Spirina L. R.</i> Developing a socially mature person through the communicative approach in teaching foreign languages	142
ABSTRACTS	147
INFORMATION ABOUT AUTHORS	151

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

LOLITA – THE AMERICAN NIGHTMARE

Griselda Danglli (Abazaj)

(Tirana, Albania)

This article deals with the analysis of Lolita seen through the lenses of the American society and norms of today. We will see that many observations of the American way of behaving and social norms still hold true even nowadays years after this novel was written. Nabokov, on the other hand, never accepted the fact that this novel probed into the very depths of American life and that his intentions were purely aesthetic. Nevertheless, the phenomenon of pedophilia, obvious in the book, is a postmodern concern of Americans today. Special attention is paid to the famous American writer Edgar Allan Poe, as without knowledge of his life and literary works, Lolita would not be deeply understood due to the fact that many references and allusions of Poe are obvious in the novel. The issue of consumerism and materialism will be examined as the core of the American identity.

Keywords: America, postmodernism, pedophilia, Poe, excess, materialism, consumerism

Being the most problematic novel of Nabokov, *Lolita* managed to be published at last in France in 1955. It was rejected by five publishers in America pretending that it was a pornographic novel, not penetrating into the book and thus not finding the art existing in this outstanding novel. They surely didn't reject it because they understood that it alludes to American society, being in this way a parody of that society. In the mid- 1950s, *Lolita's* volatile subject matter- the sexual passion of a middle aged European for a twelve year old American girl- set off a flurry of scandal and debate about the novel's alleged obscenity [Alexandrov 1995:305]. Nabokov had no intention of mocking the United States as he had denied the general idea that *Lolita* personified the American society as Nabokov didn't like to moralize because art for him should be done only for art's sake. Art for Nabokov stands above society and its main aim is to satisfy the mind and heart and not to draw lessons.

It is widely known that no author likes to be categorized or be called a moralist but I believe that art at its best is drawn from reality and as such it serves to humanity when by being satisfied, we learn. As Nabokov is a very capricious writer, he makes fun of the reader, he plays chess with him and as such we find in his fiction many unreliable narrators and why not taking into consideration the fact that we are dealing with an “unreliable” author: a real chess game as Nabokov likes it.

After several readings of *Lolita*, a careful reader and critic can realize that it mirrors the American life. Today most readers of American literature would join Appel in praising the achievement of this Russian-born “European Émigré” who in *Lolita* “re-created America so brilliantly, and in so doing...became an American writer [Alexandrov 1995:305]. The fact that it draws the negative sides of the American society doesn’t mean that he hated America. He has admitted in *Strong Opinions* that in America he is happier than in any other country. He feels intellectually at home in America. It is a second home in the true sense of the word.” On the contrary, it seems like he regrets some facets of the American society. Nabokov would not have liked to label *Lolita* in this way but it seems like *Lolita* is even more than an indictment of the American life.

The American culture nowadays is full of shortcomings in moral values but again they show extreme intolerance of the people violating what is left of social norms. Pedophilia is a social concern of the Americans today. Kincaid argues that we cannot get rid of pedophilia because we have invested so much in the eroticizing of the child [Kincaid 1992:4]. Being an unreliable narrator, Humbert deceives us by making the reader side with him. Not only *Lolita* but even we as readers are fascinated by his use of language, his naughty humor and the way he describes his love for her: sick love but real. Heather Jones argues that “Humbert can be viewed as possessing some measure of cultural prescience, and the reader is implicated by the sympathetic attention given to Humbert’s carefully crafted confessions” [Jones 1995:35].

One has to know a lot about Poe’s life and literary works in order to understand this masterpiece. Being America’s most problematic writer, alluded so much in *Lolita*, makes clear the fact that *Lolita* satirizes the American social norms. It is known that Poe’s life has been subject to psychoanalytic theories and Nabokov, finding Freud a rival, might have liked to satirize even his theories. Having the key to human psychopathology, Freud’s psychoanalysis could not save even the famous American writer Edgar Allen Poe but make his life subject of its analysis. The ha-

ted that Nabokov had for biographers who poked their nose into writer's affairs is well-known. He didn't like to be an object of analysis and this is one of the causes that he writes a special kind of autobiography, which is more a work of art than a merely numbering of facts and events. And as he claims: "The years are passing my dear, and presently nobody will know what you and I know" [Nabokov 1969:226]. In order to mock Freud, Nabokov makes us believe that despite the loss of Humbert's mother, Humbert has had a happy childhood and it's not because of her death that he likes so much nymphets and becomes a pedophile. Moreover, Humbert ironically declares that if he had gone to a psychoanalyst many years ago, this tragedy would not have happened.

There are many similarities between Poe's life and Humbert's life. It is known that the early death of Poe's mother, his marriage to Virginia, his very young cousin, and the fact that the death of beautiful women was a fascinating theme for Poe. Similarly, Humbert says: "My very photogenic mother died in a freak accident (picnic, lightning) when I was three..." [Nabokov 1995:10]. We know the infatuation he has for nymphets (very young girls) and even the fact that Lolita dies at childbirth in the end. If we compare these statements with the above mentioned about Poe, we will find that they are similar. On the other hand, Humbert says: "I grew a happy a happy, healthy child in a bright world of illustrated books, clean sand, orange trees, friendly dogs, sea vistas and smiling faces." [Nabokov 1995:10]. We notice here the difference with Poe's life. Again Nabokov makes clear the mockery he makes to Freud. Similarities can be found even in the way of narration. Humbert's first person narration brings to mind the narrators of Poe's short stories where we find the same type of narrators who are mad, alcoholic or perverse.

Marie Bonaparte says that "Poe's fixation on a dead mother was to bar him forever from earthy love." [Bonaparte 1949:83]. The same thing happens to Humbert as he wants time to stop and by admitting that his love was a special one, he thinks of "aurochs and angels, the secret of double pigments, prophetic sonnets, the refuge of art. And this is the only immortality you and I may share, my Lolita" [Nabokov 1995:10]. Unlike Poe's female characters, Nabokov's ones in this novel are more American in their way of behaving. We have Charlotte, who pays little attention to her little girl Lolita and in order to escape from her responsibilities she even sends Lolita away in a campus in order to be alone with Humbert. The excessive freedom that Americans give to their children is like a coin with two sides.

It is believed that *Lolita* is constructed among doubles, called otherwise doppelgangers. Humbert and Quilty are the most evident in this novel. The scene of Quilty's assassination and his dialogue with Humbert brings to mind Poe's tale "William Wilson" and one has to know this short story in order to understand the essence of this important passage in the novel. Quilty's death is very symbolic at the end because it acts as a kind of resolution to Humbert's other self. Immediately after taking Quilty's life, Humbert gets rid of the dark side of himself by repenting for robbing Lolita's childhood: "Reader! What I heard was but the melody of children at play... I stood listening to that musical vibration from my lofty slope, to those flashes of separate cries with a kind of murmur for background, and then I knew that the hopelessly poignant thing was not Lolita's absence from my side but the absence of her voice from that concord" [Nabokov 1995: 308].

Lolita is a clear example of postmodernist society. Although it was written a lot of years ago, we notice that certain issues penetrating the novel still hold true nowadays. Heather Menzies Jones states that "Lolita, with its focus on consumer goods, clearly shows how insubstantial Humbert's words are in the face of America's materialistic culture" [Jones 1995:9]. We see Lolita eating a lot in many passages and at the end the last image we have of her is a fat pregnant young girl. As Poe was judged for his dark romanticism, Nabokov gives us earthly women, Lolita and Charlotte, whose behavior is vulgar in many cases. We see Lolita eating hamburgers, drinking colas and gum-chewing.

Although Nabokov never accepted the fact that Lolita signified the American nightmare, we understand that he judged the Americans for being excessive consumers, being disillusioned by the beautiful but empty and meaningless adverts. Nabokov has written satirically about the very childishness of the American soul and how we must take great pains to turn our faces away from the darkness [Jones 1995:9]. Such excessive consumption has a price of course. Humbert himself is influenced by adverts full of slimy young girls and the "Bland American Charlotte frightened me" [Nabokov 1995:83]. Humbert's disgust with Charlotte's body is justified as the American society is "a society enamored of the future" and it will "sweep away the mother because she is the past, the state of remaining" [Jones 1995:69].

Humbert is very careful with details. He gives us a list of Lolita's greediness: "If some café sign proclaimed Ice-cold Drinks, she was automatically stirred, although all drinks everywhere were ice-cold. She it

was to whom ads were dedicated: the ideal consumer, the subject and object of every foul poster.” [Nabokov 1995: 148].

Nabokov is very careful with focusing on a very important detail of Americans: the excessive use of cars. At the time when the novel was written the car was a novelty and we know the childish desire Americans have for novelties. Humbert and Lolita use Charlotte’s car in order to travel through the roads and motels of America. Ellen Pifer argues that Humbert’s painful admission- one that sheds an altogether different light on the American landscape through which he travels- that his corruption of the child constitutes a crime against pristine nature and its boundless beauty. “We had been everywhere” he says of his cross country trek with Lolita. “We had really seen nothing...”. Just as Humbert’s narrative account of his life with Lolita brings recognition of the poor, bruised child he exploited so his voyage into the past brings new discovery of America. In each case, the metaphor of a terra incognita, or unknown country, attests to his former blindness. [Alexandrov 1995: 309].

Although Nabokov “takes pains to explain to his readers that Lolita is not anti-American (a charge that he said pained him more than charges about the book’s immorality)” [Jones 1995: 55] we understand that Lolita personifies America itself as she is shaped and imbued by beautiful advertisements and magazines mirroring young girls, by consuming and destroying in this way childhood, and what is the core of the society, the family itself.

Bibliography

1. Alexandrov, Vladimir E. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, Garland Publishing, INC. New York & London, 1995. pg. 305.
2. Bonaparte, Marie. *The life and works of Edgar Allan Poe: a psycho-analytic interpretation*. London : Imago, 1949.
3. Jones, Heather Menzies. *Nabokov’s dark American dream: Pedophilia, Poe, and Postmodernism in Lolita*. University of New York, 1995, pg. 35.
4. Kincaid, James. *Child-Loving: the erotic child and Victorian culture*. New York : Routledge, 1992.
5. Nabokov, Vladimir. *Strong Opinions*. New York, McGraw-Hill, 1973.
6. Nabokov, Vladimir. *Speak, Memory: An Autobiography Revised*. Penguin books, 1969, pg. 226.
7. Nabokov, Vladimir. *Lolita*. Penguin Books, 1995, pg.10.
8. Paglia, Camille. *Sexual personae: art and decadence from Neferiti to Emily Dickinson*. New York : Vintage, 1991. pg.572.

**КОНЦЕПТ «ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ЯМА»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Д. В. Минец

Статья посвящена анализу концепта «Публичный дом» в повести А. И. Куприна «Яма». В повести А. И. Куприна «Яма» локус публичного дома концептуализируется. Инверсионность локуса дома терпимости в данном случае обусловлена историческими особенностями гендерных отношений в XIX – начале XX века.

Ключевые слова: концепт, пространство, публичный дом, локус.

Повестью «Яма» А. И. Куприна актуализирована особая пространственная модель: так называемое «резонантное пространство» [5. С. 292] русской культуры – локус публичного дома. В повести А.И. Куприна «Яма» локус публичного дома концептуализируется, метафоризируется, символизируется.

Произведение А. И. Куприна открывает авторская «этимологическая» справка, посвященная вполне определенному денотату окраины одного «большого южного города» **«Ямская слобода»** и, соответственно, названия повести. Автор не конкретизирует топоним, чтобы подчеркнуть универсальную культурную материализованность денотата. Топоним «Ямская слобода» редуцируется до однокомпонентного «Яма». Далее заявленный локативный концепт конкретизируется, дробится на микролокусы той же семантики: дома терпимости Ямской слободы разного уровня и разного калибра («тридцать с лишком заведений»).

Весь остальной нарратив повести сосредоточен именно на локусе «двухрублевого заведения» Анны Марковны. Частные подробности жизни обитательниц данного заведения акцентированы номинативной составляющей образов. У обитательниц заведения и соответствующие локусу имена: сама хозяйка, на чье имя записан дом, – *Анна Марковна* (ономастическая модель: имя + фамилия); две экономки – старшая и младшая: *Эмма Эдуардовна* (ономастическая модель: имя + фамилия) и *Зося* (редукция ономастической модели

до разговорного варианта имени), только что выбившаяся из «рядовых барышень», Манька Маленькая (она же Манька Беленькая), кроткая и тихая девушка, краснеющая по всякому пустяку и превращающаяся в Маньку Скандалистку, когда выпьет; «тихая» Тамара, влюбленная в вора Сеньку; больная Паша; единственная во всем заведении любительница чтения Женя; Любка; Сонька; Катька; Манька Большая, или Манька Крокодил (ономастические модели представлены просторечными вариантами, прозвищами).

В повести локус публичного дома интерпретируется как одна из форм специфического «домашнего» пространства, соотносимого, в частности, с концептами «дом», «жилище»: девушки-героини повести живут в «доме Анны» Марковны. В авторском нарративе, в речи девушек определение «дом терпимости» в большинстве случаев редуцирован до однокомпонентной формы «дом». Актуализация данной ассоциативной связи впервые происходит в первой главе первой части повести: «Как-то само собою случилось, что на развалинах тех старинных, насиженных гнезд...» [1. С. 140]. Переносное номинативное значение лексемы «гнездо» акцентирует значимость когнитивных множителей «семья», «дом», однако синтагматика лексемы в тексте такова, что признак «публичный» / «продажный» лишь редуцирован: «тайно торговали водкой и свободной любовью».

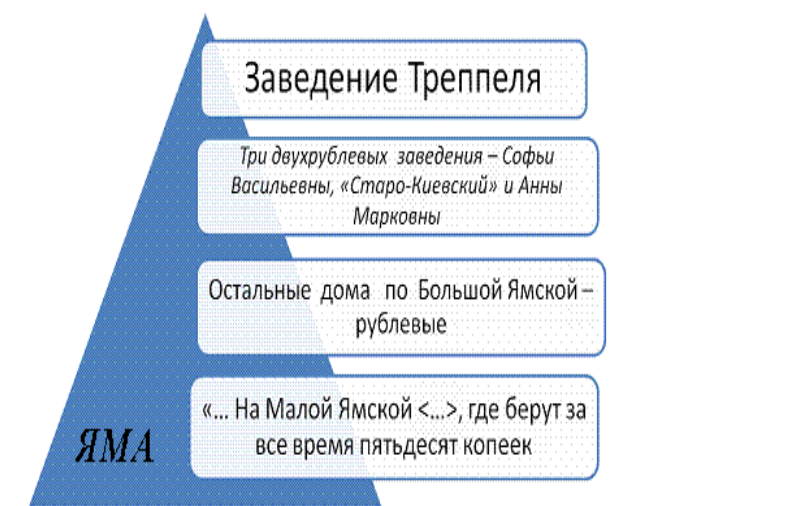

Рис. 1. Топографический уровень локативного концепта «Публичный дом».

Вторая часть повести открывается описанием предыстории гибели Ямы: публичный дом также весьма недвусмысленно уподобляется гнезду, расширяя эмотивное наполнение когнитивной сферы «семья»: «...администрация в один прекрасный день взяла **и разорила дотла старинное, насиженное, ею же созданное гнездо узаконенной проституции...**» [1. С. 225]. Семантическое наполнение словарной дефиниции и ее кодифицированная синтагматика такова, что сближает локусы нормативного дома и дома терпимости: «Гнездо – место, устраиваемое или приспособляемое птицами **для кладки яиц и высиживания птенцов**»; «Свить (себе) гнездо – 1) **устроить уютное жилище; завести семью**» [4. Т. 1. С. 320]. Авторские текстовые валентности обладают теми же коннотациями: «старинное», «насиженное» (ср. тургеневские дворянские гнезда). Однако концепт гнездо обладает еще и иным подтекстовым оценочным потенциалом (ср. осиное гнездо [4. Т. 2. С. 646]): здесь: гнездо разврата.

Разрушение локуса публичного дома у Куприна – возврат к исходной, нормативной домашней когнитивной сфере: «Теперь вместо буйных Ямков осталась **мирная, будничная окраина, в которой живут огородники, кошатники, татары, свиноводы и мясники с ближних боен...**» [1. С. 226].

Антиномичность наблюдается в ономастическом пространстве – ином, семиотическом надуровне локуса публичного дома:

✓ двойные имена: «Но уже давнишний обычай домов терпимости – заменять *грубые имена Матрен, Агафий*, Сиклитиний звучными, преимущественно экзотическими именами» [1. С. 150];

✓ апелляция к общекультурному контексту (аллюзийные отсылки, интертекст): проститутка «*Тамара когда-то была монахиней* или, может быть, только послушницей в монастыре...» [1. С. 144]: отсылка к лермонтовскому «Демону», где героиня также была монахиней;

✓ соположение опять же двух совершенно противоположных ментальных пространственных локусов – борделя и монастыря; все та же проститутка «Тамара ... почти не растягивает губы, а делает в их концах маленькие, лукавые, двусмысленные углубления, совсем как у *Моны Лизы* на портрете Леонардо да Винчи» [1. С. 151]: компаратив строится на апелляции образа проститутки к Моне Лизе да Винчи как концепту святости и эталону красоты.

Инверсионность локуса дома терпимости в данном случае обусловлена историческими особенностями гендерных отношений в

XIX – начале XX века. Брак являлся единственно возможной нормативной формой связи между мужчиной и женщиной, преследующей прокреативные цели [3. С. 185]. Институту брака, то есть семье, соответствует пространственная концептуальная категория – дом. Эта сфера изначально является результатом собственно культурной человеческой деятельности. Локус публичного дома на ментальном уровне занимает позицию «пространственной ниши» для иных – нерегламентированных – гендерных взаимоотношений и содержит в себе апелляцию к общему культурному контексту русской литературы: общий топос «публичного дома» в русской литературе: ср.: «Невский проспект» Н. В. Гоголя; «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского; «Припадок» А. П. Чехова; «Тьма» Л. Н. Андреева и др. В прагмалингвистическом смысле это пространство можно интерпретировать и более широко – как эротико-порнографическое пространство художественного дискурса русской литературы [3. С. 183]. Отсылка к Достоевскому получит непосредственное текстовое воплощение на уровне имени собственного. Сонечка Мармеладова в русской культуре уже интерпретирована как некая **семиотическая культураема**: «Я вас спрашиваю: что русская литература выжала из всего кошмара проституции? Одну Сонечку Мармеладову». Этот концепт-оним получает в тексте характеристику посредством набора характеристик противоположной оценочной модальности: «Судьба русской проститутки – о, какой это *трагический, жалкий, кровавый, смешной и глупый путь!*» [1. С. 198].

С локативным концептом «Дом» непосредственную связь обнаруживает концепт «материнство» и связанные с ним концепт «ребёнок» и ментальная категория детскости и т.д. Соположение «падшей женщины» с матерью ярче всего отражено в купринской «Яме» в отношениях между Женькой и кадетом Колей Гладышевым, материнская привязанность к которому удерживает её от умышленного заражения юноши сифилисом. В то же время всех обитательниц заведения Анна Марковны автор характеризует как настоящих «детей»: «Но если они и леут, то леут совсем **как дети**» [1. С. 212].

Обращение непосредственно к локусу «классического» публичного дома обнаруживает там и инверсивный **концепт «бордельной семьи»**. Хозяйка дома терпимости персонифицирует «мать»: «Ей-богу, она здесь как за *родную дочь*» [1. С. 146], – говорит о совращённой девушке, попавшей в публичный дом, Анна Марковна из «Ямы» А. И. Куприна. Отношения внутри публичного дома выстро-

ены по тому же условному «семейному» принципу: эта лексема довольно часто употребляют сами проститутки в купринской повести, характеризуя собственные отношения: «*Не беспокойтесь... ничего особенного... – ответила Женя еще взволнованным голосом. – Так ... наш маленький семейный вздор*» [1. С. 201].

Отношения с клиентом также получают характеристику в терминах «семейного кодекса»: «Шустрая Нюрка высказывала в переднюю и, осведомившись, кто пришел, докладывала возбужденно, по своему обыкновению: – *Женька, твой муж пришел!*» [1. С. 175]; экономка Зося, рассчитываясь с преподавателем гимназии, «мужем» Маньки Маленькой на эту ночь, поздравляет их с «законным браком» [1. С. 169].

Однако локус публичного дома является, в отличие от просто дома (патриархальной семьи), **матриархатной структурой** (перевернутая гендерная модель). Между проститутками при этом в тексте складываются сестринские отношения (концепты родства, братства, сестры).

Как особую форму «бордельного брака» можно выделить женитьбу на проститутке благородного (но часто бедного) юноши (ср. в русской литературе фактически создается культурный миф о спасении блудницы путём заключения брачных уз с ней): в повести **концептема «женитьба на проститутке»** также становится одним из вербализаторов локуса публичного дома. Маркером «новой» жизни становятся самые известные **когнитивные сценарии-клише**: Лихонин «выкупает» Любку из публичного дома с целью вернуть ее к обычной жизни, однако эта идея в итоге не выдерживает проверку жизнью. Попытки Любки (падшей женщины) найти себе место в рамках истинного «домашнего пространства» обречены: пересечение лотмановской «семантической границы» невозможно [2. С. 282]: **публичный дом => дом, жилище => публичный дом.**

Инверсионность как основная характеристика локуса публичного дома – по отношению к дому – обуславливает наличие и другого качества, а именно – маскарадности борделя как примера вывернутого наизнанку, антисоциального пространства, где имеют место нерегламентированные отношения, в которые вовлечены маргинальные персонажи: «...воры, убийцы, сутенеры и другая сволочь» [1. С. 211].

Концепт «Публичный дом» как локус становится текстообразующей категорией повести А. И. Куприна «Яма»: он функционирует не

только в качестве ценностно важного культурного локуса, «исполненного смысла», но и эволюционирует, переходя на новые, более сложные уровни организации («анти-дом»), «втягивая в себя» иные, пространственные («монастырь») и непространственные («семья», «ребенок») категории и тем самым формируя эротический текст культуры и русской литературы. Публичный дом показан в повести на двух уровнях (топографическом и символическом) в трех плоскостях семантического пространства повести (денотативное, концептуальное, эмотивное).

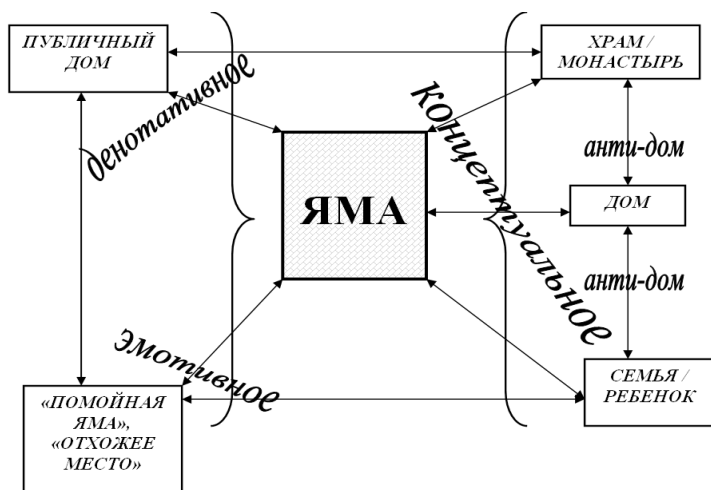

Рис. 2. Концепт «Публичный дом» в повести А. И. Куприна «Яма».

Список литературы

1. Куприн, А. И. Собр. соч. в 6 т. М., 1994. Т. IV.
2. Лотман, Ю. М Структура художественного текста. М., 1970.
3. Мельникова, Н. Н. «Бордельное пространство» русской литературы: (к вопросу о художественном воплощении локуса публичного дома) // Литературная учеба. 2010. № 1. С. 181–194.

List of literature

1. Kuprin, A. I. Sobr. soch. v 6 t. M., 1994. T. IV.
2. Lotman, Ju. M Struktura hudozhestvennogo teksta. M., 1970.
3. Mel'nikova, N. N. «Bordel'noe prostranstvo» russkoj literatury: (k voprosu o hudozhestvennom voplowenii lokusa publicznego doma) // Literaturnaja ucheba. 2010. № 1. S. 181–194.

4. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
5. Топоров, В. Н. Пушкин и Проперций. О «резонантном» пространстве литературы // *Colloquia classica et indo-europica: Классическая филология и индоевропейское языкознание* / Под ред. Н.Н. Казанского. СПб., 2000. С. 292–315.
4. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. M., 1999.
5. Toporov, V. N. Pushkin i Propercij. O «rezonantnom» prostranstve literatury // *Colloquia classica et indo-europica: Klassičeskaja filologija i indoevropskoe jazykoznanie* / Pod red. N.N. Kazanskogo. SPb., 2000. S. 292–315.

**АНТРОПОНИМЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ
(НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ВОЛШЕБНИКОВ
ЦИКЛА РОМАНОВ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ)**

М. В. Соколова

Основная цель статьи – определить специфику имен собственных в произведениях Дж. К. Роулинг: выявить их лексико-семантические особенности, функции онимов, несущих отрицательную и положительную коннотацию в тексте, роль в создании художественных образов.

Ключевые слова: антропоним, фэнтези, имя собственное, функции онимов.

Для понимания, осмысления и восприятия художественного произведения нужна комплексная его интерпретация, но важнейшую роль в исследовании языковой личности писателя, а также в изучении его наследия имеет система имен собственных, или ономастикон, который отражает знания автора о мире природы, о человеке, о социуме, о культуре и т.д., используемые им в ходе реализации творческого замысла.

Имена собственные – неотъемлемый элемент формы художественного произведения. Будучи слагаемым идиостиля писателя, оним в контексте эстетически значим и воспринимается, как отмечал академик В. В. Виноградов, «в сложной и глубокой образной перспективе»¹.

Антропонимы как слова, генетически связанные друг с другом, обладают общими основами. Личные имена образуются из прозвищ, и те и другие служат источниками фамилий. Фамилии, в свою очередь, могут стать основами прозвищ и имен. Поэтому об основах всех этих типов имен можно говорить вместе как об антропоосновах. Обязательные антропоосновы отражают характеристику того или иного лица по физическим свойствам и недостаткам, по поведению (**Longbottom**), по происхождению (**патронимическому** или **оттопонимическому**), сравнивают человека с различными предметами, животными (**Weasley**), птицами, растениями, отражают профессию,

занятие, социальное положение и т.п. Необязательные антропоосновы характеризуют лицо по отдельным событиям из его жизни, особенностями речи (Rubeus, Argus).

Одним из мотивов в серии романов о Гарри Поттере является противостояние добра и зла. Главный герой оказывается поневоле втянут в борьбу с темным волшебником Волдемортом, который пытается захватить власть в мире и уничтожить людей. По мнению И. Л. Галинской, образ Волдеморта есть персонификация зла, а вся жизнь главного героя – Гарри Поттера – это «настоящая смелая битва света и добра, против тьмы и несправедливости»². Волдемортом – прозвище волшебника по имени Том Марволо Ридл (**Tom Marvolo Riddle**). Том Ридл – самый жестокий и злой волшебник современности. Том – распространенное английское имя; Том получил его в честь отца. Marvolo – получил в честь своего деда. (см. ниже) Riddle от англ. дословно «загадка, трудная проблема, *отсеивать*, подвергать жестокой критике». Том Ридл подвержен маниакальной идее о том, чтобы очистить мир волшебников от нечистокровных магов и полукровок (в этом смысле ср. *отсеивать*, когда отбираются только чистокровные маги, и при том никак не относящиеся к маглам). В этом смысле Волдемортом является прямой аллюзией на самого ужасного тирана двадцатого века – Адольфа Гитлера, который пропагандировал чистоту арийской крови, хотя сам не являлся чистокровным арийцем. Имеет прозвище, которое сам себе и придумал – **Volde-mort**. от лат. volo – страстно желать, уготавливать + лат. mortalis «относящийся к смерти», **morti** «смерть». Дословно «страстно желающий смерти», «приготовивший (вам) смерть». В мире волшебников Волдемортом – член одной из старейших семей чистокровных волшебников – **the Gaunt Family** (Семейства Мраксов), хотя его отцом является «магл» (“muggle”) – не волшебник, обычный человек (Том Ридл). **Marvolo Gaunt** – глава семьи Марволо Мракс. Marvolo от уст. лат. Mavors – бог войны Марс. Gaunt – от англ. **gaunt** «мрачный, отталкивающий, изможденный». Марволо Мракс действительно выглядит изможденным – от бывшего состояния не осталось почти ничего. Дом, где живут Мраксы поражает своей отталкивающей обстановкой. **Morfin Gaunt** – сын Марволо. Morfin – перифраз англ. morphine – морфин. Древнегреческий бог Морфей – бог сна и забытья. **Merope Gaunt** – дочь Марволо, Меропа Мракс. Меропе от лат. meropis – птичка, поедаящая пчел. Меропа и выглядит маленькой птичкой загнанной в угол, мечтающей выпорхнуть из этой уже

давно не золотой клетки. Мегоре от др. греч. – изъян в лице, косоглазие. В древнегреческих мифах Меропа была королевой Коринфа и матерью Эдипа. Согласно другому древнегреческому мифу одна из сестер плеяд вышла замуж за смертного Сизифа, и когда боги забрали ее и ее сестер на Олимп – они превратились в прекрасные созвездия, но только шесть из них были видны. Седьмая же – Меропа оставалась невидимой, потому что мужем ее был смертный. Ср. Марволо отказался от дочери, когда узнал, что она вышла замуж за Тома Риддла – обычного человека, а не волшебника.

Необходимо отметить, что, терроризируя волшебный мир, Волдеморт действует не один – ему помогают его приспешники, которые называют себя **Death Eaters (Пожирателями Смерти)** – ср. с прозвищем **Voldemort («Желающий Смерти»)**. Перечислим имена некоторых Пожирателей Смерти. **Avery (Эйвери)** – на суде заявил, что все время действовал под заклятием Imperius, очевидно был оправдан, поскольку не сидел в Азкабана. В Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. От англ. aver – утверждать, заявлять, доказывать (юр.), вариация германского имени *Alberic*, от “oelf” – эльф + «gic» - власть (следует отметить, что первоначально эльфы имели только отрицательные характеристики). Henry Avery (1653–1696) – знаменитый пират, известный также как John Avary, Long Ben (Долговязый Бен), Benjamin Bridgeman. Плавал в Индийском океане, ему приписывают «самое доходное преступление, совершенное в одиночку» – захват корабль Великого Могола с несметными ценностями и дочь индийского царя, на которой он якобы женился. **Ludovic Bagman (Людвик Бэгмен)** – был обвинен в пособничестве, но оправдан, стал работать в Министерстве Магии на посту главы Департамента магического спорта и спортивных состязаний. **Bagman** – 1) коммивояжер 2) старьевщик 3) человек, который занимается в шайке распределением денег, полученных путем рэкета, вымогательства и т.п. (амер. сленг). *Ludo* – игра в кости. По латыни это слово обозначает «я играю»; “*victor ludorum*” (лат.) - победитель в игре. Также обозначает «тот, кто носит сумку». **Carrow Alecto (Алекто Кэрроу)** – впервые упоминается в Шестой книге. Alecto (греч.) – неистовый (в гневе), *carrow* (ирл.) – картежник, шулер. Алекто – в древнегреческой мифологии богиня мщения, одна из Эриний (в римской мифологии Фурий). **Carrow Amycus, брат Alecto (Амикус Кэрроу)** – впервые упоминается в Шестой книге. Amycus (греч.) – терзающий. Амик – в древнегреческой мифологии сын По-

сейдона, царь бекриков, искусный кулачный боец, с которым должен был биться каждый прибывающий в его область чужестранец. Отличался чудовищной силой, вызвал на кулачный бой аргонатов, приставших к берегу его страны, и был убит в поединке Полидевом. **Crabbe (Крабб)** – в Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. От англ. *crabbed* – ворчливый, несдержанный, раздражительный. Так называют того, у кого странная походка, напоминающая краба, или же – вздорного человека: *crab-apple* – дикое яблоко. Синдром Краббе (*morbus Crabbe*) – относится к группе лейкоцистозов (наследственное заболевание нервной системы), характеризуется нарушением психики и интеллекта, прогрессирующим слабоумием. **Goyle (Гойл)**. *Goyle* (идиш) – «тот, кто сослан»; глубокая канава или ущелье. *Gargoyle* – дракон, живший в Сене. **Gibbon (Гиббон)** – впервые упоминается в Шестой книге; убит при нападении на Хогвартс случайным заклятием, посланным в Люпина. От англ. *gibbon* – гиббон – длиннорукая обезьяна. Edward Gibbon (1737–1794) – автор точной и написанной с едкой иронией «Истории упадка и разрушения Римской империи». **Fenrir Grayback (Фенрир Грейбек/Сивый)** – оборотень, укусивший Ремуса Люпина, когда тот был ребенком, и Билла Уизли. От англ. *gray* «серый» + *back* «спина, зад». Фенрир – в скандинавской мифологии чудовищный волк. Богам-асам удалось связать Фенрира магическими оковами, бог Тор пожертвовал при этом своей правой рукой. Согласно пророчеству, во время Рагнарека (конца света) Фенрир вырвется на свободу, разорвав путы, и поглотит солнце. Убьет верховного бога Одина и будет убит его сыном. *Grayback* – предводитель клана Волков в популярной компьютерной игре “Winter Of The Wolf”. **Jugson (Джэгсон)** – в Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. От англ. *jug* + *son* – (сленг) кутузка, тюрьма + сын. **Igor Karkaroff (Игор Каркарофф)** – сидел в Азкабане, раскаялся, стал Директором Дурмштранга. В Шестой книге упоминается о том, что за предательство был убит своими, т. е. Пожирателями Смерти. Предположительно от финского «*karkuri*» – дезертир, беглец, “*karkaus*” – побег, бегство. Или русского «каркать» – в значении «предвещать беду». **Rodolphus Lestrangle (Родольф Лестранж)** – 15 лет в Азкабане до Пятой книги. Вновь попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. От франц. *strangulation* – удушение; англ. *strange* – чужой; чуждый; незнакомый, неизвестный, странный, сдержанный, холодный. *Rodolphus* – от старогерм. *hrothi* «молва» + *vulf* «волк». Имя

было распространено среди правителей Бургундии и Священной Римской Империи. **Walden Macnair (Уолден Макнейр)** – раскаялся, стал палачом при Комитете по Уничтожению Опасных Существ. В Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. Walden от нем. Wald – лес; Macnair в переводе с gaelic – языка шотландских кельтов “mac”+“naire” – сын + грех («блудный сын»). **Lucius Malfoy (Люциус Малфой)** – в Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. Имя Lucius – аллюзия на Lucifer – светлый. В то же время это имя низвергнутого ангела, в различных мифах порой ассоциирующегося с Прометеем или с Апполоном. Он хотел стать равным богу. В демонологии – демон гордости, надменности, в некоторых гримуарах его называют Lucius. Реальная французская фамилия. Malfoy, или родственные Malfoi, Malfois – обозначает того, кому нельзя доверять. Maleficus (лат.) – «злодей»; в средние века так именовали ведьм; maleficium (лат.) вред; колдовство; в средневековой юриспруденции – вред (посредством колдовства); Malleus maleficarum – «Молот ведьм». **Mulciber (Малсибер)** – специализировался по заклинанию Imperius, 15 лет в Азкабане. Вновь попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. Возможно еще один из «друзей» или «слуг» Волдеморта, когда тому было 28 лет. От англ. mulch – перегной. **Mulciber – второе** имя Вулкана/Гефеста – бога-кузнеца на Олимпе, низвергнутого Зевсом. **Nott (Нотт)** – в Пятой книге принимал участие в налете на Министерство Магии, но мог избежать Азкабана, поскольку в самом начале был ранен в Зале Пророчеств и в дальнейшей схватке не участвовал. Nótt – богиня ночи в германо-скандинавской мифологии; в средневековой Англии так именовали плешивых. Josiah Clark Nott (1804–1873) – американский антрополог, теоретик превосходства белой расы, апологет теории «полигенизма» – раздельного происхождения рас, трудами которого пользовались идеологи нацизма, утверждавший в частности, что скрещивание представителей разных рас пагубно влияет на потомство. **Algernon Rookwood (Алджернон Роквуд)** – работал в Департаменте Тайн Министерства Магии, скрылся. В Пятой книге попал в Азкабан после налета на Министерство Магии. От англ. rook – жулик, мошенник, плут, шулер; обманывать, мошенничать; нечестно играть (в карты); выманивать деньги; обдирать, обсчитывать (покупатель) + wood – лес, лесной (ср.деревянный в смысле глупый). “Rookwood” – роман W. A. Ainsworth , описывающий деяния разбойника *Дика Турпина* и его подружки

Черной Бэсс. Algernon Blackwood (1869-1951) – английский писатель в жанре историй о привидениях и о сверхестественном. В том числе писал и для детей. Одна из его новелл называется: “Dudley and Gilderoy: A Nonsense” (1929). **Rosier (Розье)** – сокурник Северуса Снейпа; убит аврорами за год до падения Волдеморта. **Rosier** – поэтическое название куста дикой розы. В демонологии – демон похоти. **Travers (Треверс)** – в Азкабана. От англ. traverse – проход, путь, препятствие, помеха; несчастье, напасти. От англ. “trevis” – так в старину называли сторожей, собиравших пошлину за переход по мосту (Ср. фольклорного персонажа тролля, который жил под мостом и собирал, с проходивших по нему, дань). **Wilkes (Уилкес)** – убит аврорами за год до падения Волдеморта. От англ. wile – хитрость, уловка; обман, прием, ухищрение; завлекать, заманивать, приятно проводить время. John Wilkes (1727–1797) – английский политик эпохи Просвещения, отличавшийся распутством и остроловием.

Бандитам и приспешникам Волдеморта в романах Дж. К. Роулинг противостоят две организации магического мира. Первая это организация Авроров в Министерстве Магии, вторая – Орден Феникса, созданный директором Школы Магии и Волшебства Альбусом Дамблдором. Рассмотрим для начала имена членов «Ордена Феникса». Order of Phoenix (Орден Феникса) – организация созданная Альбусом Дамблдором, чтобы бороться против Волдеморта и Пожирателей Смерти. Членами Ордена Феникса в разное время являлись:

Edgar Bones (Эдгар Боунс) – член первого состава Ордена Феникса; убит Пожирателями Смерти. От англ. bone – кость; арестовывать (ср. он боролся с преступниками, которых потом отправляли в Азкабан – тюрьму для волшебников); от староангл. eadgar «богатый, счастливый». **Caradoc Dearborn (Карадок Диборн)** – член первого состава Ордена Феникса; убит Пожирателями Смерти. Dearborn от англ. dear + born - милый, дорогой + родившийся, прирожденный. Caradoc, иначе Caractacus (лат.) – предводитель восстания бриттов против римских завоевателей (43–42 г. н.э.) В битве в северном Уэльсе Карадок потерпел поражение, был схвачен и отвезен в Рим, где император Клавдий, однако, даровал жизнь ему и его семье. **Dedalus Diggle (Дедалус Диггл)** – Dedalus (Дедал) в древнегреческой мифологии искусный техник, соорудивший крылья. Diggle (Диггл) – деревня в графстве Большой Манчестер на западе Англии. **Elphias Doge (Эльфиа Дож)** – член первого состава Ордена Феникса. Eliphas Levi – известный оккультист 19-го века, исследовал связь

между картами Таро и иудейской кабалой. Doge от англ. ист. doge – дож. **Albus Percival Wulfric Brian Dumbledore** (Альбус Персиваль Уилфрик Брайан Дамблдор) – глава, основатель и член первого состава Ордена Феникса, директор Школы Хогвартс; убит Северусом Снейпом. Albus от лат. albus – белый. (Дамблдор – «светлый, белый маг»). Ср. Alba (кельт. – светлый) – древнее название Шотландии. Позже Британию стали называть Albion. В работе Генриха Корнелия Агриппы фон Неттесгейм (который также упоминается в серии романов о Гарри Поттере), знаменитого философа и мистика эпохи Средневековья “De Occulta Philosophia” (1531), есть упоминание о так называемой «белой» энергии, превращающей страдания в счастье – Albus. Percival – аллюзия на героя цикла артурианских легенд Персиваля, рыцаря-«простофилю», наивного и чистого, который по одним мифам достиг Грааля и стал основателем ордена его хранителей, а по другим – в своих странствиях забыл о Граале. Святой Wulfric в средние века был широко известен творимыми чудесами и пророчествами; франкское имя Ульффрик состоит из двух частей: wulf+ric – волк+владыка. Здесь прослеживается аллюзия на древнегерманский эпос, в котором герой Беовульф (Beowulf, ср. Wulfric) победил злого Гренделя (Grendel). Мы знаем, что Альбус Дамблдор победил злого волшебника Гриндевальда (Grindewald ср. Grendel) в 1945 г. Brian – от старкельт. “bre” – могущество, благородство. Dumbledore (староангл.) – «шмель». Нам известно, что Дамблдор очень любит музыку, его часто можно заметить бродящим в окрестностях школы, напевающим себе «под нос». Окончание фамилии -dore – отсылает к франц. d’or – золотой. **Rubeus Hagrid** (Рубеус Хагрид) – полувеликан; член первого состава Ордена Феникса. Rubeus от лат. rubeus – красный. У Агриппы, в книге, которая упоминалась выше, говорится также о второй энергии – “Rubeus” – «красной», необузданной, первозданной энергии. Hagrid – от староангл. диал. hagridden «мучимый кошмарами; подавленный, угнетенный». Хагрид, когда с ним случаются неприятности, всегда много пьет, а значит становится угнетенным и подавленным. **Hestia Jones** (Гестия Джонс). Hestia – аллюзия на древнегреческую богиню домашнего очага – Гестию. В древнегреческих мифах Гестия также – старшая сестра Зевса, никогда не вступала в брак, в римской мифологии – Веста. **Remus J. Lupin** (Ремус Дж. Люпин) – член первого состава Ордена Феникса; оборотень с детства, был укушен Фенриром Грейбеком (см. выше). Remus (Рем), по римскому преданию, брат-близнец Ромула (Romulus) – первого

царя Рима, вместе с ним основавший г. Рим (8 в. до н. э.). По легенде, Ромул и Рем сыновья Реи Сильвии и бога Марса были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом. Несомненно, что у фамилии Lupin и английского слова “lupine” – «волчий» – при чтении одинаковое ассоциативное восприятие, однако французское происхождение этого слова – более интересно. По-французски “lupin” – это тоже «волчий», однако слово – староеупотребительное. В современном французском слово lupin – обозначает pois de loup (lat. Lupinus) – «Волчий горох» – растение, используемое в качестве корма или как удобрение (интересно, что согласно средневековым поверьям растение «Волчий горох» использовали темные колдуны, чтобы «портить землю»). Фамилия Lupin сразу же ассоциируется с героем серии полицейских романов начала прошлого века Арсена Люпэна (Arsene Lupin) – «грабителем из высшего общества», «городским Робинот Гудом». (Ср. Робин Гуд имеет также прозвище «Принц воров», является предводителем бедных крестьян, у которых уже ничего не осталось; Ремус Люпин, так как является оборотнем, не может найти себе работу и поэтому «ходит в обносках»). Возможно Роулинг, под впечатлением героя этих романов, дала очень неоднозначному профессору Люпину столь подходящую фамилию, чтобы подчеркнуть его загадочность. Европейские исследователи литературного персонажа Арсена Люпэна находят в книгах о нем большое количество герметических символов и связей с масонством, т.е. членством в «тайном обществе», «ордене». Слово “Люпэн” имеет еще более далеко уходящую морфологию, которая с позиции герметической кабалы составлено из названий двух из четырех галло-римских богов: “Leu” – волк, “Pen” – орлан. Старый масонский символ – кентавр, держащий на носу сосновую шишку (centaure – le pin), создан с помощью так называемого «языка птиц», или «герметической кабалы», из “Can” – собака, “Tur” – бык, “Leu” – волк, “Pen” – орлан. В результате слияния четырех слов получилось: CENTVR LEVPIN или saint Turlupin (персонаж, до сих пор аллегорически используемый масонами). Очень любопытен тот факт, что в соответствии с традициями герметической кабалы Собака и Волк символизируют два основных элемента алхимии – Серу и Ртуть, из которых один неизбежно должен быть уничтожен в алхимическом процессе, но и второй в этом процессе распадется. Ср. Собака-Сириус и Волк-Люпин – одни из основных героев повествования. **Minerva McGonagall** (**Минерва Макгонаголл**) – преподает Трансфигурацию в Хогварт-

се. Минерва – в римском пантеоне дочь Юпитера, богиня мудрости и доблести, ее наказания были известны своей суровостью и справедливостью. William McGonagall – шотландский поэт, выходец из семьи ткачей, в зрелом возрасте будучи посещаем музой, взял себе второе имя Тораз и написал сонм безобразных по стилю поэм и од. Фамилия McGonagall – образовано от имени Congal, составленного из старокельтских слов “high” и “valor” – «высший» и «доблесть».

Dorcas Meadows (Доркас Медоуз) – член первого состава Ордена Феникса, убита собственноручно Волдемортом. Фамилия Meadows произошла от англ. meadow – луг, низина. “Dorcas” – название английского женского благотворительного общества для снабжения бедных одеждой.

Alastor Moody, “Mad-Eye” (Аластор Моуди/Грюм, “Шизоглаз/Грозный Глаз”) – член первого состава Ордена Феникса, бывший работник Министерства Магии. Фамилия Moody образована от англ. moody – «сварливый». Ирландское имя Alastar происходит от греч. Александр – «защитник». Аластор – в греческой мифологии дух возмездия. Получил прозвище Грозный Глаз/Шизоглаз (Mad Eye) скорее всего потому, что имеет магический глаз, который вращается во все стороны; некоторые сотрудники Министерства Магии считали Грюма сумасшедшим (ср. Mad Eye), так как ему всегда казалось, что за ним следят приспешники Волдеморта.

James Potter (Джеймс Поттер) – отец Гарри Поттера, член первого состава Ордена Феникса; убит Волдемортом. Фамилия Potter образована от англ. potter – гончар; to potter – слоняться без дела, тратить время попусту (Джеймс во время учебы в Хогвартсе был известным хулиганом).

Lily (Evans) Potter (Лили Поттер, урожденная Эванс) – мать Гарри Поттера, член первого состава Ордена Феникса; убита Волдемортом. Evans Brothers – лондонское издательство; основано в 1908 г., выпускает детские книги и учебники.

Рассмотрим имена Авроров (в другом переводе *Мракоборцов*). **Авроры (Aurors)** – колдуны из особого подразделения магов для борьбы со сторонниками Волдеморта (Voldemort) и темными силами. Само название ауоро образовано от имени римской богини утренней зари – Авроры (Ср. Ауорога от лат. *aura* – «предраассветный ветерок»). В римской мифологии Аврора – богиня, приносящая свет богам и людям. Задача Авроров – выслеживать и обезвреживать черных магов. Авроры были наделены особыми правами и могли использовать почти те же методы, что и сторонники Волдеморта.

Gawain Robards – глава авроров. Robards – от англ. bard – бард

(странствующий певец у древних кельтов; барды прославляли деяния богов и героев; пели на пирах у королей и знати; самые старые из сохранившихся песен бардов относятся к 5 в. н. э.). Gawain – сэр Гавейн – один из рыцарей Круглого стола; за свои изысканные манеры получил прозвище «Учтивый» (“The Courteous”). По одним легендам, благороден и храбр, по другим – отличается коварством. **Dawlish** – очень способный и самоуверенный, в книге описан как «жестокий на вид волшебник». Имя Dawlish возможно произошло от названия города Devon (Девон, Девоншир), который расположен недалеко от Экзетера (Exeter) – город на юго-востоке штата Нью-Хэмпшир, где Дж. Роулинг училась в университете. **Proudfoot** – аврор, который находился на территории Хогвартса в книге шесть. От англ. proud + foot – гордый + ступня Proudfoots (Большеноги, Большеступы, Шерстолапы) – фамилия семейства хоббитов у Дж.Р.Р.Толкиена. **Savage** – аврор, который оставался в Хогвартсе вместе с Долишем, Праудфутом, и Тонкс. От англ. savage – грубый, невоспитанный, бескультурный, нецивилизованный. Хотя это и аврор, но его имя несет явно выраженную отрицательную характеристику, так как он связан с Фаджем, который долгое время не верил, что Волдеморт жив и отказывался помочь Дамблдору. **Kingsley Shacklebolt** – аврор, работник Министерства магии, после действия сюжета серии романов – министр магии Великобритании; член Ордена Феникса. Shacklebolt от англ. bolt + shackle – запирать на засов + серьга, ушко. (Ср. носит в одном уже золотую серьгу, bolt – как надежный, не выдает местоположение Сириуса, держит язык за зубами); ср. также англ. “to bolt shackles” – заковать в кандалы. В Шестой книге Кингсли охранял главу правительства – Руфуса Скримджера от возможных атак Пожирателей Смерти.

Как видно из вышеперечисленных проанализированных имен собственных, ономастикон романов о мальчике волшебнике Гарри Поттере представлен именами как отрицательных, так и положительных персонажей. Антропонимы в данном случае выступают не только маркерами, подчеркивающими те или иные качества и характеристики персонажа, но и наглядно иллюстрируют извечную борьбу сил добра и зла.

Примечания

¹ Виноградов, В. В. Язык художественного произведения // Во-

Notes

¹ Vinogradov, V. V. Jazyk художественного произведения //

просы языкознания. 1954. № 5. С. 18.

² Галинская, И. Л. Добро и зло в романах Джоан Роклинг о Гарри Поттере // Исторические и литературные источники романов о Гарри Поттере. 2011. С. 85.

Voprosy jazykoznanija. 1954. № 5. S. 18.

² Galinskaja, I. L. Dobro i zlo v romanah Džoan Rokling o Garri Pottere // Istoricheskie i literaturnye istochniki romanov o Garri Pottere. 2011. S. 85.

Список использованных словарей

1. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имён. М. : Астрель; АСТ, 2000. 224 с.
2. Рыбакин, А. И. Словарь английских фамилий. М. : Астрель ; АСТ, 2000. 576 с.
3. Томахин, Г. Д. Великобритания: Лингвостарноведческий словарь. М. : Астрель ; АСТ, 2001. 336 с.
4. Энциклопедия: Кельтская мифология / пер. С. Головой, А. Голова. Эксмо, 2002. 575 с.
5. <http://www.behindthename.com/> – The Etymology and History of First Names.

**List
of used dictionaries**

1. Rybakin, A. I. Slovar' anglijskih lichnyh imjon. M. : Astrel'; AST, 2000. 224 s.
2. Rybakin, A. I. Slovar' anglijskih familij. M. : Astrel' ; AST, 2000. 576 s.
3. Tomahin, G. D. Velikobritanija: Lingvostarnovedcheskij slovar'. M. : Astrel' ; AST, 2001. 336 s.
4. Jenciklopedija: Kel'tskaja mifologija / per. S. Golovoj, A. Golova. Jeksno, 2002. 575 s.
5. <http://www.behindthename.com/> – The Etymology and History of First Names.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ ПЬЕС 1940–50-Х ГОДОВ

Н. А. Трубникова

Статья посвящена подробному анализу образов-символов как способов выражения художественной условности в пьесах американской драматургии 1940-50-х годов. Исследование проводится на материале пьес А. Миллера «Death of a Salesman» («Смерть коммивояжера»), Т. Уильямса «The Glass Menagerie» («Стеклянный зверинец») и Э. Олби «The Zoo Story» («Что случилось в зоопарке»). Автор изучает значение символики в контексте драматургической традиции эпохи.

Ключевые слова: драматургия, художественная условность, образ-символ, гротеск.

Для американской драмы середины XX века был характерен переход от акцентирования социальных проблем к раскрытию личных трагедий героев. Именно такие трагедии нашли свое отражение в образах-символах и фигурах гротеска, составляющих символическую группу способов выражения художественной условности.

Исследование целей и принципов функционирования способов выражения художественной условности может быть построено на анализе материала наиболее показательных пьес американской драмы 1940–50-х годов: «Death of a Salesman» («Смерть коммивояжера») А. Миллера, «The Zoo Story» («Что случилось в зоопарке») Э. Олби и «The Glass Menagerie» («Стеклянный зверинец») Т. Уильямса.

В пьесе А. Миллера образом-символом является фигура Бена как образец успеха. При этом на факте общения этого умершего персонажа с героем пьесы строится гротескная ситуация драмы. А. Миллер пытается донести до читателя идею о чрезмерном желании «маленького человека» добиться успеха, граничащем с безумством и ведущем к гибели героя.

Бен также олицетворяет целеустремленность и несбывшиеся мечты главного персонажа – Вили Ломена. Сознание Вилли заставляет его видеть Бена, который уже умер, что говорит о том, насколько сильно Бен и то, что он воплощал, значило для главного героя. В

контексте пьесы, где коммивояжер Вилли Ломен всю свою жизнь безрезультатно пытается добиться успеха, образ-символ преуспевающего брата не дает герою покоя и руководит им. При этом именно Бен зовет Вилли из дома, перед тем как тот разбивается.

Таким образом, именно неосуществленные амбиции скромного коммивояжера, наглядно отображенные в образе-символе «Бен», сначала подавляют героя, а затем становятся причиной его смерти.

Американский литературный критик С. Эбботсен выделяет также такие образы-символы, как «семена», «автомобиль», «холодильник», «магнитофон» [1. С. 90–93]. При этом особое внимание уделяется изучению символики имен в пьесе.

В контексте пьесы образ-символ «семена» отображает ложные, заведомо несбыточные мечты Вилли Ломена. В психологически сложный для него момент, едва опомнившись от горьких воспоминаний, герой решает, что ему срочно необходимо приобрести семена для своего сада. В этом, с первого взгляда, абсурдном поведении скрыт подтекст. Герой остро нуждается в своих «ложных надеждах». Они, словно опиум, позволяют ему забыть о житейских проблемах и собственных неудачах и снова верить в счастливое будущее.

Образы-символы «автомобиль», «холодильник», «магнитофон» по контрасту призваны подчеркнуть несовременность Вилли, его несоответствие требованиям мира новых технологий, что также явилось причиной его неудачи. Образ-символ «холодильник» также призван отобразить сомнительность былых побед героя. Вилли приобрел его, как и многие другие вещи, в кредит, однако не успел он полностью уплатить за него, как холодильник стал постоянно ломаться. Таким образом, автор аллегорично показывает читателю мнимое благополучие героя.

Пьеса Э. Олби «The Zoo Story» наполнена образами-символами, взаимодействие которых способствует раскрытию основной идеи произведения о естественной потребности личности в обществе: общении и понимании. Образ-символ собаки, с которой пытался построить общение главный герой, изображает представление о человеке, в котором Джерри пытался найти друга, обрести поддержку. Образы-символы «домашние животные» (попугайчики, кошки) призваны отображать общепринятое понятие о семейном благополучии и уюте.

«JERRY. ...Hurry away, your parakeets are making the dinner ... the cats ... are setting the table... » («Джерри. ...Торопись, твои попугайчики готовят обед... кошки... накрывают на стол...»).

Гротеск, содержащийся в данной ремарке, заключается в приписывании домашним животным свойств и функций человека, в действительности невозможных. Драматург прибегает к гротеску, чтобы показать, насколько ординарна семейная жизнь человека. Тенденция драматурга привлекать отдельных животных для создания образов-символов социальных явлений логически обуславливает идею создания образа-символа зоопарка, изображающего социум в целом. При этом особое значение придается идее непонимания и одиночества человека в обществе.

Пьеса «*The Glass Menagerie*» Т. Уильямса особенно насыщена образами-символами. Центральным образом-символом является сам стеклянный зверинец главной героини Лауры, отображающий ее хрупкость, нежность и ранимость.

«LAURA. ...Glass breaks so easily. No matter how careful you are» («Лаура. Стекло легко бьется. Как бы ты ни был осторожен»).

Увлечение Лауры во многом соответствует характеру персонажа. Подобно тому, как легко можно разбить стекло, так же просто можно ранить чувства героини. Джим представляет собой образ обычного простого парня, и хотя герой и старается понять чувства Лауры, он все же остается представителем «внешнего мира», от которого героиня отгораживается, найдя утешение в своем необычном увлечении. В итоге Джим разбивает фигурку стеклянного единорога и ранит чувства Лауры, отвергая ее. Так связь образа-символа «стеклянный зверинец» с героиней еще более усиливается. При этом Единорог из ее коллекции символизирует отчужденность, необычность и непохожесть Лауры на других. Эта мысль звучит на протяжении всей пьесы.

Также Т. Уильямс привлекает образ-символ «портрет мистера Уингфилда». В контексте пьесы данный образ-символ амбивалентен.

С одной стороны, он передает любовь Аманды к мужу и ее стремление выдать дочь замуж. Героиня обращается к фотографии мужа всякий раз при разговоре с дочерью о ее замужестве. Портрет мужа напоминает ей о былом счастье, любви, успехе среди мужчин, которыми она так гордится.

С другой стороны, образ-символ «портрет мистера Уингфилда» отображает идею свободы и мечты о странствиях.

«A blown-up photograph of the father hangs on the wall of the living-room ... He is gallantly smiling, ineluctably smiling, as if to say «I will

be smiling forever» («В гостиной на стене висит увеличенная фотография отца... Он галантно улыбается, улыбается несмотря ни на что, как будто говоря: “Я буду улыбаться всегда”»).

«There is a fifth character in the play who doesn't appear except in this larger-than-life-size photograph over the mantel» («В пьесе есть еще и пятый персонаж, который не появляется нигде, кроме как на фотографии над камином, на которой он изображен больше, чем в натуральную величину»).

Драматург придает особое значение данному образу-символу, отводя портрету центральное место в доме персонажей – он висит в гостиной над камином. Называя фотографию «пятым персонажем пьесы», Уильямс напоминает читателю о силе иллюзий прошлого и призрачности надежд настоящего в жизни героев. Ностальгия Аманды по ушедшей молодости является ключевым аспектом, определяющим характер героини, а для Тома образ отца становится примером человека, сумевшего сбросить ненавистные оковы реальности, приземляющей его поэтические, свободолюбивые порывы. Т. Уильямс упоминает о том, что на этой фотографии герой улыбается для того, чтобы отобразить торжество человека, покинувшего дом Уингфилдов и реализовавшего мечту о странствиях.

Образ-символ «нарциссы» указывает на некую склонность персонажей к эгоизму и самолюбованию. Например, Аманда, вспоминая свою былую красоту и успех среди молодых людей, упоминает небывалое количество нарциссов в то время. Но и затем, много лет спустя, она украшает дом вазой с нарциссами. Как известно из греческой мифологии, юношу, который погиб, влюбившись в свое отражение, звали Нарцисс. Теперь его имя стало нарицательным и является символом гордости и самовлюбленности.

Таким образом, значимость символики в американской драме к середине XX века усиливается. **Образы-символы становятся одним из центральных способов выражения художественной условности, используемых американскими драматургами с целью емкой и доступной репрезентации главных тем и идей произведений.** Привлечение образов-символов в драмы 1940–50-х годов, в свою очередь, соотносится с общей тенденцией опоры на эмоционально-чувственное восприятие, свойственное данному периоду, поскольку понимание символики основано не только на культурно-эстетическом образовании человека, но также на его способностях к ассоциативному мышлению. При этом гротеск, так же, как и в пьесах

1910–30-х годов, строится на основе привлекаемых образов-символов, отождествляя абсурдность обстоятельств в жизни героев, тем самым подчеркивая остроту личностных конфликтов персонажей. Изображение противостояния духовного и материального становится особо актуальным к середине 20 века – в период расцвета массовой культуры.

Список литературы

1. Abbotson, S. C. W. Masterpieces of 20th Century American Drama. Westport. London: Greenwood Press, 2005. P. 90–93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РИТУАЛИЗИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР РЕЧЕВЫХ АКТОВ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. Б. Груздева

В статье рассматриваются основные понятия теории речевых актов, классификация речевых актов Дж. Серля и Д. Вандервекена, косвенные речевые акты. Конвенциональные речевые акты анализируются в связи с их частотностью употребления, автоматическим характером использования в речи. Приводятся мнения авторитетных ученых и методистов о целесообразности обучения ритуализированным речевым актам и собственно методологии обучения.

Ключевые слова: речевой акт, косвенный речевой акт, ритуализированный речевой акт, автоматизм, прагматика, методика обучения иностранным языкам.

Обучающийся иностранному языку должен овладеть не только грамматикой, лексикой, фонетикой, но также и прагматической компетенцией использования языка для достижения определенных целей общения. Язык в его функционировании и результат его воздействия на партнера по коммуникации является предметом исследования в рамках различных деятельностных, прагматических, социолингвистических теорий. Нам представляется, что для практических целей обучения в качестве основы для анализа речевого материала следует взять теорию речевых актов (ТРА). ТРА имеет четко очерченную узкую область исследования. Классификацию речевых актов Джона Серля и Даниэля Вандервекена можно взять в качестве основы структурирования речевого материала [2].

ТРА возникла в 60-е годы 20 века на основе идей английского философа-логика Джона Остина, изложенных в работе под названием "How to Do Things with Words" (1962). Джон Остин представил речевой акт как единство трех актов. Локутивный акт представляет собой акт произнесения чего-либо с использованием языковых средств. В ходе иллокутивного акта говорящий посредством произнесения чего-либо совершает определенное действие. Осуществляя

иллокутивный акт, говорящий преследует определенную цель, общая высказыванию иллокутивную силу. Перлокутивный акт выражает влияние, которое произвел на поведение, воззрения адресата иллокутивный акт [3].

Идеи Джона Остина получили развитие в трудах американского логика Джона Серля в монографии “Speech Acts” (Searle, 1969) и ряде его статей. Джон Серль формулирует четыре условия совершения речевого акта: пропозициональное (propositional), подготовительное (preparatory), условие искренности (sincerity) и основное (essential). Можно привести следующий пример условий для «просьбы»:

Пропозициональное содержание: просьба А, направленная к Н.

Подготовительное условие: 1. S полагает, что Н сможет выполнить А.

2. Не очевидно то, что Н выполнит бы А, если бы его об этом не попросили.

Условие искренности: S хочет, чтобы Н выполнил А.

Основное условие: Высказывание рассматривается как попытка побудить Н выполнить А [7. С. 25–26].

Система речевых актов, предложенная Джоном Серлем и Даниэлем Вандервекенем, включала следующие классы: 1) ассертивы или репрезентативы; 2) директивы; 3) комиссивы; 4) декларативы; 5) экспрессивы.

Косвенными речевыми актами Дж.Остин и Дж.Серль называют речевые акты, иллокутивная сила которых не совпадает с типом предложения (утвердительное, побудительное, вопросительное – соответственно утверждение, приказ/просьба, вопрос). Это обусловлено тем, что есть законы вежливости и определенные традиции общения в определенных контекстах [7. С. 27].

Большее предпочтение косвенных или прямолинейных форм является культурно обусловленным, сравните, например, воплощение речевого акта-эмотива «извинение» в английском и немецком языке: “You are not upset, are you?” и “Ich wollte dich nicht kränken” [5].

Джеймс Р. Наттингер и Джанетт С. Декарико (Nattinger & DeCarico, 1992) выделяют конвенциональные и неконвенциональные косвенные речевые акты. Лексико-грамматическая форма конвенциональных косвенных речевых актов устойчиво ассоциируется с определенной функцией, неконвенциональные речевые акты, напротив, потенциально многофункциональны и, следовательно, для их интерпретации задействуются более сложные когнитивные про-

цессы. Это же определение конвенциональных/неконвенциональных косвенных речевых актов можно перенести и на все речевые акты. Конвенциональность предполагает устойчивую связь формы и содержания. Постоянное повторение высказывания для выражения определенной функции может создать устойчивую связь между формой и функцией, и высказывание будет храниться в ячейке памяти как отдельная единица смысла. Исследователь Джерри Л. Морган (Morgan, 1978) отмечает, что высказывание “Can you pass the salt” может быть проанализировано, но не анализируется слушающим, подразумеваемый смысл возникает мгновенно и высказывание подвергается минимальной обработке в мышлении слушающего [7. С. 27–28].

Немецкий ученый Юлиана Хаус в своем сравнительном анализе особенностей немецких и английских речевых актов отмечала тенденцию к предпочтению в немецком неритуализированных (неконвенциональных) высказываний, сравните, например, речевой акти- директив «просьба об одолжении» в английском и немецком языках, “Can you do me a favour?” и “Ich wollt’ nur mal fragen, ob du mir da vielleicht morgen mal aushelfen kannst” [5].

Исследователь Джон М. Синклэр (Sinclair, 1987) считал, что в системе языка действуют два принципа: принцип свободного выбора языковых единиц и идиоматический принцип [7. С. 30].

Джеймс Наттингер и Джанетт ДеКаррико (Nattinger & DeCarrico, 1992) полагают, что ритуализированные речевые акты «находятся где-то посередине между традиционным полюсом лексики и грамматики, они обладают конвенциональной связью между формой и функцией, встречаются чаще и идиоматически более детерминированы в своих значениях, чем высказывания, которые формулируются каждый раз заново. [7. С. 29].

Маргарет А. Дюфон провела исследование методики обучения метакоммуникативным речевым актам индонезийского языка. Метакоммуникативные речевые действия - это высказывания, практически лишённые пропозиции и обладающие лишь иллюкутивной силой (прагматическим значением). Они имеют своим объектом не реальность мира, а само речевое высказывание. Сюда относятся такие речевые акты как вступление в разговор, активизация речи собеседника, сигналы поддержания речевого контакта со стороны слушающего. В зарубежных исследованиях метакоммуникативные речевые акты чаще называются гамбитами. Маргарет Дюфон отмечает, что конвенциональные речевые акты, как и другие ритуали-

зированные формулы, встречаются в языке чаще, чем уникальные, творческие высказывания. Это же показали и корпусные исследования [6; 7. С. 27].

Частая повторяемость таких высказываний позволяет воспроизводить их в речи автоматически. Ричард В. Шмидт утверждает, что более автоматическая речь - это более беглая речь (Schmidt, 1992), Пол Леннон считает, что при беглой речи психолингвистические процессы планирования речи и речепроизводства функционируют более эффективно (Lennon, 1990) [6].

Эндрю Паули и Франсис Сайдер пишут, что речевые формулы способствуют формированию у изучающих иностранный язык беглости речи. Формула запоминается и легко извлекается из памяти как отдельная единица, в потоке речи не возникают паузы и hesitation. Использование речевых формул делает речь более естественной, приближенной к речи носителя языка (Pawley & Syder, 1983) [6].

Однако автоматический характер ритуализированных высказываний и их небольшое пропозициональное содержание делает их когнитивно незаметными (Verschueren, 1981; Dufon, 1992). Важно обратить внимание студента на такие речевые формулы (Schmidt, 1993) [6]. Необходимость внимания к ритуализированным речевым актам, а также к культурным различиям в их реализации отмечается также и в исследовании Юлианы Хаус, и в исследовании группы американских ученых, создавших электронный учебник по обучению речевым актам японского дискурса. Обучение должно заключаться, прежде всего, в осознании различий в дискурсе [4; 5].

Знание конвенциональных речевых актов позволяет быть вежливым. Вежливость подразумевает не только владение речевыми актами «благодарность», «извинение», «комплимент», «просьба», но и другими, в том числе, метакоммуникативными актами. Как считает Брюс Фразер (Fraser, 1990), вежливость – это понимание уместности чего-либо в конкретной ситуации, она подразумевает взаимное сотрудничество собеседников. Форма высказывания речевого акта зависит так же от статуса собеседников, вежливость предполагает учет статуса собеседника [6].

Валентин Дмитриевич Девкин, автор методического пособия «Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской», отмечает опасность избыточного употребления студентами разговорных клише, что сделает их речь неестественной: «Речь владеющего иностранным языком не должна быть казенной, но вместе с тем, она

не может быть слишком фамильярной, перенасыщенной экспрессивными средствами. Значительную долю разговорноокрашенных явлений иностранец должен без труда расшифровать, но применять их ему совершенно необязательно. Принцип активности при решении методических задач, связанных с живой речью, очевиден. Однако некоторые приемы работы на узнавание, понимание и анализ языковых явлений (в разумной пропорции) также полезны. К сожалению, к методике пассивного усвоения материала проявляется мало интереса. Стихийно в пассивный фонд попадает не специально для него предназначенное, а недоработанное в результате неудач по активизации активного материала» [1. С. 139]. Можно согласиться с автором в том, что ошибки студентов в выборе правильного контекста для той или иной фразы, представляют собой реальную проблему, которая неминуемо встает перед преподавателем. Однако приемы работы с ритуализированными высказываниями не следует ограничивать только лишь узнаванием и пониманием. Активное их употребление способствует дальнейшему совершенствованию речи студента, выработке беглости, соблюдению культурных норм дискурса, правил вежливости и более успешному общению студента на иностранном языке.

Список литературы

1. Девкин, В. Д. Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. языков. М. : Высш. шк., 1981. 158 с.
2. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. URL: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/>
3. Остин, Дж. Л. Как производить действия при помощи слов. М. : Идея – пресс, 1999. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia2/austin.htm>
4. Andrew, D. Cohen & Noriko Ishihara. A Web-Based Approach

List of literature

1. Devkin, V. D. Dialog: Nemeckaja razgovornaja rech' v sopostavlenii s russkoj. Ucheb. posobie dlja in-tov i fak-tov inostr. jazykov. M. : Vyssh. shk., 1981. 158 s.
2. Kobozeva, I. M. «Teorija rechevyh aktov» kak odin iz variantov teorii rechevoj dejatel'nosti. URL: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/>
3. Ostin, Dzh. L. Kak proizvodit' dejstvija pri pomowi slov. M. : Ideja – press, 1999. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia2/austin.htm>
4. Andrew, D. Cohen & Noriko Ishihara. A Web-Based Approach

to Strategic Learning of Speech Acts, 2005. URL: <http://www.carla.umn.edu/speechacts/Japanese%20Speech%20Act%20Report%20Rev.%20June05.pdf>

5. Juliane, House. Zum Erwerb interkultureller Kompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-01-3/beitrag/house.htm>

6. Margaret, A. Dufon. The acquisition of gambits by classroom foreign language learners of Indonesian. URL: <http://sealang.net/sala/archives/pdf8/dufon1995acquisition.pdf>

7. Svenja, Adolphs. Corpus and context. Investigating pragmatic functions in spoken discourse. *Studies in corpus linguistics* 30. John Benjamin publishing company, 2008. 151c.

to Strategic Learning of Speech Acts, 2005. URL: <http://www.carla.umn.edu/speechacts/Japanese%20Speech%20Act%20Report%20Rev.%20June05.pdf>

5. Juliane, House. Zum Erwerb interkultureller Kompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-01-3/beitrag/house.htm>

6. Margaret, A. Dufon. The acquisition of gambits by classroom foreign language learners of Indonesian. URL: <http://sealang.net/sala/archives/pdf8/dufon1995acquisition.pdf>

7. Svenja, Adolphs. Corpus and context. Investigating pragmatic functions in spoken discourse. *Studies in corpus linguistics* 30. John Benjamin publishing company, 2008. 151c.

**ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ В СЕВЕРООСЕТИНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ
«КУДАРЕЦ» (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКИХ
ИНТЕРНЕТ-БЛОГОВ И ФОРУМОВ)**

А. У. Качмазова

В статье рассматривается ядерная доминанта лингвокультурного типажа кударец в осетинской лингвокультуре – кударец-беженец, представленный на основе гетеростереотипов северных осетин о кударцах-беженцах 1989–1992 гг. на материале осетинских Интернет-блогов и форумов.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, этнический стереотип, гетеростереотип, северный/южный осетин, кударец.

«Каждое национальное сообщество воспринимает мир сквозь призму своих стереотипов. Стереотип – это фрагмент или образ картины мира, существующий в сознании. Это некоторый образ – представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизировано – инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [5. С. 178].

«Лингвокультурный типаж также соотносится с понятием «стереотип» [4. С. 47]. «Выделяют несколько разновидностей стереотипов: социальные, ментальные, языковые, этнические стереотипы, стереотипы общения, речевые стереотипы» [3. С. 7]. «Лингвокультурный типаж в большей степени относится к такой форме социального стереотипа, как этнический стереотип» [4. С. 47]. «Под этническим стереотипом как разновидностью понимается обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. Он характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы» [7. С. 285].

«Этностереотип представляется как результат этноцентрирования, т.е. четко выраженной склонности рассматривать ценности другого народа сквозь призму ценностей своего этноса». [7. С. 297]. «Он может быть автостереотипом, т.е. описывающим собственную

группу, и гетеростереотипом, т.е. описывающим другую этническую группу» [7. С. 289].

«Этнический гетеростереотип представляет собой как оценочный образ «чужого», зафиксированный в языке (номинативные модели, паремии), так и значимый концепт, составляющий непрременный элемент картины мира. Этностереотип играет важные для самоосознания и самопознания этноса (представления о «своем» и «чужом» народе, «своей» и «чужой» религии, обрядности и системе ценностей) роли» [2. С. 3].

«Лингвокультурный типаж – это образ представителя данной этнической общности, наделенный такими чертами национального характера, которые обобщают стереотипные представления о данной лингвокультуре». [4.С. 48]

«Как и этнический стереотип, лингвокультурный типаж имеет оценочную характеристику и может восприниматься членами данной лингвокультуры или представителями других наций как положительный, нейтральный либо негативный» [4. С. 48].

В данной статье рассматриваются этнические гетеростереотипы северных осетин о кударцах (южных осетинах) на материале кавказских Интернет-блогов и форумов. Стереотипный образ кударца, выделяемый и узнаваемый на основании нескольких признаков, формирует представление о существовании лингвокультурного типажа *кударца* в современном языковом сознании северных осетин.

Данная статья рассматривает гетеростереотипы, формирующие лингвокультурный типаж *кударец*, по следующей структуре: 1) характеристика социально-исторических условий, в рамках которых выделяется определенный типаж; 2) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях, толкованиях; 3) образно-ценностное представление о типаже, включающее его культуру, язык, речевые особенности, манера поведения, внешность, занятие и досуг, оценочные высказывания, характеризующие оценку со стороны носителей североосетинской лингвокультуры.

Для выявления понятийных и образно-оценочных характеристик данного типажа в представлении северных осетин на основании анализа оценочных текстовых суждений Интернет-блогов и форумов следует ознакомиться с предысторией появления стереотипов, с причинами и условиями их возникновения. Следовательно, необходимо охарактеризовать социально-исторические условия и геополитические факторы, повлиявшие на формирование лингвокуль-

турного типажа «кударец» в североосетинской лингвокультуре, на становление их менталитета и рассмотреть специфику диалектов осетинского языка.

«Осетины (иронск. *ир*, *ирæттæ*, *ирон адæм*, дигор. *дигорæ*, *дигорæнттæ*; др.-рус. *яси*, ед.ч. *ясинъ*, *яс*) – народ, живущий на Кавказе, основное население Осетии: республики Северная Осетия – Алания и Южная Осетия. В настоящее время осетины, живущие в российской Северной Осетии, делятся на две субэтнические группы: иронцев (самоназв. – *ирон*) и дигорцев (самоназв. – *дигорон*)» [12].

В XX веке произошли массовые переселения части южных иронцев в Северную Осетию в четыре потока: в 1920 г., в конце Великой Отечественной войны и, в особенности, в первые послевоенные годы [11], после грузино-осетинского конфликта 1989–1992 гг. [8] и последняя миграция – после войны 2008 года.

Все осетины двуязычны (двуязычие – осетинско-русское, реже – осетино-грузинское). В южных говорах больше грузинских заимствований, в северных на месте тех же заимствований – русские корни. В осетинском языке выделяют два диалекта – дигорский и иронский. В иронском диалекте выделяется говор жителей Южной Осетии («кударский» или «южанский») [14].

Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «кударец». Этимологически лексема *кудар* «*Skudāra* (>*K'wydar*)» обозначает «Скифская (земля/область)» – самоназвание скифских племен *škuda-* // *skuda-* в VII в. до н. э. В южной и центральной Осетии жители данной области назывались *къуыдар* – «кудары» (мн.ч.), *къуыдайраг* – «кударец» (ед.ч.) [10].

В XIII–XIV вв. под давлением татаро-монгольских, а затем и тимуровских орд в Южную Осетию устремилась волна переселенцев с Северного Кавказа, которые назывались *ир(он)* – *ирон*. Скифское население Южной Осетии смешалось с переселившимися племенами, и скифский язык Южной Осетии сблизился с иронским и дигорским диалектами, сохранив отдельные черты фонетического, морфологического облика и лексикона скифского языка. Данный этноним расширил свою семантику и стал употребляться в современном значении *ирон* – «осетин». Однако в лексиконе северного осетина жители Южной Осетии продолжают называться *кударцами*, *кударами* [10].

«За осетинами, живущими в Южной Осетии и ее выходцами ошибочно закреплён этноним «кударцы» (*къуыдайраг*), по названию Кударского ущелья в Южной Осетии» [13].

«Вот как описывает Кударское ущелье немецкий путешественник Иоганн Бларамберг в XIX веке: «Кударцы очень беспокойны и устраивают мятежи при каждом удобном случае... Духовная культура южных осетин обогащалась за счёт соседства с христианской Грузией и длительных контактов с её населением» [13].

В 1990х гг. также появились новые лексемы *южанцы*, *южане*, *гамсики*, *нерастаможенные* для определения многочисленных беженцев: *...так называют беженцев, прежде всего, потому, что они отличались во многом от местных осетин* [9].

Номинация «гамсики» восходит к имени собственному «Гамсахурдия», которое является фамилией президента Грузии в 90г. XX века и имеет, соответственно, негативную окраску.

«...Слово «гамсики» лично я услышала первый раз в детстве в селении Эльхотово, где бабушка приютила семью беженцев из Грузии, мы, дети, их только так и называли «гамсики», а взрослые нас и не думали поправлять» [9].

Говоря о прецедентном имени типажа «кударец», обращаясь к историческим событиям, очевидно, что самая многочисленная миграция осетин (кударцев) из Южной Осетии и Грузии в 1989–1992гг., послужила возникновению лингвокультурного типажа *кударца* на основе сформированных гетеростереотипных представлений северных осетин, в основном, негативных. Оказалось, что многовековое соседство Южной Осетии с Грузией существенно изменило ментальную картину мира южных осетин, оказало влияние на становление национального характера, сохранение/утрату традиционной осетинской культуры, языка, проведение обрядов, ритуалов и значительно увеличило различия внутри одной нации, что привело к растерянности и возмущению северных осетин и к утрате ощущения «своей» территории, «своего» дома.

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие признаки в значении слова «кударец»: 1) человек, 2) осетин 3) беженец из Южной Осетии или внутренних районов Грузии 4) отличающийся от местных. Ключевыми признаками здесь будут являться «беженец», «отличающийся от местных».

Образная-оценочная составляющая типажа создается благодаря стереотипизированным представлениям говорящих об объекте. Данный лингвокультурный типаж будет рассматриваться одновременно в образном и оценочном аспектах. Данные характеристики акцентируют стереотипные представления северных осетин о куль-

туре, языковых особенностях кударцев-беженцев, их манере общения и поведения, о характере, внешности, времяпрепровождении и занятиях. Характеристики культуры сводятся к описанию их обычаев и ритуалов.

В религиозных и национальных обрядах осетин обнаружилось различия между северными осетинами и осетинами (кударцами-беженцами) из Южной Осетии и внутренних районов Грузии, которые привели к возникновению негативных стереотипных представлений о беженцах, так как выявленные различия задели национально-патриотические чувства северных осетин:

Укрывшаяся за Кавказским хребтом от восточных завоевателей часть осетин на шесть сотен лет объективно выпала из нашей культуры и нашего агьдауа, а к грузинской культуре не пристала. Что-то осталось отсюда, что-то нахватили оттуда. В позапрошлом Джеоргуба я битый час объяснял одному знакомому из Квайсы, что свинью резать нельзя, а он упорствовал, что дети любят свинину. Это не вина южан, а их беда. И беда исправимая, если они будут соблюдать правило «кай уардоны бадыс, уый зараг кан» – (досл. на чьей арбе сидишь, того песню и пой – в чужой монастырь со своим уставом не ходят) [7].

Данный фрагмент отражает культурные различия между северными и южными осетинами в том, что на праздник Святого Георгия свинью, как не очень почетное, а у мусульман (треть которых составляют северные осетины) и евреев и вовсе непотребное животное, нельзя резать. Но влияние грузинской культуры на южных осетин отразилось и в виде дозволенности таких жертвоприношений на общесетинских праздниках, что и вызывает возмущение и закрепляет негативные гетеростереотипы. Использование пословицы с эмоциональной окраской усиливает эффект от вышесказанного, делая яркое, понятное общесетинскому языковому сознанию, завершение.

Следующий фрагмент хорошо иллюстрирует причины закрепления негативных гетеростереотипов с позиции «свои»/«чужие» о кударцах-беженцах. Использование наречия «скромно» для обозначения «своей» невесты и словосочетание «с пьяной толпой «шалахо» для описания «чужой» показывает негативное отношение. Грузинский танец «Шалахо» в данном фрагменте выступает в роли определителя «чужого», негативного. Использование данной лексики выражает ироничность сказанного, что усиливается словосочетанием

«пьяная толпа», с которой танцует невеста, в котором подразумевается ее нескромность, в отличие от «скромно» стоящей «в углу» «своей» невесты.

Очень многие беженцы ... смеются над местными обычаями и при этом говорят 'а у нас не так', особенно их веселит то, что невеста на свадьбе скромно стоит в углу, а не танцует с пьяной толпой 'шалахо', это вам грузины ближе, чем северяне [16].

«С точки зрения носителя этноцентричного традиционного сознания, «культурным» статусом обладают исключительно представители «своей» традиции. Соответственно, только язык/диалект/говор «своей» культуры признается полноценным и пригодным для человеческого общения» [2. С. 3]. Автор следующего фрагмента из «иронской семьи» и «чисто говорящая на иронском», (подразумевается «правильный», «свой»), противопоставляет себе «шумных людей», говорящих на «иностранном языке» (подразумевается грузинский, «чужой») и тем самым отражает этнические гетеростереотипы по модели бинарной оппозиции «свои»/«чужие». Пример приобретает негативную оценку посредством использования синтаксических средств – обстоятельствами «чисто», выражающее превосходство над непонятым «иностранном» в устах носителей одного с автором языка и «в ужасе», которое четко дает нам понять однозначность ее негативного отношения к ним.

Ребенок, выросший в иронской семье и чисто говорящий на иронском, я в ужасе наблюдала за приехавшими к соседям напротив шумными людьми, которые говорили на иностранном языке [15].

Южные осетины (кударцы), в результате соседства с Грузией и ее влиянием, разговаривают на смешанном осетино-грузинском языке. На территориях, граничащих с грузинскими населенными пунктами владеют обоими языками в совершенстве. Данный факт вызывает раздражение и недоумение северных осетин, что объясняется также непониманием причин сохранения языка, носители которого вынудили их уехать со своей территории: *Эти люди плохо говорили по-русски, а по-осетински говорили вперемешку с грузинским языком* [15].

Степень стереотипизированности образа кударцев-беженцев, которые в основной массе своей были из внутренних районов Грузии, а, следовательно, носили грузинские имена, подтверждается использованием грузинских имен собственных «гии, гиви, гочи, малхазы» как нарицательные. Имена собственные в данном случае прецедентны и перешли в разряд нарицательных, так как отражают

прецедентную ситуацию, которая прочно закрепилась в языковом (ментальном) сознании северных осетин.

Еще из первых впечатлений – юноши гиш, гиви, гочи, малхазы и т.д. [15].

Особенности наречий характеризуют такими стереотипными признаками, как: невнятность, неблагозвучность. Особо анализируется манера говорить, фиксируется «диалектный» акцент.

Дело не в языке и не в акценте, а в манере говорить. Грубость, расхлябанность в произношении, наверно, это и отталкивало [15]. Данные признаки «грубость», «расхлябанность» способствовали отторжению, неприятию беженцев как «своих».

По манере поведения их снова отождествляют с грузинами, разграничивая себя от них: *Кроме того, по манере поведения, нравам и быту эти люди были похожи скорее на грузин, чем на осетин [7].*

Описывая характер кударцев-беженцев такими признаками как «шумные», «самоуверенные», их одновременно наделяют и такими положительными признаками как «трудолюбивые», «пробивные», «пассионарные».

«Если честно, я не особо люблю кударцев. Не люблю их как общность – такую шумную, активную, боевую, спаянную и самоуверенную, при этом я уверена, что осетины могут выжить вообще только благодаря кударцам. В них есть пассионарность, которую давно утратили на севере. В них есть любовь к жизни. Они как руда, с виду некрасивая, но зато она содержит самородки — настоящему талантливых людей» [15].

Описание внешности кударцев-беженцев часто затрагивается блогерами, которые отмечают физические различия между «своими» и «чужими», а также их манеру одеваться. Данный пример с использованием стилистического приема – сравнения: «как во Франции» – показывает, что кударцы выделялись своей манерой одеваться, непринятой («чужой») среди местных жителей, а использование обстоятельства «презрительно» и сказуемого «разоделась» носит пейоративный оттенок, что отражает неодобрительное отношение к ним.

Вдруг взрослая женщина ни с того, ни с сего говорит презрительно: «Кударочка», сразу видно. Разоделась, как во Франции [15].

Фрагмент отражает утрированные негативные антропостереотипные представления о кударцах-беженцах из Грузии: рост – «метр двадцать», «кривые ножки».

Чтобы с высоты своих метра двадцати на кривых ножках гордо рассматривать мимо проходящих... [15].

Представления о времяпрепровождении кударцев отражены в следующих фрагментах:

...Потом появились эти беженцы, заполонившие базары и лузгающие семечки на проспекте Мира [15].

Спортивные это они принесли в 90 гг., плеваться семечками, к девушкам приставать и т.д. [9].

Мне понятны разговоры о порезанных сиденьях, грузинском менталитете, подорожавших рынках и нарушении баланса [15].

Что касается занятия кударцев-беженцев следующие фрагменты отмечают уважительное отношение к кударцам-беженцам за то, что те «берутся за любую работу»:

«А кударцы, за что я их уважаю, берутся за любую работу, чтобы заработать» [9].

Почему-то все девушки мечтали выйти замуж за кударцев, потому что они хотят и умеют зарабатывать [7].

В образно-оценочной составляющей типажа «кударец» присутствует большое количество негативных характеристик, что подтверждает влияние стереотипизации на процесс формирования оценочной составляющей типажа.

Негативные стереотипные представления о кударце-беженце показаны в корпусе проанализированного материала отклонением: от соблюдения традиций, обычаев осетинского общества, от стандартного поведения; «ненормальным» шумным говором, чрезмерной активностью и напористостью, пренебрежением к социальным нормам в одежде.

Позитивные стереотипные представления образа кударца показаны следующими характеристиками: трудолюбие, пассионарность, талантливость.

Итак, лингвокультурный типаж «кударец» представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого являются непохожесть, самоуверенность, трудолюбие. Первая характеристика является доминирующей в сознании носителя североосетинской лингвокультуры и определяет образно-оценочную составляющую данного лингвокультурного типажа. Большинство оценок данного лингвокультурного типажа маркированы отрицательно.

Следует отметить, что образ *кударца-беженца* является доминантной в лингвокультурном типаже *кударец*, но существуют также

и подтипы: *ассимилированный кударец* и *трудовой/учебный кударец-южный осетин*, которые будут рассматриваться в дальнейшем.

Список литературы

1. Бекоев, Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвал. Ирystон, 1985. С. 203.
2. Белова, О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва. Рос. Акад. наук, 2006. С. 3.
3. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 3–7, 23–39.
4. Гвоздева, О. В. К вопросу о лингвокультурном типаже // *Lingua Mobilis*. 2009. № 2 (16). С. 47–48.
5. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 284.
6. Платонов, Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). Учеб. пособие. СПб., 2000. С. 285–297.
7. Бзаров, А. Брат на брата / Кавказская политика / Комментарии читателей. URL: <http://kavpolit.com/brat-na-brata/>
8. Блиев, М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. URL: http://www.modernlib.ru/books/bliev_mark/yuzhnaya_oseitiya_v_kolliziyah_rossijskogruzinskih_otnosheniy
9. «Гамсики» – позор Осетии. *Soslan-marxist*. URL: <http://soslan81>.

List of literature

1. Bekoev, D. G. Ironskij dialekt osetinskogo jazyka. Chinval. Iryston, 1985. S. 203.
2. Belova, O. V. Jetnicheskie stereotipy po dannym jazyka i narodnoj kultury slavjan : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva. Ros. Akad. nauk, 2006. S. 3.
3. Gasanov, I. B. Nacional'nye stereotipy i «obraz vraga». M., 1994. S. 3–7, 23–39.
4. Gvozdeva, O. V. K voprosu o lingvokul'turnom tipazhe // *Lingua Mobilis*. 2009. № 2 (16). S. 47–48.
5. Krasnyh V. V. Jetnopsihologija i lingvokul'turologija : kurs lekcij / V. V. Krasnyh. M. : ITDGG «Gnozis», 2002. S. 284.
6. Platonov, Ju. P. Narody mira v zerkale geopolitiki (struktura, dinamika, povedenie). Uceb. posobie. SPb., 2000. S. 285–297.
7. Bzarov, A. Brat na brata / Kavkazskaja politika / Kommentarii chitatelej. URL: <http://kavpolit.com/brat-na-brata/>
8. Bliev, M. Juzhnaja Osetija v kollizijah rossijsko-gruzinskih otnoshenij. URL: http://www.modernlib.ru/books/bliev_mark/yuzhnaya_oseitiya_v_kolliziyah_rossijskogruzinskih_otnosheniy
9. «Gamsiki» – pozor Osetii. *Soslan-marxist*. URL: <http://soslan81>.

livejournal.com/47470.html

10. Дзиццойты, Ю. А. Кавказская Скифия. URL: <http://mcir.ru/index.php?page=stat&id=13>

11. К вопросу о геноциде Осетин. URL: http://osgenocide.ru/2007/05/18/k_voprosu_o_genocide_osetin.html

12. Кударцы – Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кударцы>.

13. Осетины – Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Осетины

14. Осетинский язык. URL: <http://region15.ru/docs/osseta-language/>

15. Сажеева, М. Про кударцев, иронцев и дигорцев. Архив. URL: <http://www.region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/pro-kudarcev-ironcev-i-digorcev/>

16. Сажеева, М. «Врагом» не назначают указом президента «Осетия. Свободный взгляд». URL: <http://region15.ru/articles/1928/>

livejournal.com/47470.html

10. Džiccojty, Ju. A. Kavkazskaja Skifija. URL: <http://mcir.ru/index.php?page=stat&id=13>

11. K voprosu o genocide Osetin. URL: http://osgenocide.ru/2007/05/18/k_voprosu_o_genocide_osetin.html

12. Kudarcy – Vikipedija. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Kudarcy>.

13. Osetiny – Vikipedija. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Osetiny

14. Osetinskij jazyk. URL: <http://region15.ru/docs/osseta-language/>

15. Sageeva, M. Pro kudarcev, ironcev i digorcev. Arhiv. URL: <http://www.region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/pro-kudarcev-ironcev-i-digorcev/>

16. Sageeva, M. «Vragom» ne naznachajut ukazom prezidenta «Osetija. Svobodnyj vzgljad». URL: <http://region15.ru/articles/1928/>

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА БРИТАНСКОГО ХАРАКТЕРА

А. В. Косовцева

Статья раскрывает содержание понятий: национальный характер и категория вежливости. Основное внимание в работе автор акцентирует на особенностях проявления вежливости у англичан, исследуя их характер.

Ключевые слова: национальный характер, английская вежливость, английская культура, категория вежливости, коммуникативное сознание, социально-культурные отношения.

Когда говорят о том или ином народе, часто используют понятие национальный характер. Встречается оно и в работах по межкультурной коммуникации, при этом термин этот до конца не определен и вызывает большие споры. Часто в него вкладывают самый разный смысл: одни авторы подразумевают темперамент, другие обращают внимание на личностные черты, третьи – на ценностные ориентации, отношение к власти, к труду и т.д. [9. С. 135–136].

Вот как охарактеризовал английскую вежливость М. Любимов: «Сдержанность англичан покажется разболтанностью угрюмому финну, а английский практицизм изумит притких американских бизнесменов своей беспомощностью. Нечего и говорить, как будет плеваться педантичный немец, услышав о точности англичан. Таким образом, любая черта национального характера относительна и познается лишь в сравнении. Национальный характер – лишь бойкая увертюра к сложной симфонии, которой является личность, каждого из нас невозможно вогнать в научную матрицу, все мы неповторимы и сугубо индивидуальны» [8. С. 49].

Так, среди черт характера англичан называются сдержанность, уравновешенность, тактичность, изысканная вежливость, изящество манер, внутреннее самоуважение, чувство собственного достоинства, приветливость, предупредительность, замкнутость, отчужденность, терпимость, невмешательство в чужие дела, снобизм.

Еще В. фон Гумбольдт писал о том, что «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [2. С. 80; 3]. Опосредованный

языком образ мира той или иной культуры составляет языковое сознание. В языковом сознании индивидов находит отражение тип культуры, к которому они относятся. В английском типе языкового сознания преобладает индивидуалистическое начало: на первом месте в английском языковом сознании стоит слово ‘me’ (я), на втором – ‘man’ (человек), а ‘friend’ (друг) находим на 73 месте.

Национальное мировидение, являющееся отражением действительности, проявляется в языке: в лексике, фразеологии, грамматике и также в дискурсе, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований.

Для изучения коммуникативного сознания народа большое значение имеет изучение коммуникативных категорий, связанных с его коммуникативной деятельностью.

Центральной коммуникативной категорией, на наш взгляд, является категория вежливости. Она выступает как системообразующий стержень, который регулирует поведение представителей различных лингвокультур, позволяет проследить его логику. Подобную мысль высказывает Е. А. Земская, которая называет категорию вежливости влиятельным регулятором речевого поведения [5. С. 597; 4. С. 271–301].

Национально-культурные особенности коммуникативного поведения обусловлены тем, что категория вежливость в коммуникативном сознании представителей различных культур имеет разное содержание, в процессе коммуникации они исходят из различных представлений о том, что является вежливым, а что невежливым. Изучение категории вежливость, выявление национальной специфики её содержания представляется интересной и важной проблемой как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Понятие вежливость неоднозначно, о чем свидетельствует тот факт, что в каждой культуре существует своя категория вежливости и само это слово имеет разные толкования. Так в английском языке «вежливый» означает «демонстрирующий свое уважение к другим»: *Polite – showing consideration for others in manners, speech, etc.* [10].

По поводу английской вежливости М. Любимов пишет: «Английская вежливость проявляется во многом и по-разному: вы пропускаете спутника вперед, он проходит в дверь и говорит «извините!». Мужчина непременно встанет, если с ним заводит разговор другой человек (не обязательно дама), не принято громко разговаривать (хотя бывает – и это следствие всепоглощающей демократии),

жестулировать, отвлекать от разговора, проявлять запальчивость в споре и вообще обострять спор, принято слушать и не перебивать...» [8. С. 245].

Дж. Томас отмечает существование стереотипов о высокомерных англичанах [15. С. 97; 14. С. 227; 16]. Согласно сложившемуся стереотипу, англичане в глазах русских являются вежливыми, галантными, учтивыми, даже чопорными, но при этом сдержанными, малообщительными, холодными, невозмутимыми, равнодушными ко всему, неискренними и даже лицемерными.

Причина подобных стереотипов кроется в национально-культурных особенностях коммуникативного поведения, регулируемого представлением о вежливости, которое у разных народов различно.

В таком контексте нашла отражение английская поговорка *Manners make the man*, которая означает, что о человеке часто судят по его манерам, а не по характеру [13. С. 117], **а лучше всего, по мнению англичан, свои манеры можно продемонстрировать в разговоре** (*Nowhere is there room for the display of good manners so much as in conversation*) [12. С. 16]. Таким образом, наиболее частым толкованием вежливости у англичан «проявление уважения к другим людям».

Английское *respect* может быть как внутренним состоянием, так и внешним проявлением этого состояния: ‘a feeling of admiration that you have for someone because of their personal qualities, their achievements, or their status, and that you show by treating them in a polite and kind way’ [11]. *Consideration* всегда проявляется внешне: ‘a kind way of behaving that shows you care about other people’s feelings and needs’ [11]; to show consideration for others.

В английском языке для выражения уважения, основанного на признании достоинств собеседника, **существует также слово deference**, (it suggests that the person to whom you are deferring is somehow more worthy by virtue of age or experience and that their judgement overrules your own), но в связи с демократизацией общества и отношений данное **слово в современном английском языке приобрело некоторую отрицательную коннотацию.**

Для англичан **уважение (respect, consideration) – это, прежде всего, уважение как внимание к другим людям, которое проявляется внешне: в манерах поведения и в речи (respect is the attitudinal stance which produces consideration on a behavioural level).** Таким образом, за внешней трактовкой вежливости как уважения других у англичан скрывается содержание: вежливость как внимание к другим.

Демонстрация внимания к другим, являющаяся основой английской вежливости, проявляется, прежде всего, в манерах поведения (*politeness is being well-mannered, knowing when and how to do the correct thing*) и частом использовании формул речевого этикета, таких как ‘please’, ‘thankyou’. Из данного анализа следует, что демонстрация внимания к окружающим, проявляющаяся через хорошие манеры и речевой этикет.

Таким образом, вежливость в английской коммуникации в большей степени ассоциируется с демонстративным, этикетным вниманием, что на лексическом уровне отражается в семантике глаголов, сочетающихся со словом внимание (*consideration*): оказывать внимание (ср.: оказывать помощь – помогать, оказывать поддержку – поддерживать) и *to show consideration* (показывать внимание).

В английском языке вежливость – демонстрация уважения, внимания к окружающим, что соответствует семантике слов «вежливый» и ‘polite’. Вежливый – «такой, который в общении с другими соблюдает внешние правила этикета и демонстрирует своими манерами уважительное отношение к партнеру по общению» [1]. Синонимами этого слова являются слова *civil, courteous, courtly, gallant, chivalrous* (книжн.), отличающиеся друг от друга по характеру и форме проявления вежливости, особенностям поведения субъекта и адресата. *Polite* и, в меньшей степени, *civil* являются наиболее широкими по значению словами и могут характеризовать любого человека, соблюдающего минимум предписаний вежливого общения с любым другим человеком. При этом *polite* (вежливый, учтивый, благовоспитанный, любезный) обычно описывает воспитанного и тактичного человека, внимательного к чувствам и нуждам других людей [1].

Демонстрация внимания к окружающим имеет более важное значение для английской коммуникации. Отсюда следует, что английская вежливость направлена на объект общения; английская вежливость – это «формальная, этикетная деятельность» (вежливый – тот, кто демонстрирует внимание к другим). В английской коммуникативной культуре, как отмечают английские информанты, невозможно быть чрезмерно вежливым (‘overpolite’).

Об ориентированности английской вежливости на партнера по коммуникации, а также о необходимости совершать определенные коммуникативные усилия, которые не всегда соответствуют желаниям участников коммуникативного акта, свидетельствуют некоторые выражения. Например, *just / only being polite* – «говорить что-то

из вежливости» (saying something not because it is true but in order not to offend someone: Did you really like her book, or were you just being polite?); также словосочетание polite conversation (вежливый разговор), которое определяется словарями как conversation that is made with someone because they are with you and not because you really want to talk to them [11] – разговор, который вы ведете с кем-то не потому, что хотите, а потому что этот человек находится рядом с вами. Интересным примером является также выражение to force a smile: фраза She forced a polite smile (букв. Она заставила себя вежливо улыбнуться, выдавила из себя вежливую улыбку) приведена в словаре [11] как иллюстрация вежливого поведения.

В английской культуре провозглашается равенство всех членов общества, старшие не наделены особым статусом, социальные нормы предписывают уважительное отношение к каждому, независимо от возраста или социального положения.

Еще одна особенность социальных отношений, – отсутствие противопоставления «свой – чужой» в английской культуре.

Сделаем следующие обобщения:

- Англичане имеют четкое представление о том, что такое вежливость.
- В английском сознании быть вежливым значит демонстрировать уважение, внимание к окружающим.
- В английском сознании вежливость в большей степени ассоциируется с демонстративным, этикетным вниманием (вежливый – тот, кто демонстрирует свое уважение другим).
- Английская вежливость направлена на партнера по коммуникации и выполняет большую коммуникативную функцию.
- Английская вежливость в равной степени направлена на всех.
- Демонстративная вежливость является неотъемлемой чертой коммуникативного поведения англичан.

Ориентированность английской вежливости на партнера по коммуникации, на его чувства вынуждает говорящего совершать действия, в том числе и речевые, не всегда совпадающие с его собственными мыслями, чувствами и желаниями.

В разном содержании категории вежливости в коммуникативном сознании англичан нашли отражение черты индивидуалистического и коллективистского мировоззрений, социально-культурные отношения, такие параметры культур, как социальная и статусная дистанции.

Список литературы

1. APCC 1999 – Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; Под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
3. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
4. Земская, Е. А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für slavische Philologie. Band LVI (1997). Heft 2. С. 271–301.
5. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М. : Языки слав. культуры, 2004.
6. Лурье, С. В. В поисках русского национального характера. Выпуск журнала № 3 (4) 2002.
7. Лурье, С. В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 1998.
8. Любимов, М. Гуляние с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. М. : Б.С.Г.–ПРЕСС, 2004.
9. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 135–136.
10. CED 2000 – Collins English Dictionary, 2000.
11. MED 2002 – Macmillan English Dictionary for Advanced

List of literature

1. ARSS 1999 – Anglo-russkij sinonimicheski slovar' / Ju. D. Apresjan, V. V. Botjakova, T. Je. Latysheva i dr.; Pod ruk. A. I. Rozenmana i Ju. D. Apresjana. 4-e izd., stereotip. M. : Rus. jaz., 1999.
2. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M. : Progress, 1984.
3. Gumbol'dt, V. fon. Jazyk i filosofija kul'tury. M. : Progress, 1985.
4. Zemskaja, E. A. Kategorija vezhlivosti: obwie voprosy – nacional'no-kul'turnaja specifika russkogo jazyka // Zeitschrift für slavische Philologie. Band LVI (1997). Heft 2. С. 271–301.
5. Zemskaja, E. A. Jazyk kak dejatel'nost': Morfema. Slovo. Rech'. M. : Jazyki slav. kul'tury, 2004.
6. Lur'e, S. V. V poiskah russkogo nacional'nogo haraktera. Vypusk zhurnala № 3 (4) 2002.
7. Lur'e, S. V. Istoricheskaja jetnologija: Ucheb. posobie dlja vuzov. M. : Aspekt Press, 1998.
8. Ljubimov, M. Guljanie s Cheshirskim Kotom: Memuar-jesse ob anglijskoj dushe. M. : B.S.G.–PRESS, 2004.
9. Stefanenko, T. G. Jetnopsihologija. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Aspekt Press, 2004. S. 135–136.
10. CED 2000 – Collins English Dictionary, 2000.
11. MED 2002 – Macmillan English Dictionary for Advanced

Learners: International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002.

12. Peters, B. Tea and Conversation. Copper Beech Publishing LTD. 2000.

13. Ridout, R. English Proverbs Explained. L.; Sydney : Pan Books Ltd., 1981.

14. Thomas, J. Cross-Cultural Discourse as 'Unequal Encounter': Towards a Pragmatic Analysis // Applied Linguistics. № 5. 1984. P. 226–235.

15. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics. № 4. 1983. P. 91–112.

16. Thomas, J. Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics. L. ; N. Y. : Longman, 1995.

Learners: International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002.

12. Peters, B. Tea and Conversation. Copper Beech Publishing LTD. 2000.

13. Ridout, R. English Proverbs Explained. L.; Sydney : Pan Books Ltd., 1981.

14. Thomas, J. Cross-Cultural Discourse as 'Unequal Encounter': Towards a Pragmatic Analysis // Applied Linguistics. № 5. 1984. P. 226–235.

15. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics. № 4. 1983. P. 91–112.

16. Thomas, J. Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics. L. ; N. Y. : Longman, 1995.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СМЕРТЬ,
В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Р. Р. Ялалова

В рамках данной статьи смерть в английском, немецком и русском языках рассматривается как переход человека в царство мертвых, т.е. смерть как физический процесс; смерть как расставание души с телом, исследуются специфические особенности ФЕ, характеризующие смерть, в каждом из исследуемых языков; анализируются ФЕ, связанные с народными поверьями, обрядами, мифологией.

Ключевые слова: фразеологические единицы, смерть, гроб, могила, конец, душа.

Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть выразительных средств языка. Во фразеологизмах нередко отражаются особенности культуры народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира.

Неблагоприятный, в том числе летальный, исход целого ряда заболеваний при определенных условиях является непредотвратимым, закономерным, природным. Причина неблагоприятного исхода заключается в серьезности (необратимости) морфологических и функциональных изменений, вызванных в организме заболеванием (травмой). Это и послужило причиной отнесения подгруппы «смерть» во фразео-семантическое поле «болезнь».

В анализируемых фразеологических единицах (ФЕ) получили закрепление мифологические представления о расставании души с телом после смерти человека, о том, что душу забирает Бог [4]: *go to meet / meet one's maker / give up one's soul to God / depart to God – отдавать Богу душу; slip one's breath/wind / give up the ghost – die Seele aushauchen/ hingeben / j-m geht der Atem aus – испустить дух; испускать последний вздох; при последнем издыхании – на грани смерти; до последнего издыхания – вплоть до гибели; дух/душа вон; Бог/господь прибрал; Бог посылает по душу/ Бог пошлёт по душу –*

о приближении смерти; *Господь позовёт; расставаться с душой; душа с телом расстаётся.*

Смерть характеризует переход из одного физического состояния в другое. Она представлена фразеологизмами, характеризующими «переход» человека в царство мертвых, т.е. смерть как физический процесс [1]: *join the <great> majority / join one's ancestors / be gathered to one's fathers – zu den Urahnern gehen / zur großen Armee abgehen/abberufen/ versammelt werden – отправляться к праотцам/на тот свет; go the way of all flesh – отправиться в путь всего земного; das Zeitliche segnen/den Weg alles Fleisches/alles Irdischen/alles Zeitlichen gehen – разделить удел всего земного.* Данная подгруппа представлена ФЕ с самой широкой палитрой функционально-стилистической отнесенности.

В английском, немецком и русском менталитете смерть ассоциируется в сознании людей с атрибутами похоронных обрядов (гроб, могила). Этот опыт восприятия и осмысления конца человеческого бытия закреплен во фразеологизмах [4]: *kick the bucket – ins Grab beißen – сыграть в ящик; sink into the grave – ins Grab steigen – ложится/лечь в гроб/могилу/землю; be/stand on the edge of the grave/at death's door – am Rande des Grabes stehen – на краю могилы/гроба – близок к смерти; find one's grave – найти свою могилу; j-n/etw. zu Grabe tragen – хоронить кого-л.*

В трех исследуемых языках умирающий человек находится одной ногой в могиле, умерший – протягивает ноги: *have/with one foot in the grave – mit einem Bein im Grabe stehen / mit einem Fuß unter der Erde/im Grabe stehen / auf den letzten Füßen gehen – стоять одной ногой в могиле – быть близким к смерти; to turn up one's toes – alle viere von sich strecken – протянуть ноги.*

Смерть человека непременно ассоциируется с концом дня, с концом жизни, с тем, что человек доживает последние дни, и все происходит в последний раз. Смерть – это расставание со всем тем, что окружает человека, конец его жизненного пути и бытия, отчуждение навеки и абсолютная разлука с жизнью: *reach the end of one's life; end one's days – seine Tage/sein Leben beenden – окончить дни свои; at one's/the last gasp / be on its/one's last legs – am Ende sein / aus/auf dem letzten Loch pfeifen / in den letzten Zügen liegen – быть при последнем издыхании; to breathe one's last – испустить дух; seine Tage beschließen – окончить свой жизненный путь; отдавать концы.*

У каждого человека свой срок пребывания на земле: *one's time has/is come – seine Zeit ist gekommen – пора прошла, быть при смер-*

mu; his days are numbered – *остались считанные дни; live on borrowed time* – быть обречённым, дни сочтены; *be living the rest of one's days* – *sein Dasein beenden* – *кончат* <свой> *век*; *es ist um ihn getan* – *его дни сочтены, он уже не жилец* <на белом свете>; *песенка спета*.

В английском и немецком языках смерть ассоциируется с покоем: *The Great Stillness* – «великое безмолвие», смерть; *die letzte Ruhe* – смерть, кончина; *er ist ein stiller Mann* – его уже нет, он умер.

Согласно исследуемому материалу английского и русского языков человек после смерти засыпает вечным сном: *the last/long sleep / never-ending sleep / one's last sleep* – *вечный/могильный сон* – смерть; *sleep a perpetual sleep / sleep the sleep that knows no breaking/waking / sink into one's/the eternal sleep / take one's last sleep* – *заснуть/уснуть вечным/последним/могильным сном; почить вечным/непробудным сном; уснуть на веки веков*.

В создании образности ФЕ, характеризующих смерть, занимает соматическая лексика: в немецком и русском языках умирающий человек закрывает глаза: *die Augen schließen* – *закрыть глаза* – умереть; *das Auge bricht / die Augen sind gebrochen* – *взор меркнет, гаснет* (с наступлением смерти). В трех исследуемых языках умереть значит протянуть ноги: *to turn up one's toes* – *alle viere von sich strecken* – *протянуть ноги*, данная ФЕ указывает на положение пальцев ног, когда человек лежит на спине без движения. Яркая образность и наличие в русских ФЕ *протянуть лапки, вытянуть ноги, отбросить коньки, вверх копытами, с копыльев/копытков долой, задрать ноги* – *подохнуть* (о животных), *протянуть/вытянуть ноги/ножки, откинуть/отбросить копыта* <на сторону>, *откинуть/отбросить сандалии, откинуть итиблеты* таких компонентов, как «лапки», «коньки», «копыта», «сандалии», «штиблеты» сигнализируют о наличии отрицательной эмосемы пренебрежения и об их принадлежности к сниженным пластам фразеологии.

Некоторые фразеологизмы с компонентом-антропонимом обязаны своим происхождением старинным обычаям, приметам, суевериям, мифологемам, например: *быть в объятиях Морфея* – «спать». ФЕ содержит имя *Морфея*, являющегося в греческой мифологии сыном бога Гипноса и крылатым богом сновидений, поэтому его имя стало синонимом сна [2. С. 487]. Фразеологические единицы «*Мирошка хватил*» – кто-л. скоропостижно умер, *Кондрашка хватил* – кто-л. скоропостижно скончался, содержат в своей внутрен-

ней форме так называемые имена *Кондрашка*, *Мирошка*, являющиеся эвфемистическими наименованиями тяжёлой болезни, паралича. Выражения основаны на суеверном запрете называть злую силу её собственным именем [2. С. 440] и связаны с верой в силу слова, со своеобразным фетишизмом, с явлениями табу. Русская ФЕ «*почить в бозе*» буквально означает «уснуть в боге». Чаще всего так высокопарно говорили о смерти монарших особ. «В Бозе» на церковнославянском языке значило «в Боге». Предполагают, что ФЕ «*kick the bucket*» – протянуть ноги, связана с католическим обычаем: после смерти к ногам трупа ставят ведро со святой водой, принесенной из церкви, и обливают тело данной водой. Некоторые ФЕ являются цитатами из высказываний отдельных лиц и из литературных произведений, в том числе из Библии. Например, ФЕ *заснуть вечным/мёртвым/непробудным/последним сном* – перестать жить, существовать, является выражением из Библии: «И напою допьяна князей (Вавилона) и мудрецов его... и *заснут сном вечным* и не пробудятся». ФЕ «*go the way of all flesh*» – отправиться в путь всего земного, возникла в результате перевода латинского текста Библии в 1609 году.

Проведенный анализ смысловой наполненности ФЕ, характеризующих смерть в языковой культуре народов, показал, что наиболее часто смерть предстает в сознании людей как: «переход из одного физического состояния в другое»; «расставание души с телом после смерти человека»; «конец дня, конец жизни». Данные смыслы понятия «смерть» можно назвать общечеловеческими, общекультурными, так как подобные представления о смерти, присущие многим народам, являются основными. В них заложены ключевые характеристики данного явления: необратимость, трагизм, существование на грани жизни и смерти, бытия и небытия. В исследуемых языках умирающий человек находится одной ногой в могиле, умерший – протягивает ноги; кроме того, у каждого человека свой срок пребывания на земле; смерть ассоциируется в сознании людей с атрибутами похоронных обрядов (гроб, могила). В английском и немецком языках смерть – это покой. Согласно исследуемому материалу английского и русского языков человек после смерти засыпает вечным сном. В создании образности ФЕ данной подгруппы занимает соматическая лексика, в немецком и русском языках умирающий человек закрывает глаза; в английском и русском языках умереть значит протянуть ноги. Фразеология английского, немецкого и русского языков является ярким показателем разных культурных традиций,

так как национальная специфика того или иного фразеологизма может иметь разную степень выражения.

Список литературы

1. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. фил. наук. Казань, 1983. 214 с.
2. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Льюкс, 2005. 962 с.
3. Самылина, Е. В. Структурные и семантические свойства процессуальных фразеологизмов со значением физической деятельности и физического состояния в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2008. 256 с.
4. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию: монография. Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. 299 с.

List of literature

1. Arsent'eva, E. F. Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, vyrazhajuwih karakter cheloveka, v anglijskom i russkom jazykah: dis. ... kand. fil. nauk. Kazan', 1983. 214 s.
2. Biri, A. K. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologičeskij slovar' / A. K. Biri, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova; pod red. V.M. Mokienko. M. : Astrel' : AST : Ljuks, 2005. 962 s.
3. Samylina, E. V. Strukturnye i semanticheskie svojstva processual'nyh frazeologizmov so znacheniem fizicheskoj dejatel'nosti i fizicheskogo sostojanija v russkom i anglijskom jazykah: dis. ... kand. fil. nauk. Cheljabinsk, 2008. 256 s.
4. Hajrullina, R. H. Frazeologičeskaja kartina mira: ot mirovidenija k miroponimaniju: monografija. Ufa : Izd-vo BGPU, 2008. 299 s.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

СТИЛЬ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

С. А. Приходько

Эта статья затрагивает стиль монографического политического текста. Примером служит «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. Работа разделена по тематическому принципу и снабжена выводами. Эта статья может оказаться полезной лекторам, политологам, преподавателям, учёным, языковедам и др.

Ключевые слова: Стиль, функциональный стиль, индивидуальный стиль, фактор адресата, целеполагание, простота, интертекстуальность, метафоричность, стилистическое смешение, терминологичность.

Исторический экскурс

Если текстом давно интересуются зарубежные лингвисты [25; 26; 28; 29 etc.], то понятие «стиль» можно причислить к категории незаслуженно забытых. Во многих печатных работах его заменяют следующие термины: «дискурс», «идиолект», «жанр», «композиция», «окраска», «приём» и мн. др. Использование этих новомодных понятий, часто сопровождающихся тавтологией, не всегда оправдано и приводит к игнорированию давно устоявшегося термина «стиль». В Советском Союзе был выпущен ряд исследований, в которых значительное внимание уделяется различным граням стиля В.И.Ленина [1; 5; 7; 11; 23; 24 и др.]. В конце XX века увидела свет итоговая монография П.Н.Денисова, в которой рассмотрен стиль В.И.Ленина [10].

Г.Я.Солганик разделяет термины «функциональный стиль» и «индивидуальный стиль». Под функциональным стилем он понимает разновидность литературного языка, выполняющего определённую функцию в общении [20. С. 86].

Чёткое определение индивидуального стиля в работе Г.Я.Солганика отсутствует, но можно сделать следующий вывод: языковед ставит знак равенства между индивидуальным стилем и слогом, а также утверждает, что своеобразие слога выражается «в строении прозаической строфы, которую можно считать наименьшим художественным целым, единицей слога» [20. С. 106].

Политический дискурс востребован современными учёными [22]. Ораторскому мастерству [3; 7 и др.] и полемическому таланту [19 и др.] В.И.Ленина посвящено не одно исследование, но стиль политического текста целесообразно анализировать на примере «Материализма и эмпириокритицизма». Общеизвестно, «что ленинское ораторское искусство разнообразно и многожанрово. Владимир Ильич с одинаковой готовностью и неизменной увлеченностью читал лекции, рефераты, делал доклады на всевозможные, но неизменно важные темы, произносил большие политические речи, выступал на митингах, блестяще полемизировал с идейными противниками» [3. С. 3].

Почему в настоящей статье выбор пал именно на эту монографию? Основной философский труд В.И.Ленина - «Материализм и эмпириокритицизм». По своему объёму этот текст лидирует среди ленинских работ. Монография была издана в Советском Союзе 107 раз, в том числе в 1920, 1926, 1931, 1940, 1946, 1948, 1950, 1952, 1967, 1969, 1979 и 1989 гг. «Материализм и эмпириокритицизм» был издан на 23 языках мира. Его тираж в 1917-1969 гг. достиг 5157000 экземпляров. Массовое распространение книги более очевидно, если учесть геометрическую прогрессию роста тиражей 1909 г. (первый и единственный дореволюционный выпуск - 2000 экз.), 1920 г. (первый советский вариант - 30000 экз.) и 1989 г. (последнее советское переиздание - 150000 экз.). В 2010 г. «Материализм и эмпириокритицизм» также был удостоен публикации.

Фактор адресата

В соответствии с мемуарами Н.К.Крупской, почти сразу после поражения первой русской революции «Владимир Ильич взялся за обдумывание и писание своей книги «Материализм и эмпириокритицизм». Взялся не потому, конечно, что у него оказалось много свободного времени, а потому, что он считал борьбу с ревизионизмом на философском фронте особенно важной именно в данный момент» [13. С. 259]. Данный текст рассчитан на «хорошо знакомых с философской литературой» читателей [2. С. 4].

Конкретную характеристику получателей вышеупомянутой монографии можно обнаружить в «Предисловии»: «Книга В.И.Ленина и в наши дни является боевым оружием коммунистических и рабочих партий в борьбе за чистоту марксистской теории против буржуазной идеологии и современного ревизионизма». Чётко, но снова идеологизированно адресат обозначен в «Примечаниях» к «Материализму и эмпириокритицизму»: «Книга Ленина

способствовала широкому распространению в партийных массах философских идей марксизма и помогла партийному активу и передовым рабочим овладеть диалектическим и историческим материализмом». Практически такое же высказывание имеет место и в «Предисловии». Если взглянуть на перспективу вековой давности, отрицать убедительный эффект работы сложно: через восемь лет после дебюта «Материализма и эмпириокритицизма» грянула Октябрьская революция.

Целеполагание

Сугубо философский подход, в рамках которого до сих пор из-под пера специалистов выходят уникальные работы, привёл к своеобразному мононаучному «перекося», к игнорированию лингвистических особенностей данного текста. Эта статья направлена на выведение из тени стилистических основ «Материализма и эмпириокритицизма». Существующее в области ленинского наследия положение вещей подтверждает то, что между философией и языкознанием отсутствует непреодолимая пропасть [30].

Во второй половине 2000-х-начале 2010-х гг. ошутимо возрос интерес к лингвистической стороне исследования творчества В.И.Ленина. Первый месяц 2012 г. был ознаменован публикацией статьи, посвящённой языковой личности В.И.Ленина [17]. Через три месяца, в апреле 2012 г., увидела свет статья, в которой был проанализирован стиль В.И.Ленина [18].

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В.И.Ленин ставил перед собой, по мнению Н.К.Крупской, определённые задачи:

- 1) проанализировать, сравнить теоретические основы диалектического материализма и эмпириокритицизма;
- 2) выяснить место учения эмпириокритиков среди философских школ современности;
- 3) узнать, что нового вносят эти идеалисты в диалектический материализм;
- 4) вскрыть то, на чью мельницу бессознательно или сознательно льют воду махисты [13. С. 263-264].

Наибольшие сложности вызвала первая (основная) задача, поэтому её решению уделена половина монографии - первые три главы.

Легко заметить, что поставленные задачи совпадают - и на это прямо указала Н.К.Крупская [13. С. 263] - с теми критериями, которые В.И.Ленин предлагал для оценки эмпириокритического направления [14. С. 382- 383].

В процессе анализа советских публикаций было получено подтверждение того, что изучение данной работы В.И.Ленина велось интенсивно, но одновременно циклично: её исследование усиливалось и ускорялось накануне очередной годовщины выхода в свет книги [13 и др.] или юбилея её автора [2 и др.]. Приводимый список литературы свидетельствует о том, что эта закономерность действует и в отношении «Материализма и эмпириокритицизма», и в отношении ленинского творчества в целом [8 и др.].

Грубоватость и простота

Акценты в отношении идеологических антиподов В.И.Ленин расставил уже в самом начале своего текста. Упомянув идеализм как «эту безмозглую философию», отправитель монографического текста заявил, что очень «трудно здоровому человеку взять ее все-рѣз» [14. С. 56].

Затем он обозначил разницу между идеалистической позицией и мнением обычного человека. Переключившись на «так называемый «наивный реализм»» [14. С. 72], а затем на «всю ценность так называемого *наивного реализма*» [14. С. 75], материалист указал на совсем другие мысли «всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов» [14. С. 77]. Автор фактически отождествил помещение для умалишённых и противостоявшее ему научное направление.

Намного позднее это лечебное учреждение снова «всплывает» в «Материализме и эмпириокритицизме», но уже с учётом соответствующей ему части цветовой гаммы. По мнению В.И.Ленина, в физической сути материи «никто не сомневается, кроме обитателей желтых домиков» [14. С. 157].

Чем вызван грубоватый простой стиль «Материализма и эмпириокритицизма»? Существует, например, такой ответ на этот вопрос: «Канцелярский стиль был противен Ленину. Сам он владел в совершенстве чистым русским языком, и примеры тому в каждой написанной и произнесенной им фразе.

Ленин отвергал и всякую ложную наукообразность стиля, считая, что чаще всего она сочетается с неясностью в понимании рассматриваемых тем или иным автором проблем» [12. С. 97].

Интертекстуальность

Если подходить к «Материализму и эмпириокритицизму» как к сверхтексту, то в нём следует разделить вертикальное и горизонтальное измерения интертекстуальности. По мнению Дж.Фиске, в

качестве вертикальной интертекстуальности можно интерпретировать связи между первичными, вторичными и третичными текстами.

Горизонтальной интертекстуальностью этот языковед признаёт взаимоотношения между текстами, объединёнными жанром, персонажем или сюжетом [27].

Одна из самых заметных стилистических особенностей - широкое распространение в тексте литературных персонажей. Отождествление определённого (вымышленного) героя с конкретным идеологическим (реальным) противником в «Материализме и эмпириокритицизме» связано с тем, что «В.И. Ленин решительно подчеркивал индивидуальную природу художественного образа» [8. С. 27] и соблюдал это правило на бумаге.

Вопрос о применении литературных фигурантов в ПСС В.И. Ленина поднимается во множестве монографий и статей [5; 15; 21 и др.].

Другое основное средство конституирования интертекстуальности - интенсивное цитирование чужих работ: единоличных и коллективных, зарубежных и отечественных, идеалистических и материалистических, книг и статей, изданных по-русски и иноязычных, полученных в библиотеках и по почте.

Метафоричность

Одна из лучших работ в этой области - обобщающее лексикографическое исследование Л.К. Байрамовой и П.Н. Денисова [4]. Большой интерес вызывают также изыскания, проведённые Н.Г. Бакановой [5].

Т.С. Вершинина сумела доказать, что традиционная для русского национального сознания концептуальная органистическая метафора - одно из важных средств категоризации, концептуализации и оценки действительности в русских политических текстах. Такая метафора позволяет передавать информацию в доступной, краткой и яркой форме, обладает мощным прагматическим потенциалом.

Политическая позиция автора текста способна оказывать существенное влияние на отбор концептуальных метафор и характер их развёртывания в тексте. Наиболее метафоричным Т.С. Вершинина признаёт стиль политических экстремистов левого и правого политического спектров.

«Специфика использования органистической метафоры - один из существенных и стабильных признаков идиостиля конкретного политика» [6. С. 7-8].

Мегаконтекст «Материализма и эмпириокритицизма» так богат на поговорки и пословицы, что они заслуживают отдельной серии статей.

Стилистическое смещение

Помимо затронутых ранее образных вариантов, существуют нормативно-стилистические формы речевой эксплуатации, которые опираются на макросинергетический ресурс: адресант намеренно расширяет выразительную или смысловую проекцию речи, способствуя тем самым соответствующему восприятию текста. В этом случае может возникать эффект «обманутого стилистического ожидания» [29. С. 53]. Создатель текста переступает границы пресуппозиции, достигая требуемого выразительного эффекта.

Смещение В.И.Ленин проводил и на лексическом, и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях.

Пласт политических лексем вступает во взаимодействие в тексте с научными и с разговорными элементами, эмоциональность политика коррелирует со строгостью учёного и с речевой свободой обычного человека.

Если поднять вопрос о свойствах дискурса В.И.Ленина, конституированного в «Материализме и эмпириокритицизме», можно утверждать: ему присуща интердискурсивность.

Сложноподчинённые конструкции, являющиеся одной из доминант данного текста, позволяли автору выстраивать в нём причинно-следственные связи. Именно сложноподчинённое предложение «как наиболее емкая и характерная для научной речи языковая форма» [20. С. 93] сближает монографию с научным функциональным стилем.

I тип речи (изложение от первого лица) - атрибут обиходно-разговорного стиля, зафиксированный в проанализированном тексте. Естественно, в нём реализованы также II и III речевые типы.

Личное местоимение «мы» В.И.Ленин применял эксплицитно: «Тут мы подошли и к тем «вредным» выводам из «абсурдного» учения о существовании внешнего мира, которые заставили епископа Беркли не только теоретически опровергать это учение, но и страстно преследовать сторонников его, как врагов» [14. С. 31-32].

Особый интерес вызывают контексты, в которых обнаружено это местоимение в имплицитной форме. Замысел В.И.Ленина состоял в придании большей весомости своим утверждениям, в формировании у читателя представления о многочисленности сторонников ма-

териализма, поэтому он не расшифровывал, кто такие «мы»: «Отметим, что английский махист К. Пирсон, игнорируя всяческие философские ухищрения, не признавая ни интроекции, ни координации, ни «открытия элементов мира», получает неизбежный результат махизма, лишённого подобных «прикрытий», именно: чистый субъективный идеализм» [14. С. 100].

Уже отмечалось, что посредством сложносочинённых предложений В.И. Ленин передавал в политическом тексте собственные концепции и транслировал чужие тезисы [16. С. 172].

Терминологичность

Вопросы терминологии подробно изложены в современной литературе [9].

Термины из различных сфер жизни репрезентированы в «Материализме и эмпириокритицизме»: биологии и естествознания, логики и математики, политики и религии, физики и философии, химии и экономики, поэтому можно вести речь о терминологической насыщенности.

Итог

Вывод советских учёных состоит в том, что В.И. Ленин «отстоял марксистскую философию», сохранил «ее основные положения»: «С позиций боевой революционной партийности В.И. Ленин разоблачил реакционную сущность эмпириокритицизма, показав блестящий пример борьбы с буржуазной идеологией и ревизионизмом» [2. С. 39].

Из этого вывода вытекает следующее заключение: всеохватной (интегральной) особенностью «Материализма и эмпириокритицизма» является полемичность. Она детерминирует практически все стилеобразующие фокусы: интертекстуальность, междисциплинарный характер текста, микширование видов речи, разнообразие метафорических конструкций, снижение слога, терминологическую насыщенность и упрощённую подачу мысли.

Список литературы

1. Авдошенко, Е. В. О стиле В. И. Ленина-публициста // О языке и стиле В. И. Ленина-публициста. Тамбов : ТГПИ, 1973. С. 17–52.
2. Алурдос, Э. И. Консультация по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» /

List of literature

1. Avdoshenko, E. V. O stile V.I.Lenina-publicista // O jazyke i stile V. I. Lenina-publicista. Tambov : TGPI, 1973. S. 17–52.
2. Alurdos, Je. I. Konsul'tacija po knjige V. I. Lenina «Materializm i jempiriokriticizm» / Je. I. Alurdos,

- Э. И. Алурдос, Ю. А. Прокофьев. М. : ВЗИИТ, 1970. 41 с.
3. Апресян, Г. З. Ораторское искусство В. И. Ленина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 31 с.
4. Байрамова, Л. К. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина / Л. К. Байрамова, П. Н. Денисов. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1991. 350 с.
5. Баканова, Н. Г. Фразеологические единицы и их стилистическое использование в публицистических произведениях В. И. Ленина (дооктябрьский период). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : ИГУ, 1969. 18 с.
6. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : УрГПУ, 2002. 24 с.
7. Воронов, Ю. С. Ораторский стиль Ленина. Саратов : Изд-во Саратовск. Ун-та, 1971. 128 с.
8. Гей, Н. Ленинский гуманизм и литература / Н. Гей, В. Пискунов // Ленинское наследие и современная литература. М. : Советская Россия, 1970. С. 7–48.
9. Гринева-Гринева, С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
10. Денисов, П. Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. М. : МАЛП, 1998. 185 с.
- Ju. A. Prokofev. M. : VZIIT, 1970. 41 s.
3. Apresjan, G. Z. Oratorskoje iskusstvo V. I. Lenina. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. 31 s.
4. Bajramova, L. K. Frazjeologičeskij slovar' jazyka V. I. Lenina / L. K. Bajramova, P. N. Denisov. Kazan' : Izd-vo Kazansk. un-ta, 1991. 350 s.
5. Bakanova, N. G. Frazjeologičeskie edinicy i ih stilističeskoe ispol'zovanie v publičističeskich proizvedenijah V. I. Lenina (dooktjabr'skij period). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk : IGU, 1969. 18 s.
6. Veršinina, T. S. Zoomorfna-ja, fitomorfna-ja i antropomorfna-ja metafora v sovremennom političeskom diskurse. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg : UrGPU, 2002. 24 s.
7. Voronov, Ju. S. Oratorskij stil' Lenina. Saratov : Izd-vo Saratovsk. Un-ta, 1971. 128 s.
8. Gej, N. Leninskij gumanizm i literatura / N. Gej, V. Piskunov // Leninskoe nasledie i sovremennaja literatura. M. : Sovetskaja Rossiya, 1970. S. 7–48.
9. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie. M. : Akademija, 2008. 304 s.
10. Denisov, P. N. Jazyk ruskoj obvestvennoj mysli konca XIX – pervoj četverti XX vv. M. : MALP, 1998. 185 s.

11. Дубовик, В. М. Ленинская публицистика: Некоторые вопросы композиции и стиля // Вопросы публицистики. Минск : БГУ, 1969. С. 31–72.
12. Западов, А. Искусство точной и краткой речи // Ленинское наследие и современная литература. М. : Советская Россия, 1970. С. 95–123.
13. Крупская, Н. К. К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // О Ленине. Сборник статей и выступлений. М. : Политиздат, 1971. С. 259–269.
14. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М. : Политиздат, 1989. 508 с.
15. Ольминский, М. С. Статьи о Салтыкове-Щедрине. М. : Гослитиздат, 1959. 120 с.
16. Приходько, С. А. Функции сложносочинённых предложений в аргументативной системе монографии В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Язык. Культура. Коммуникация. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2011. С. 171–172.
17. Приходько, С. А. Индивидуальный стиль политического руководителя и риторический приём уловки // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь: ТГУ, 2012. С. 154–160.
11. Dubovik, V. M. Leninskaja publicistika: Nekotorye voprosy kompozicii i stilja // Voprosy publicistiki. Minsk : BGU, 1969. S. 31–72.
12. Zapadov, A. Iskusstvo tochnoj i kratkoj rechi // Leninskoe nasledie i sovremennaja literatura. M. : Sovetskaja Rossija, 1970. S. 95–123.
13. Krupskaja, N. K. K 25-letiju vyhoda v svet knigi Lenina «Materializm i jempiriokriticizm» // O Lenine. Sbornik statej i vystuplenij. M. : Politizdat, 1971. S. 259–269.
14. Lenin, V. I. Materializm i jempiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii. M. : Politizdat, 1989. 508 s.
15. Ol'minskij, M. S. Stat'i o Saltykove-Wedrine. M. : Goslitizdat, 1959. 120 s.
16. Prihod'ko, S. A. Funkcii slozhnosochinjonnyh predlozhenij v argumentativnoj sisteme monografii V. I. Lenina «Materializm i jempiriokriticizm» // Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija. Cheljabinsk : Izdat. centr JuUrGU, 2011. S. 171–172.
17. Prihod'ko, S. A. Individual'nyj stil' politicheskogo rukovoditelja i ritoricheskij prijom ulovki // Jazykovej diskurs v social'noj praktike. Tver': TGU, 2012. S. 154–160.

18. Приходько, С. А. Языковая личность В. И. Ленина // *Lingua mobilis*. 2012. №1. С. 49–61.
19. Прошунин, Н. Ф. Сила ленинского слова: заметки о полемическом искусстве В. И. Ленина. М. : Политиздат, 1969. 208 с.
20. Солганик, Г. Я. Стилистика текста. М. : Флинта, Наука, 1997. 256 с.
21. Уханов, И. П. Образы художественной литературы в трудах В. И. Ленина. М. : Политиздат, 1965. 295 с.
22. Федотовских, Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ. Автореф. дис. ... канд. филол. Екатеринбург : УГПИ, 2005. 23 с.
23. Фесуненко, П. М. Стиль произведений В. И. Ленина. Киев : Редакционно-издат. отдел КГПИ им. А. М. Горького, 1972. 192 с.
24. Цейтлин, А. Г. Стиль Ленина-публициста. М. : Наука, 1969. 279 с.
25. Enkvist, N. E. Text and Discourse Linguistics, Rhetoric and Stylistics. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1985. P. 11–38.
26. Fairclough, N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1992. №. 3. P. 192–217.
27. Fiske, J. Television Culture. London, New York : Routledge, 1993. 353 p.
18. Prihod'ko, S. A. Jazykovaja lichnost' V. I. Lenina // *Lingua mobilis*. 2012. №1. S. 49–61.
19. Proshunin, N. F. Sila leninskogo slova: zametki o polemicheskome iskusstve V. I. Lenina. M. : Politizdat, 1969. 208 s.
20. Solganik, G. Ja. Stilistika teksta. M. : Flinta, Nauka, 1997. 256 s.
21. Uhanov, I. P. Obrazy hudozhestvennoj literatury v trudah V. I. Lenina. M. : Politizdat, 1965. 295 s.
22. Fedotovskih, T. G. Listovka kak zhanr politicheskogo diskursa: kognitivno-pragmaticheskij analiz. Avtoref. dis. ... kand. filol. Ekaterinburg : UGPI, 2005. 23 s.
23. Fesuneneko, P. M. Stil' proizvedenij V. I. Lenina. Kiev : Redakcionno-izdat. otdel KGPI im. A. M. Gor'kogo, 1972. 192 s.
24. Cejtlin, A. G. Stil' Lenina-publicista. M. : Nauka, 1969. 279 s.
25. Enkvist, N. E. Text and Discourse Linguistics, Rhetoric and Stylistics. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1985. P. 11–38.
26. Fairclough, N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1992. №. 3. P. 192–217.
27. Fiske, J. Television Culture. London, New York : Routledge, 1993. 353 p.

28. Nord, Ch. Textanalyse und Übersetzen. Heidelberg: Jukius Groos Verlag, 1988. 186 S.

29. Riffaterre, M. La Production du Texte. Paris: Seuil, 1979. 284 p.

30. Vendler, Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1967. 203 p.

28. Nord, Ch. Textanalyse und Übersetzen. Heidelberg: Jukius Groos Verlag, 1988. 186 S.

29. Riffaterre, M. La Production du Texte. Paris: Seuil, 1979. 284 p.

30. Vendler, Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1967. 203 p.

ЯЗЫК СМИ

РОЛЬ ОБОБЩЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Я. И. Безус

В данной статье мы рассматриваем приём обобщения и роль, которую он может играть в текстах печатных средств массовой информации. Исследование проводится на материале англоязычных печатных изданий.

Ключевые слова: обобщение, перлокуция, воздействие, СМИ, пресса, Китай.

Функция воздействия в англоязычной прессе выполняется в ряде случаев с использованием обобщения. Однако, чтобы осуществить определенные воздействия на адресата через речевую деятельность, адресант должен использовать определенные языковые средства для достижения желаемого для себя результата, определяющегося во многом реакцией слушающего, которая, в свою очередь, также поддается лингвистическому анализу, то есть мы говорим о перлокутивной функции высказывания. М. С. Веденькова пишет, что «при определении перлокутивной функции высказывания огромную роль играют контекст, знание ситуации, при которой совершается языковая коммуникация, а также лингво-стилистическое оформление высказывания. Исследователь также говорит о том, что именно намек нередко способствует определению перлокутивной функции¹.

Перлокутивная функция (perlocutionary function) высказывания подает значение высказывания в аспекте внешнего последствия этого высказывания (иллокутивная же функция дает только внутренние следствия), то, что изменится в ситуации в результате данного высказывания как действия. Дж. Остин и Дж. Серль считали при этом перлокутивные функции интенциональными, а не конвенциональными². Э. Вайганд понимает под перлокутивной функцией ту функцию, которой обладает реагирующий («реактивный») речевой акт; поскольку такой акт можно считать конвенциональным, то и перлокутивная функция должна квалифицироваться как конвенциональ-

ная: это конвенциональное последствие некоторого иллюкутивного речевого акта³.

Следовательно, перлокуция – это один из компонентов в структуре речевого акта, который является результатом реализации интенции адресанта и показателем успешности общения. Перлокутивная функция высказывания в большей степени зависит от учета экстралингвистических факторов, ситуации, пресуппозиции, от отношений коммуникантов. Чаще всего для достижения желаемого для адресанта результата, то есть для того, чтобы слушающий положительно отреагировал на побуждение говорящего, последний прибегает к отбору лексических средств и синтаксических конструкций для построения своего высказывания.

Таким образом, в данном исследовании можно выдвинуть следующую гипотезу: обобщение является одним из наиболее эффективных ходов для достижения цели воздействия на реципиента посредством использования статистических данных, прямых цитат, реалий и примеров.

Подтверждать выдвинутую ранее гипотезу нам представляется наиболее целесообразным на материале статей англоязычной прессы, посвященных одной из самых злободневных тем современности, а именно политике одного ребенка в Китае.

Китай – самая населенная страна мира. В течение 30 лет после провозглашения КНР китайцев призывали рожать как можно больше детей для революции. Традиционно большие китайские семьи никто не регулировал. Однако с 1979 г. правительство всеми силами внедряет лозунг «Одна семья – один ребенок».

Политика одного ребёнка на одну семью (или одна семья – один ребёнок) – демографическая политика Китая. Китай был вынужден законодательно ограничить размер семьи в 1970-х годах, когда стало понятно, что огромное количество людей перегружает земельные, водные и энергетические ресурсы страны. Сегодня среднее количество детей, рождённых одной женщиной в течение жизни, в Китае снизилось с 5,8 до 1,8. Гражданам КНР обычно разрешают иметь не больше одного ребёнка на семью.

Данная политика в отношении семьи вызывает ожидаемый резонанс в обществе, что, в свою очередь, находит отражение в средствах массовой информации. Таким образом, анализ газетных текстов, направленный на выявление стилистических приемов обобщения с целью воздействия на реципиента является актуальным. Если

реципиент уверен в достоверности источника, он не будет подвергать критике информацию.

В текстах англоязычной прессы (Guardian, Scientific American, The Telegraph) часто используется такая последовательность ходов, как *обобщение – усиление* или *обобщение – приведение примера*, авторы обычно высказывают какую-либо мысль, чтобы их мнение звучало более авторитетно прибегают к конкретным примерам, подтверждающих высказывание или уточняют свою мысль. Ван Дейк называет данный прием «корректировкой нежелательных последствий или выводов читателя»⁴.

В текстах статей помимо ходов обобщение – усиление или обобщение – приведение примера встречается такая связка как *обобщение – цитата*, которая также служит конструкции эмоционально-экспрессивного эффекта. Экспрессивность в данном случае играет основную роль, придавая публицистическому тексту, определенный политический или социальный окрас.

Вопрос об экспрессивности в языке принадлежит к числу наиболее дискуссионных, о чем свидетельствует отсутствие единой терминологии. По мнению Ю. М. Скребнева, термин «экспрессивность» не только не имеет общего толкования, «но и онтологически по природе относится к разряду понятий неопределенного объема»⁵.

О. С. Ахманова трактует экспрессивность как «выразительно-образительные качества речи, отличающие ее от обычной (стилистически нейтральной), придающие ей образность и эмоциональную окрашенность». Основным критерий определения экспрессивности – это граница между нейтральной нормативностью и выходящей за рамки нормативности выразительностью единиц речи⁶.

Возможность различать экспрессивность речи и экспрессивность языковых единиц отмечает Л. Е. Кругликова, выделяя различие объемов, объем первого термина гораздо шире⁷. Под экспрессивностью в широком понимании подразумевается определенная функция некоторых языковых единиц – функция воздействия. При таком подходе экспрессивными можно считать такие единицы, которые кроме номинативной и сигнификативной функций выполняют еще и прагматическую функцию.

Ряд ученых отождествляет понятие экспрессивности с понятиями эмоциональности или оценочности. Так, например, А. М. Эмирова трактует экспрессивный компонент как «часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок

говорящего (в лексике и фразеологии) – так называемое эмотивное, эмоционально-оценочное значение, в грамматике – субъективно-модальное»⁸. Другие, в частности, С. Л. Нистратова, считают, что экспрессивность гораздо шире эмоциональности, это усиление выразительности высказывания, связанное с ориентацией высказывания говорящего на адресата с целью воздействия на его восприятие. Экспрессивность – это «свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным»⁹.

Следовательно, прием обобщения в независимости от сопутствующих ему приемов придает определенный экспрессивно-выразительный колорит публицистическому тексту с целью создания определенной картины того или иного события, а также эмоционального влияния на реципиента.

Рассмотрим на конкретном примере функцию обобщения:

During the period that I grew up in China in the 1960s and 70s, Chinese families could have as many children as they liked. Many had four or five children. Some even had six or seven.

В приведенном отрывке неявно декларируется, что время правления Мао Цзэдуна политика в отношении семи была направлена на увеличение рождаемости. Прием обобщения проявляется в данном примере газетного текста посредством введения дат *in the 1960s and 70s*. Округление цифровой информации и выявления определенного периода, а именно целой декады, создает образ длительного и стабильного срока.

My parents had four children. After the government started enforcing the rule of one child per family – often forcibly – my parents would sometimes jokingly remind me that I was an “exceeded quota person”, meaning that under the one-child policy I would not have existed. (China’s one-child policy – success or failure? By Weiliang Nie, BBC Chinese Service).

Далее утверждение подтверждается цитатой “*exceeded quota person*” – в данном случае прием обобщения также является усилением, т.к. цитаты являются эмоционально-оценочными, и, следовательно, оказывают необходимое воздействие на реципиента.

Эмоционально-экспрессивными являются многочисленные эпитеты в текстах печатных СМИ, что, в свою очередь, свидетельствует об использовании приема обобщения:

Cosseted by parents and grandparents, the post-'80s generation grew, eerily, to resemble the children on family-planning posters across China – bursting with energy, hair groomed a glossy black, cheeks pink and eyes bright.

Противопоставление многодетных семей предшествующих десятилетий, которые были созданы под эгидой плакатных текстов и иллюстраций, в которых дети представлялись *bursting with energy, hair groomed a glossy black, cheeks pink and eyes bright* жестким рамкам планирования семьи в новом десятилетии.

Only one, the government declared, trying desperately to constrain a booming population now projected to peak at 1.5 billion in 2033, a billion more than when the Communists took power in 1949. There were always exceptions. Farming families were allowed two if the first was a girl or disabled, as were coal miners with five years' experience, and the single children of a martyred "hero". Money and connections also smoothed the way to an extra child, but in cities, where control was easiest, the one-child family became the norm. (Navigating Child Policy in China, By DIDI KIRSTEN TATLOW, published: March 18, 2010)

В данном примере автор статьи приводит статистические данные, при этом просто числа (*1.5 billion in 2033*) могут восприниматься читателем как нечто абстрактное, поэтому автор использует прием пояснения: на миллиард больше, чем когда коммунисты пришли к власти.

Кроме того, прием обобщения может быть введен в начале текста, что, в свою очередь, является темой статьи, после которой уже следует рема, демонстрируя уровень новых связей между старыми фактами в теме:

Chinese police and health officials are investigating after the bodies of 21 babies and fetuses were dumped in a river. The bodies apparently originated from local hospitals, state media reported today. A hospital in Jining, north-eastern Shandong province, has suspended several staff after residents found the bodies beneath a bridge. The deaths are thought to be the result of abortions, induced labour and natural causes.

В данном случае сначала приводится главное событие, прием обобщения **применяется с целью подчеркнуть масштабность явления**: *Chinese police and health officials are investigating after the bodies of 21 babies and fetuses were dumped in a river.*

About eight of the 21 bodies had tags that gave their mother's names and the date of birth, the Beijing News reported. The state news agency

Xinhua said the tags also bore the name of Jining Medical University's hospital. According to China Radio International, three of the babies had been taken to the paediatrics department after falling seriously ill, but died after their treatment failed. All were very young and some appeared to be fetuses.

Прием обобщения применяется с целью подчеркнуть масштабность явления: *Chinese police and health officials are investigating after the bodies of 21 babies and fetuses were dumped in a river.* Более того, прием обобщения усиливается и подкрепляется статистикой. Автор статьи также вводит в текст имена авторитетных людей и реалии в виде названия медицинского учреждения: *Jining Medical University's hospital, The state news agency Xinhua.*

The Beijing News quoted insiders who said contractors hired by the hospital to dispose of corpses had probably dumped them in the river. "The hospital medical staff involved have been suspended from their work during the investigation", Zhong Haitao, a spokesman at the Jining Health Bureau, told Xinhua. No one at the hospital or police bureau was available for comment!

В данном случае центром анализа становится восклицательная конструкция «*No one at the hospital or police bureau was available for comment!*», где экспрессивность выражена наиболее интенсивно. Эмоциональное значение таких конструкций выражено интонационно и графически, с помощью порядка слов, использования определенных лексических средств. Восклицательные предложения используются в данной статье для выражения авторского отношения к фактам, акцентирования внимания адресата на определенных моментах.

Last year a hospital in central Hubei province admitted that mortuary staff dumped the unclaimed bodies of two adults and six aborted fetuses at a building site, where they were unearthed by a construction worker.

Далее явно прослеживается, что автор предпочел абстрагироваться от статистики, и в тексте статьи адресат прослеживает лишь существительные и глаголы третьего лица множественного числа. Данный прием обобщения был выбран не случайно. Ранее автор подчеркивает риторическим восклицанием, что не было дано данному событию никаких комментариев. И далее предпочитает воздержаться от цифровых реалий. Следовательно, у реципиента может возникнуть вопрос о достоверности цифровой информации: вполне возможно, что трупов детей было больше.

Tan Xiaodong, of Wuhan University's school of public health, told China Daily that there were no clear regulations on the disposal of unclaimed bodies and new legislation was needed. But he added that most provinces had established their own procedures. (Guardian, Bodies of babies found dumped in Chinese river, Tania Branigan in Beijing)

Прием обобщения здесь использован с сопутствующим ему приемом усиления, т.к. автор приводит цитаты, призванные повлиять на эмоциональную восприимчивость реципиента. Сравнения и эпитеты в тексте данной статьи, когда речь идет о телах, которые могли бы быть выброшены уборщиками местных больниц после абортот и быть рассмотрены больницами как медицинские отходы – играют не последнюю роль в создании общего колорита представленной ситуации.

It's one thing to wish for a boy or a girl when pregnant; but it's something else entirely to take steps to guarantee your wish comes true. Enter China and India, where the ratio of boys to girls is so lopsided that economists project there may be as many as 30 to 40 million more men than women of marriageable age in both countries by 2020.

Прием обобщения в данном случае следует параллельно с приемом умолчания. Читателю представляется только «часть айсберга»: *the ratio of boys to girls is so lopsided that economists project there may be as many as 30 to 40 million more men than women of marriageable age.*

Реципиент сам выставляет утраченные элементы, а именно тот факт, что из-за традиционного предпочтения мальчиков, большинство абортируемых эмбрионов являются девочками. Кроме того, существует проблема детоубийства девочек. По данным недавнего исследования, опубликованного в британском медицинском журнале, общее соотношение полов в Китае – 126 мальчиков на каждые 100 девочек. В девяти провинциях это соотношение для второго ребенка равно 160.

The question is: Why? It's more than just the historic birth ratio of 105 boys for every 100 girls. Infanticide, largely triggered by a long-time limit of one child per family in China, each played a role. (Scientific American, Preference for sons could spell trouble for China. By Jeremy Hsu)

Риторические вопросы являются характерным средством публицистической и ораторской речи. Они позволяют автору в эмоциональной форме выразить свое отношение к приведенным фактам: *The question is: Why?* Риторический вопрос может использоваться

как специализированное средство обобщенности, т.е. имитации разговорности. Данный прием служит созданию эффекта присутствия читателя в происходящих событиях, или его активной вовлеченности в обсуждение.

Таким образом, стоит подчеркнуть, что эти факты и проблемы неоднократно затрагиваются в англоязычной прессе и зачастую носят отрицательный характер, резкую или скрытую критику со стороны англоязычных журналистов. Однако, стоит оставаться хладнокровным, анализируя тексты статей, помня, что каждый автор достигает собственной цели. И для этого неоднократно воздействует на сознание реципиента посредством обобщения и сопутствующих ему приемов эмоционально-экспрессивной выразительности.

Примечания

¹ Веденькова, М. С. Прагматика и типология коммуникативных единиц языка : сб. науч. тр. ДГУ, 1989. С. 27–28.

² Searle, J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambr. : Cambr. UP, 1969. 97 p.

³ Демьянков, В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М. : ИНИОН, 2000. С. 26–136.

⁴ Ван Дейк, Т. А. Функционирование РА самооправдания (групп юстификативов, контрадиктивов) в прагматич. контексте // Когнит. Семантика : мат-лы Второй междунар. shk.-семинара по когнит. лингвистике (14 сентября 2000) / отв. ред. Н. Н. Болдырев. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов : Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. С. 58.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 2000. С. 19.

Notes

¹ Veden'kova, M. S. Pragmatika i tipologija komunikativnyh edinic jazyka : sb. nauch. tr. DGU, 1989. S. 27–28.

² Searle, J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambr. : Cambr. UP, 1969. 97 p.

³ Dem'jankov, V. Z. Funkcionalizm v zarubezhnoj lingvistike konca 20 veka // Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty. M. : INION, 2000. S. 26–136.

⁴ Van Dejk, T. A. Funkcionirovanie RA samoopravdanija (grupp justifikativov, kontradiktivov) v pragmatich. kontekste // Kognit. Semantika : mat-ly Vtoroj mezhdunar. shk.-seminara po kognit. lingvistike (14 sentjabrja 2000) / отв. red. N. N. Boldyrev. V 2 ch. Ch. 1. Tambov : Izd-vo Tambovsk. un-ta, 2000. S. 58.

⁵ Filozofskij jenciklopedicheskiy sl'ovar'. M., 2000. S. 19.

⁶ Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 7. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2009. С. 337.

⁷ Кругликова, Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988. С. 53.

⁸ Эмирова, А. Н. Русская фразеология. М., 1988. С. 15.

⁹ Нистратова, С. Л. К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи. М, 2004. С. 144.

⁶ Jazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyj al'manah Stavropol'skogo otdelenija RALK / Pod red. prof. G. N. Manaenko. Vyp. 7. Stavropol' : Izd-vo SGPI, 2009. S. 337.

⁷ Kruglikova, L. E. Struktura leksicheskogo i frazeologicheskogo znachenija. M., 1988. S. 53.

⁸ Jemirova, A. N. Russkaja frazeologija. M., 1988. S. 15.

⁹ Nistratova, S. L. K voprosu o sisteme jekspressivnyh sintaksicheskikh sredstv v nauchnoj rechi. M, 2004. S. 144.

**ТРИ СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ «FASZINATION UND GEWALT».
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

А. В. Игнашов

«Faszination und Gewalt» – это сборник статей, фотокопий документов и фотоизображений (96 страниц, 200 фотографий). Нас интересует глава, посвященная публикациям зарубежных газет и журналов 1930-х годов. Мы впервые публикуем в переводе на русский язык анализ трех страниц из книги «Faszination und Gewalt», изданной в 2006 году в Нюрнберге.

Ключевые слова: «Faszination und Gewalt», Нюрнберг, зарубежные СМИ, статья, репортаж.

В 2006 году в Нюрнберге к открытию в Музее города постоянно действующей экспозиции «Faszination und Gewalt» был издан одноименный сборник статей, фотокопий документов и фотоизображений (96 страниц, 200 фотографий) [2]. Каждая из девятнадцати глав книги «Faszination und Gewalt» посвящена одному из залов музея: от истории НСДАП, понятий «фюрер» и «национальное единство» до «Триумфа воли», от нацистских съездов в Нюрнберге, немецкого расизма и антисемитизма до движения сопротивления в Германии и Нюрнбергского процесса. Книга издана в двух вариантах – на немецком и английском языках.

Авторами статей в «Faszination und Gewalt» являются ученые из университетов Нюрнберга, Мюнхена, Музея города Нюрнберга. На русском языке книга не издавалась. В данной публикации мы впервые анализируем ее, цитаты приводим в авторском переводе. «Faszination und Gewalt» – само название книги отсылает нас к дилемме очарования и насилия нацистского режима. Особый интерес представляет глава, посвященная публикациям зарубежных газет и журналов 1930-х годов.

Лидерам фашистского режима, особенно в первые годы, были крайне важны положительные публикации зарубежных печатных СМИ и отзывы по радио. Гитлера и его соратников весьма беспокоила негативная реакция руководителей иностранных государств, поэтому немецкие политики изначально заняли позицию совмещения

плохо скрываемых угроз с заключением соглашений о ненападении. Роль Нюрнберга, как города проведения партийных съездов, состояла в наглядной демонстрации того, что народ Германии горячо одобряет политику национал-социалистов. Отсутствие официальных зарубежных представителей и дипломатов отрицательно сказывалось в первые годы. Великобритания и Франция не присылали своих представителей в Нюрнберг до 1937 года, США – на год дольше.

Первые отклики зарубежной прессы были неоднозначными. Практически все издания стран Европы и Северной Америки критиковали возрождение в Нюрнберге милитаризма. В странах диктатуры и авторитаризма, таких, как Италия, Советский Союз, Австрия, средства массовой информации выражали и поддержку Третьему рейху.

Отклики французской прессы разнились в зависимости от политических симпатий изданий. Газета «L'Humanité» оценивала партийные съезды НСДАП как чистую пропаганду. Так, например, 4 сентября 1933 года политический обозреватель «L'Humanité» пишет: «После того, как лихорадка фашистских истерик достигла максимума, гитлеровские войска вернулись на свои земли. Конгресс был подавлен обманчивыми речами руководства, партийным массам и молодежи не дали слова. Эти бандиты, которые не могут гарантировать населению основные демократические свободы, теперь предлагают своим войскам, бледным от ярости, антисемитские погромы!» [2. С. 66].

9 сентября 1934 года читаем в «L'Humanité»: «**Не думаю, что мировая история знала зрелище нечто более масштабное и прекрасное, чем национал-социализм, которому часто отказывают в живости мысли и интеллекте. Национал-социализм ухватил дух своего времени. Эстетика этих мероприятий способна пополнить культурный фонд страны. То, что сначала воспринималось как обычные действия, стало ритуалом. Такова история любой религии – а теперь и религии национал-социализма**» [2. С. 66].

В то же время в «правом» по политической ориентации французском издании «L'Illustration» публиковались статьи с поддержкой идей НСДАП.

Популярные британские газеты, в том числе и «Times», постоянно присылали на партийные съезды в Нюрнберг корреспондентов. Масштабность съездов вызывала уважение и у либеральных, и «левых» британских изданий. В то же время пресса критиковала отсут-

ствие свободы слова в Германии, разоблачала нацистскую пропаганду, как средство контроля над народными массами. «The Daily Mail» пишет в 1935 году: «357 поездов собирают нацистские силы со всей Германии в средневековый город, прекрасный еще в те времена, когда Берлин был лишь деревней, на конгресс национал-социалистической партии – первый с тех пор, как Гитлер стал абсолютным вождём Германии... Всюду – на улицах, в отелях, в кафе – можно встретить лидеров и участников партии. Они носят коричневую униформу – точь-в-точь такую же, как английские офицеры зимой. Они салютуют, поднимая на итальянский манер правую руку, они выкрикивают «Хайль, Гитлер!» резким командным голосом» [2. С. 67].

В газетах фашистской Италии после 1936 года отчеты с партийных съездов в Нюрнберге стали занимать в газетах все больше и больше места. Практически в каждом тексте встречались выражения, прославляющие «новую, сильную Германию».

«**Il Messaggero**, 12 сентября 1938 года: «Десятый сбор фашистского движения доказал бесспорный успех превосходной организации, которая с каждым годом справляется со все более сложными задачами. Успех фюрера также был невероятным: народ Германии доверяет ему все больше и выражает свою готовность последовать за ним даже в тяжелые времена» [2. С. 67].

По мнению авторов книги «*Faszination und Gewalt*», пресса в СССР с самого начала резко осуждала съезды национал-социалистов, которые публично демонизировали идею коммунизма. Газета «Правда», 6 сентября 1936 года: «Создатели концлагерей, потерявшие человеческое лицо, будут говорить о защите цивилизации. Разбойники, сжигающие книги и запрещающие стихи Гете и Шиллера в школах, станут рассуждать о культуре» [2. С. 68].

Газета «Известия», 16 сентября 1936 года: «Бесконечная муштра до потери сознания, непрерывный ор, который считается проявлением энтузиазма, красивые безделушки, декорации напоказ, безудержные, почти истерические антисоветские вопли – вся эта тарбарщина преследует определенную цель. Она подтверждает, что людям некогда думать. Разжигать в людях слепую страсть – вот девиз кровавых торговцев войны из Нюрнберга» [2. С. 68].

Корреспонденты газет США в своих репортажах писали о напыщенных декорациях съездов, осуждая культ насилия нацистского режима. «**New York Times**», 4 сентября 1933 года: «Молодая Германия демонстрирует свою силу». «**Chicago Daily News**»: «Это прозвучу-

чит кощунственно, но иностранец сможет составить представление о сегодняшней Германии, только если поймёт, что вся немецкая нация всерьёз ждёт своего Мессию, а Гитлер является воплощением их надежд на прекрасное будущее» [2. С. 68].

Еще до Судетского кризиса 1938 года чехословацкая пресса поняла, что нацистская политика территориальной экспансии очень опасна для их страны. Поистине замечательны были полемические карикатуры на партийные съезды в газетах «Ludove Noviny» и «Rude Pravo».

Михаэль Кольхауэр в работе «Роман и идеология. Точки зрения» пишет: «Идеология и есть та игра, где сменяющиеся ракурсы то утверждают, то оспаривают, во всяком случае, заранее осложняют возможность прочитывания доминантной идеи и последнего слова» [1].

Что касается книг, посвященных Нюрнбергскому процессу, то нам еще только предстоит обратить должное внимание на «Faszination und Gewalt», изучая влияние публикаций зарубежных СМИ на формирование мирового общественного мнения на национал-социализм в 1930-е годы.

Список литературы

1. Кольхауэр, М. Роман и идеология. Точки зрения // НЛО. №14. 1996.
2. Faszination und Gewalt. Nürnberg, 2006. S. 66, 67, 68.

List of literature

1. Kol'haujer, M. Roman i ideologija. Tochki zrenija // NLO. №14. 1996.
2. Faszination und Gewalt. Nürnberg, 2006. S. 66, 67, 68.

**ИЗМЕНЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США**

С. С. Чистова

В данной статье представлены результаты контент-анализа газетных статей, посвященных тематике военного конфликта в Ираке 2003-2011гг. с целью выявления такого способа языкового манипулирования на уровне слова, как изменение ассоциативного поля. Рассмотрены ассоциативные ряды таких понятийных областей, как «Ирак» (Саддам Хуссейн; политический режим; нация) и «США» (армия; нация).

Ключевые слова: языковое манипулирование, контент-анализ, ассоциативное поле, СМИ, война в Ираке.

Средства массовой информации в современном мире являются основным источником сведений о происходящих событиях. В силу своей доступности СМИ сегодня – главный инструмент воздействия на массовое сознание. Наряду с визуальными и акустическими способами одним из мощных средств манипуляции в СМИ является языковая манипуляция.

Под языковым манипулированием мы понимаем «манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования особенностей устройства и употребления языка» [3. С. 90; 2. С. 92]. В данном случае языковое манипулирование рассматривается как особая разновидность речевого воздействия.

Для языкового манипулирования характерна замена убеждения внушением, которое достигается благодаря созданию эмоционального подтекста высказывания. Так, например, верный подбор слов позволяет сделать акцент в сообщении на тех или иных оттенках их значений, в результате чего слова несут в тексте двойную смысловую нагрузку и незаметно искажают реальную действительность в представлениях адресата. Важной особенностью и важным механизмом действия языкового манипулирования является иллюзия самостоятельности сделанных адресатом выводов. Она создается в результате особой организации текста: наиболее важная информация в

нем зачастую имплицитно, аргументы преподносятся в завуалированном виде, а высказывания перегружены оценочной лексикой. Характерными признаками языкового манипулирования являются неаргументированность оценок и суждений или псевдоаргументация, то есть подмена логически обоснованных аргументов предвзятыми категоричными формулировками, ссылками на недостоверную информацию, однобокая интерпретация фактов, низкая степень информативности текста, доминирование оценочных реплик.

Согласно А. А. Даниловой способы языковой манипуляции в печатных СМИ можно подразделить на три основных группы:

I. Способы языкового воздействия на сознание на уровне текста.

II. Способы языкового воздействия на уровне предложения.

III. Способы языкового воздействия на уровне слова: а) лексико-семантические варианты. Синонимия; б) эвфемизмы и дисфемизмы; в) **изменение ассоциативного поля**; г) **упрощение**; д) **введение исторических параллелей**; е) категория одушевленности: овеществление; ж) метафора; з) штампы; и) введение эксперта; к) модальность; л) опущение экспериенцера, пассивизация перформатива [1].

В данной статье представлены результаты контент-анализа газетных статей, посвященных тематике военного конфликта в Ираке 2003–2011 гг. с целью выявления такого способа языкового манипулирования на уровне слова, как изменение ассоциативного поля. Ассоциативное поле слова характеризуется «объединением вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов, обнаруживающих, несмотря на варьирующийся состав у разных информантов, значительную степень общности» [1. С. 81]. В данном случае манипулирование осуществляется группированием вокруг определенного понятия эмоционально-оценочных лексем с целью создать устойчивый контекст, в результате чего у адресата формируется представление об этом понятии, которое является, по сути, навязанным ему СМИ.

В 25 статьях, посвященных конфликту, было обнаружено 138 случаев употребления оценочных высказываний, создающих ассоциативные поля вокруг таких слов-стимулов, как «Ирак» (Саддам Хуссейн; политический режим; нация) и «США» (армия; нация). 101 из них был направлен на создание негативного ассоциативного поля Ирака (21) и конкретно Саддама Хусейна и его политического режима (80). Данные исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Ассоциативный ряд понятийной области «Ирак»

Понятийная область	Слово-стимул	Ассоциативный ряд
Ирак	Саддам Хусейн	<ul style="list-style-type: none"> - a tyrant (4); - the garbage of history; - hands are tainted with the blood of innocent people; - brutal nature of the enemy in Iraq; - attempted to assassinate Mr. Bush's father, and killed untold thousands of his opponents; - a grave threat; - the dictator who led Iraq through three decades of brutality, war and bombast; - the almost unchallenged dictator of Iraq; - a deadly foe; - the dictator built palaces for himself, instead of hospitals and schools; - a psychotic figure; - ordered the killings of thousands of his fellow citizens; - subjected Iraq to a series of wars and murderous campaigns that ripped the social fabric of the country, wasted its resources and served only his sick dreams and illusions; - an unjust ruler responsible for the deaths of thousands of people; - like Adolf Hitler did and Joseph Stalin did;
	Конец правления Саддама Хусейна, его поимка и казнь.	<ul style="list-style-type: none"> - He was a broken man. He was afraid. You could see fear in his face; - he seemed a shrunken figure, nondescript in the ill-fitting charcoal suit and tieless white shirt provided by his captors; - Mr. Hussein's hiding hole;

Понятийная область	Слово-стимул	Ассоциативный ряд
Ирак	Конец правления Саддама Хуссейна, его поимка и казнь.	<ul style="list-style-type: none"> - an ignominious ending for Mr. Hussein, 66, who ... had eluded capture apparently by moving from one dingy hide-out to another; - looking like a disheveled vagrant; - found him crouching in an eight-foot hole at an isolated farm... haggard, dirty and disoriented; - former dictator had been hanged in one of the grimmest of his own execution chambers.
	Политический режим	<ul style="list-style-type: none"> - ruthless power; - used poison gas to murder thousands of its own citizens - leaving the bodies of mothers huddled over their dead children; - constitute an axis of evil; - pose a grave and growing danger; - his brutal regime; - decades of lies and intimidation; - dark and painful era; - children's prisons, and torture chambers, and rape rooms where Iraqi women were violated in front of their families; - Tyranny; - a regime that threatened free nations; - decades of deceit and cruelty; - a history of reckless aggression in the Middle East; - ruthless regime; - dark page; - His regime once ordered the killing of every person between the ages of 15 and 70 in certain Kurdish villages in northern Iraq; - has lost its legitimacy; - years of bloodshed and fear.

Понятийная область	Слово-стимул	Ассоциативный ряд
Ирак	Ирак – нация	<ul style="list-style-type: none"> - remains very much wild and untamed, full of peril and full of death; - a lawless place; - continues to commit extremely grave violations of human rights; - Iraq's battle against terrorism and violence is far from over; - cowardly terrorist attack only targeted poor civilians.

Таким образом, можно отметить, что большая часть оценочных высказываний относится к личности Саддама Хусейна, который описывается как жестокий и бессердечный тиран, ужасный враг, представляющий угрозу для всего мира. Это – диктатор-убийца, разрушивший страну для удовлетворения собственных безумных прихотей, повинный в убийствах женщин и детей. Этот человек сравнивается с И. В. Сталиным и А. Гитлером, что, несомненно, помогает выстроить более яркий образ, так как эти имена ассоциируются с жестокостью, насилием и жесткими карательными мерами. В данном случае контрастом является описание поимки и казни Саддама Хусейна, который не был арестован достойно, как военный офицер, а, как бродяга, был пойман в одной из ям, покинутый своей армией и телохранителями. Благодаря данным описаниям в воображении адресата тут же вырисовывается картина жалкого, оборванного, потерявшего человеческий облик существа, прячущегося в грязной дыре. Красочное, подробное и местами излишне детальное описание процесса суда и процедуры казни добавляет к созданному образу Саддама Хусейна. Предложениями типа “Saddam Hussein received a fair trial”, “Saddam faced the same fate he was accused of inflicting on countless thousands” подчеркивается справедливость наказания и неотвратимость правосудия, что воскрешает в памяти библейскую цитату: «И воздастся каждому по делам его».

Политический режим в Ираке также является объектом рассмотрения в СМИ США. Описание политического режима Саддама Хусейна в основном сводится к таким эпитетам, как *ruthless, grave, brutal, dark and painful, lawless merciless, reckless* и др. Таким образом,

создается образ государства, в котором царят беззаконие, репрессии и пытки в отношении мирного населения. Такие определения, как *dark and painful era, dark page, years of bloodshed and fear* в сочетании с красочными описаниями говорят о длительности существования режима, тем самым вызывая у адресата сочувствие мирным жителям Ирака и намерение поддержать политику США касательно свержения режима путем немедленных военных действий.

Показательно в этом отношении незначительное количество оценочных высказываний, посвященных созданию негативного образа Ирака. Ирак описывается как место, где царит беззаконие, от которого страдает вся страна, однако само население при этом является невинными жертвами насилия со стороны правящего режима.

37 оценочных словоупотреблений посвящено созданию позитивно-го образа США – армии и нации. Примеры представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Ассоциативный ряд понятийной области «США»

Понятийная область	Слово-стимул	Ассоциативный ряд
США	Армия (солдаты, войска)	<ul style="list-style-type: none"> - fought their way through sand storms so intense that they blackened the daytime sky; - added new chapters to the story of American military heroism; - have served tour after tour of duty with precious little dwell time in between; - stepped up with unprecedented service; - stood firm to help those Iraqis who put their faith in the future; - helped turn the tide toward peace; - have been there every step of the way, serving with honour, sacrificing greatly; - the honorable and decent spirit of the American military; - liberate; - a combination of precision, and speed, and boldness; - have shown the world the skill and the might of the American Armed Forces; - strength, and kindness, and good will;

Понятийная область	Слово-стимул	Ассоциативный ряд
США	Нация	<ul style="list-style-type: none"> - it is both our responsibility and our privilege to fight freedom's fight; - will do what is necessary to ensure our nation's security; - will not permit the world's most dangerous regimes to threaten us with the world's most destructive weapons; - cannot stand by and do nothing while dangers gather; - must stand up for our security, and for the permanent rights and the hopes of mankind; - stand for human liberty; - the terrorists would not escape the patient justice of the United States; - are a peaceful people - yet we're not a fragile people, and we will not be intimidated by thugs and killers; - are helping to rebuild Iraq; - following a battle, want nothing more than to return home.

Американская армия предстает в неизменно положительном свете, что подтверждается многократным использованием таких лексем с положительной оценочностью, как *skill, discipline, honour, might, brave*. Можно проследить смысловой акцент на чести солдат США и на их благородных целях. Таким образом, адресата пытаются убедить в исключительно благих намерениях военных действий, в том, что США совершают нечто действительно важное и благородное, освобождая страну от тоталитарного режима.

Часть, посвященная описанию американской нации, изобилует эпитетами и выражениями, убеждающими читателя в ее исключительности, ответственности, мирности и бескорыстности. В сознании реципиента закрепляется образ государства, готового постоять как за себя, так и в случае необходимости за тех, кто в этом нуждается. Единственной целью, которую преследует США, было и остается восстановление и сохранение мира. Но в то же время Америка

беспощадна к врагам, этот мир нарушающим (“We will tear down the apparatus of terror”, “The United States of America will not permit the world’s most dangerous regimes to threaten us with the world’s most destructive weapons”). Посредством этого создается образ страны мирной, но в то же время сильной и готовой за этот мир постоять.

Таким образом, можно утверждать, что прием создания ассоциативного поля является одним из наиболее частотных и действенных в американских СМИ, причем большая часть примеров посвящена созданию негативного ассоциативного поля слов-стимулов «лидер Ирака» и «его политический режим». Очевидна манипулятивная функция данного приема – несмотря на агрессию в отношении Ирака, США и американская армия представляются как освободители, несущие мир и демократию измученному войной и тоталитарным режимом мирному населению Ирака. Америка только пытается защититься от угрозы, которую представляет собой Ирак, несмотря на отсутствие таковой со стороны последнего. Яркая образность, присутствующая в описании Саддама Хусейна и его режима, позволяет создать устойчивый негативный образ, оправдывающий любые действия США по отношению к этой стране.

Список литературы

1. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М. : Добросвет, 2009. 234 с.
2. Зирка, В. В. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект. Изд. 2-е. испр. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 256 с.
3. Остроушко, Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема // Мир русского слова. 2002. №5. С. 86–91.
4. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

List of literature

1. Danilova, A. A. Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoj informacii. M. : Dobrosvet, 2009. 234 s.
2. Zirka, V. V. Manipuljativnye igry v reklame: Lingvisticheskiy aspekt. Izd. 2-e. ispr. M. : LIBROKOM, 2010. 256 s.
3. Ostroushko, N. A. Rechevoe vozdejstvie kak lingvisticheskaja problema // Mir russkogo slova. 2002. №5. S. 86–91.
4. Mihaleva, O. L. Politicheskij diskurs: specifika manipuljativnogo vozdejstvija. M. : LIBROKOM, 2009. 256 s.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

BRINGING CULTURAL CONTENT AND AUTHENTIC MATERIALS TO ENHANCE PROBLEM-BASED LEARNING IN EFL CLASSES

Veneranda Hajrulla
(Vlore, Albania)

In a class where elements and filters of Problem-Based Learning are used, students are engaged in language learning through organized and purposeful activities with authentic materials and collaborative learning models. Research has shown that this approach is effective in raising student's motivation, enhancing their problem solving and critical thinking skills, and deepening their understanding of the subject contents. This paper aims to answer the questions of when and how authentic materials should be used in EFL classrooms, and how cultural content may be included in the curriculum. To address these questions, the paper is organized in two parts. In the first part, the definition of authentic materials is given. Then advantages and disadvantages of the use of authentic materials are discussed. In the second part, the definition of culture is given and then, why and how cultural content should be used is discussed. The use of authentic materials in an EFL classroom is what many teachers involved in foreign language teaching have discussed in recent years. We have heard persuasive voices insisting that the English presented in the classroom should be authentic, not produced for instructional purposes. Generally, what this means is materials which involve language naturally occurring as communication in native-speaker contexts of use, or rather those selected contexts where standard English is the norm: real newspaper reports, for example, real magazine articles, real advertisements, cooking recipes, horoscopes, etc. Most of the teachers throughout the world agree that authentic texts or materials are beneficial to the language learning process, especially when used within the PBL context, but what is less agreed is when authentic materials should be introduced and how they should be used in an EFL classroom.

Keywords: problem – based learning(PBL), authentic, cross-curricular teaching, cultural content, contextualization cues.

Introduction

The use of authentic materials in an EFL classroom is what many teachers involved in foreign language teaching have discussed in recent years. We have heard persuasive voices insisting that the English presented in the classroom should be authentic, not produced for instructional purposes. Generally, what this means is materials which involve language naturally occurring as communication in native-speaker contexts of use, or rather those selected contexts where standard English is the norm: real newspaper reports, for example, real magazine articles, real advertisements, cooking recipes, horoscopes, etc. Most of the teachers throughout the world agree that authentic texts or materials are beneficial to the language learning process, but what is less agreed is when authentic materials should be introduced and how they should be used in an EFL classroom.

1. Authentic Materials: Definition

The definitions of authentic materials are slightly different in literature. What is common in these definitions is 'exposure to real language and its use in its own community'. Rogers (1988) defines it as 'appropriate' and 'quality' in terms of goals, objectives, learner needs and interest and 'natural' in terms of real life and meaningful communication [p. 467]. Harmer (1991), cited in Matsuta [n.d., para. 1] defines authentic texts as materials which are designed for native speakers; they are real text; designed not for language students, but for the speakers of the language. Jordan [1997, p. 113] refers to authentic texts as texts that are not written for language teaching purposes. Authentic materials is significant since it increases students' motivation for learning, makes the learner be exposed to the 'real' language as discussed by Guariento & Morley [2001, p. 347]. The main advantages of using authentic materials are:

They provide exposure to real language.

They have a positive effect on learner motivation.

They provide authentic cultural information.

They support a more creative approach to teaching.

They relate more closely to learners' needs. [Philips and Shettlesworth 1978; Clarke 1989; Peacock 1997, cited in Richards, 2001]:

Authentic materials enable learners to interact with the real language and content rather than the form. Learners feel that they are learning a target language as it is used outside the classroom. Considering this, it may not be wrong to say that at any level authentic materials should be

used to complete the gap between the competency and performance of the language learners, which is a common problem among the foreign language speakers. Using authentic materials give them opportunities to different subjects and topics. In this way students feel motivated to learn and to speak in the target language. When a teacher introduces language-teaching materials, such as books or handouts, they must understand that these are viewed differently by students depending on their cultural views [Maley 1986:102–111]. By authentic materials we understand using films, songs, newspapers, brochures, magazines, photographs and other printed materials.

1.1. Disadvantages of Using Authentic Materials

Richards [2001, p. 253] points out that alongside with these advantages, authentic materials often contain difficult language, unneeded vocabulary items and complex language structures, which causes a burden for the teacher in lower-level classes. Martinez [2002] mentions that authentic materials may be too culturally biased and too many structures are mixed, causing lower levels have a hard time decoding the texts. There comes the question of when authentic materials should be introduced and used in a classroom; in other words, can we use authentic materials regardless of our students' level?

1.2. Using Authentic Materials: At Which Level?

Guariento & Morley [2001] claim that at post-intermediate level, the use of authentic materials is available for use in classroom. This might be attributed to the fact that at this level, most students master a wide range of vocabulary in the target language and all of the structures. They also note that at lower levels, the use of authentic materials may cause students to feel de-motivated and frustrated since they lack many lexical items and structures used in the target language. Matsuata [n.d.] states that the use of authentic materials is a burden for the instructors teaching beginning students as they have to spend a lot of time to prepare for authentic materials regarding the ability level of the students. Do all these mean we are not able to use authentic materials in lower-level classes apart from post-intermediate and advanced levels? According to the findings of the survey carried out by Chavez [1998], learners enjoy dealing with authentic materials since they enable them to interact with the real language and its use. Also they do not consider authentic situations or materials innately difficult. However, learners state that they need

pedagogical support especially in listening situations and when reading literary texts such as the provision of a full range of cues (auditory and visual including written language).

1.3. What Can be Done to Overcome Difficulties We Face?

We may conclude that learners feel better with authentic materials helping them involve in the 'real' language as long as we, as teachers, provide them with pedagogical support. In order to achieve this, we have a wide range of choices. Martinez [2002] suggests that teachers may use authentic materials for the learners to listen for the gist of the information presented and also he adds that by using authentic materials teachers will have the opportunity to encourage students to read for pleasure especially certain topics of their interest. Matsuta [n.d.] claims that using audio-visual materials aiding students' comprehension is beneficial since it will prevent students especially beginning ones from being frustrated about authentic materials. Materials such as popular and traditional songs will help us to create a non-threatening environment. Guariento & Moley [2001] suggest that authentic materials should be used in accordance with students' ability and adds that suitable tasks can be given to learners in which total understanding is not important. According to Jordan [1997], in the earlier stages, non-authentic materials can be used, but stresses that upon students' dealing with materials from their own subject area, authentic materials should be introduced.

2. Cultural education & authentic materials.

There are several components that can help us incorporate culture into our classrooms. Apart from strategies, materials have their own importance. Selection of materials based on students' linguistic level helps many different age groups to tackle various issues. Many students like discussions because they feel motivated. These discussions are cultural and educational. For classes where students and teachers come from the same culture, the situation is more difficult and they must rely on the teacher and his knowledge to understand the language and culture that this or that teacher is teaching to them. [Larsen.D.1986]. so in other words it means that when the English teacher teaches foreign languages to his students he teaches them not only knowledge but also culture. So a good teacher should not only be competent, but he/she also must be intelligent and communicative above all. Using authentic materials in this case plays

a major role. Authentic materials should be adapted to fit language level and needs of the students.

2.1. Why Should We Use Cultural Content?

As all we know, knowing a language goes beyond the knowledge of grammatical rules, vocabulary items and pronunciation of these items. Successful language learning requires language users to know that culture underlying language in order to get the meaning across. Also, Tseng [2002] suggests that culture effects changes in individual perception and is vital for expanding an individual's perspective of the world. According to Stuart and Nocon [1996], learning about the lived culture of actual target language speakers as well as about one's own culture requires tools that assist language learners in negotiating meaning and understanding the communicative and cultural texts in which linguistic codes are used" [p. 432]. Also, Shanahan [1997, p. 168] states that cultural content provides exposure to living language that a foreign language student lacks. So, culture is not something consisting of facts to be learnt, but a helpful tool to make learners feel the need to speak and use the target language.

3. Cultural Content

Changes in linguistic and learning theory suggest that culture can be used as an important element in language classrooms, but many students say that they do not want to learn about the culture of the target language. This might be because of the fear of assimilation into what they perceived as something strange to them. Also, misrepresenting cultures by reinforcing popular stereotypes and constructing these cultures as monolithic, static 'Others', rather than as dynamic, fluid entities might result in failure in making cultural content an effective element in language learning and teaching [Guest, 2002]. I believe that cultural content is a key to effective teaching and learning a language provided that problems arising from introducing culture into EFL classroom are dealt with effectively and teaching strategies and learning materials are chosen appropriately.

How Can We Deal with Problems?

Today, English teachers have a lot of choices in terms of textbooks, and it is surprising that many of them rely on uninteresting textbooks that focus students' attention on grammatical structures, and on practice in isolation. Also, the activities chosen are based on teacher-talk and stu-

dent-listen routines as suggested by Cheung [2001]. These practices are unlikely to lead students to develop a genuine interest in learning English. Students lacking motivation to learn a language need variety and excitement. We should help them to notice that learning a language is not just learning its grammatical rules, vocabulary items and so on.

The reason for the use of cultural content in classroom is that it will foster learner motivation [McKay, 2000, p. 7]. She, like many other experts, believes that there should be a variety of culture in the materials and not only an overload of western culture in ELT classrooms. Besides, learning about a culture does not mean accepting that culture. If the role of the culture in the materials is just to create learner interest towards contents and thus towards language, that is highly desirable. But overuse of cultural material in the language classrooms will constitute problems not for students but also for the teachers and decrease the motivation. McKay identifies three types of cultural materials: target culture materials, learners' own culture materials and international target culture materials. For her, the best one is international target language materials, which supposedly covers a variety of knowledge from different cultures all over the world using the target language [McKay, pp. 9-10]. That will most probably increase the learners' interest rather than imposing only one culture all the time and prevent learners from having the fear of assimilation into a specific culture, and help them respect other people's cultures. Students' own culture should be discussed together with target culture. In other words, home and target culture should be integrated. Robinson (as cited in Stuart and Nocon, [1996, p. 435] refers to this integration as 'Color Purple'. According to Stuart and Nocon, this synthesis is created when one becomes aware of one's own cultural lens (e.g. blue) through the recognition that a person from another culture has a different lens (e.g. red). Neither person can escape his or her own cultural lens, but each can choose to overlap lenses (e.g. purple) in order to understand better the other's perspectives and arrive at shared meaning. While using cultural content in classrooms, teachers should keep in mind that English is an international language, and culture is an aid to motivate our students rather than something to be taught. The development of competences is interchanged with the development of cultural awareness. It's up to the teacher to provide activities that enhance culture and communication abilities as well. Treating different issues from the simple to more complex ones is a great opportunity to talk, to interact, to exchange experience and experience something new. High levels of the Albanian language struc-

tures help our students to understand the structure of foreign language; it depends on the way teachers teach and the methods used. Learning the language through Communication, offers the opportunity to speak.

3.1. How Can We Introduce Cultural Content in Our Classrooms?

There are a lot of activities we can use in our classrooms in order to create interest towards the target language by using cultural content. The key point is that we should create a relaxing environment where our students can discuss their own culture together with the target culture in meaningful and communicative tasks and activities. This will ensure that students are doing something with a purpose in their mind.

(Experience)

By teaching British Cultural Studies in our classes we treat British culture, but also Albanian culture allowing students to share opinions, discuss about different topics, making comparison, essays on the topics .The topics vary from customs and traditions, food, songs, anthems to architecture, writers and traditional weird contest. In this way, they develop critical thinking, increase knowledge and develop not only problem solving skills, but also speaking and writing skills in English, they exchange culture, and make distinctions. Apart from the text occasionally I (teachers) bring English language journals containing issues related to the developed topics , books or paintings, films or photographs that are original, or authentic language tapes that talk about different issues on history, literature and architecture. Students are also free to bring additional materials concerning the topic by both Albanian and English resources.

When discussing different topics students do not merely confine themselves to English language and culture but they make comparisons between English and Albanian culture as well, in this way they appreciate culture more, feel motivated to speak ,discuss and interact with each other. In this way they develop linguistic skills, communicative and cultural competence as well. The choice of the text helps in this context a lot. As an example is the text of British Cultural Studies for English Students (Level B2): “*A Miscenally of Britain, People, Places, History, Culture, Customs, Sport.*” In doing activities concerning the topics of the textbook, student’s awareness is increased, their curiosity developed towards the target language, thus, helping them to make comparisons between cultures, in our case, Albanian and English one. In this way they estimate, define and understand the stereotypes. Moreover, teachers can

also invite guest speakers, who will talk about their experiences making them appreciate culture of the foreign country. In this way, it becomes easier for teachers and students to identify “stereotypes” and before doing this making full understanding of the meaning of this word. Underlying significance of a particular term or word in the target language and culture. Speaking about different topics and trying to find similarities and differences is funny for them. Culture can be brought in the classroom by making comparisons between the target language and the native language. Let’s have a look of how the two cultures are treated together.

The text, used in British Cultural Studies is:

*“A Miscenally of britain, People,Places,History,Culture,Customs,Sp
ort.”*

*** Training task 1.(e.g.) superstitions about good and bad luck in
respective languages.**

English

black cat(good luck)

Albanian

to see a black cat in Albanian brings(bad luck)

or other problem scenarios practiced:

- *Highlight the differences of British architecture to Albanian ones.*
 - *Highlight the differences and the importance of Tea to British class-
es.*
 - *Highlight the differences of British patron saints to Albanian ones.*
 - Essays are a very good means of developing critical thinking, in-
crease knowledge and develop skills of thinking and writing in English.
- As an example essay given to students:

*“Cultural diversity of Britain and Albania. The importance and devel-
opment through the centuries, portraitsation and preservation of “Cul-
ture”, (300 words)*

3.2. * Training task 2. (Practice)

The Problem-Based Learning Process

In problem-based learning classrooms, the roles and responsibilities of both teachers and learners are different from those in more traditional types of school-based learning. Generally, in problem-based classrooms, the teacher acts as a coach for or facilitator of activities that students carry out themselves. The teacher does not simply present information or directly control the progression of work. Instead, the teacher provides students with

appropriate problems to work on, assists them in identifying and accessing the materials and equipment necessary to solve the problems, gives necessary feedback and support during the problem-solving process, and evaluates students' participation and products, with the goal of helping them develop their problem-solving as well as their language and literacy skills. This process generally includes four main steps, which are illustrated in this training task experience, (1) *being introduced to the problem*, (2) *exploring what they do and do not know about the problem*, (3) *generating possible solutions to the problem*, (4) *considering the consequences of each solution and selecting the most viable solution*.

Considerations for Teachers

The teacher's role in problem-based learning moves from preteaching through assessing students' performance throughout the project, and includes the following steps:

1. Pre teach
2. Introduce the Problem and the Language Needed to Work on It
3. Observe and Support
4. Follow Up and Assess Progress

Teachers might survey students for their ideas on problems or conflicts that they face, or have faced, in their daily lives or that they are aware of in their community. Below is a problem that students at the high-beginning or above levels might work on. Although it is teacher created, it mirrors the problems many adult learners face while learning English. Teachers should group students carefully to increase their language learning opportunities in a problem-based activity. In a multilevel class, problem-based learning provides an opportunity to have students of different proficiency levels work together. If possible, teachers should group students from different language backgrounds together to guarantee that students communicate in the target language. Teachers should make available a variety of resources to help students work on the given problem. When providing students with resources, teachers should make sure the students understand how to use them and how these resources may help in finding a solution to the problem. If asked, the teacher may provide linguistic or technical help to a group but should avoid directing the group's efforts or in any way controlling their activities to solve the problem.

Stage one: (1) Meeting the problem: *The problem scenario to be solved : define the contrasts and see the difference between /digital culture / and / network culture.* When language learners were first asked

to state what they knew about digital culture and network culture, they found it difficult to interpret, they mixed the cues together and at some point the discussion was “frozen”.

Stage two: (2) Facilitating the context by providing the necessary vocabulary : A short dialog on the tape containing the following words was provided to them:

(heavy CRT monitor, Smart phones such as the Blackberry, Google G1, and the I Phone, I Pod, and Mars rover are the same device, minor exceptions, the laptop, smart phone, cable TV set top box, game console, wireless router, distributing audio, video, Internet, voice, text chat etc.....)

* The words in italics are all contextualization cues, helping to distinguish between the two types of culture.

Stage three: (3) Observe and support by generating possible solutions to the problem:

With the teacher’s help and through a Venn Diagram, all the contextualization cues were put to the proper circle, students understood that through the use of contextualization cues, speakers and hearers can convey to each other what their expectations are, with respect to the communication they are engaged in. It is suggested that teachers carefully consider why English language learners are experiencing difficulties in learning English. These students have different constructive processes from their first language learning experiences. So it is recommended to teachers, to accommodate teaching instruction effectively for English language learners and to interact with their colleagues for enhancing their cultural sensitivity.

Stage four: (4) Follow Up and Assess Progress:

Teachers need to provide language-appropriate opportunities for students to share the results of their work and follow-up language activities that build on that work. Depending on the proficiency levels of the students, sharing their results could include oral presentations or debates (*with intermediate or advanced students*), completing simple questionnaires about the process (*with intermediate or high beginners*), or creating posters that graphically display the steps taken in finding a solution to the problem (*with beginners*). Follow-up activities should be based on the teacher’s observations and notes taken during the problem-solving process. While students are working to solve the problem, teachers should try to observe whether students are experiencing difficulties with particular grammar points, pronunciation, vocabulary, reading strategies (e.g.,

skimming for information), or pragmatic structures (e.g., telephone greetings, requesting information, thanking). These difficulties should provide the starting points for supplemental, focused instruction and support. Finally, assessment should be carried out. Most standard EFL activities can be easily adapted for use in the culture classroom. Web resources are also useful. Activities should be chosen according to the language level of our students. This requires the language patterns being put into practice in real life situations. Since learning about a culture is not accepting it and the role of the culture in the materials is just to create learner interest towards the target language, there should be a variety of culture in the materials, not a specific one.

3.3. Sources and Techniques for Cultural Content

Today, with the help of technological developments, we have access to many sources easily and quickly. Almost all the printed materials are on the Internet in electronic forms and we can easily search anything anytime. As a result, we do not lack cultural content to use in our classrooms. Cullen and Sato [2000] suggest practical techniques and a wide range of sources for teaching culture in the EFL classroom using three different parameters, namely, information sources, activity-types and selling-points and also Kodotchigova [2002] discusses the role of role-play in teaching culture for classroom suggesting quick steps for classroom implementation. Jordan [1997, p. 105] lists sources of cultural information:

Newspapers: these are a good source of cultural information: local papers will give more of a flavour of everyday life in towns.

Video: a number of published ELT video tapes are a good visual source of cultural information. (Today, we have CD/DVD versions of these video tapes, which provide us with better quality.)

Talks/discussions: some topics may be suitable for giving information to students in a plenary session.

Role play/dramatizations: these can be used to initiate discussion and introspection.

Culture quizzes/tests.

4. Practical Activities and strategies for teaching culture in EFL classes.

As I mentioned above in our classes' students are allowed to search and to bring materials for different topics. Seminars are organized in-group work, and projects are another way of reaching an effective teach-

ing and learning. Group works are very good because they lead students in interaction. An interaction between students should be facilitated by using strategies such as learning in cooperation [Lindholm K. J.1990: 91-105]. Interaction brings communication, which consequently brings exchange of ideas, thoughts and meanings. *Some activities and techniques used and experienced with advanced levels of EFL students in Vlora University are:*

Games

Simulations

Role Play

Reading activities

Listening activities

Writing activities

Discussion activities

Project work

Group work

Proverbs and phrase logical phrases

- Games are very good and can be applied to A1, A2 levels.

- Role Plays are very good because students can act out the problems of communication based on cultural differences (in our case Albanian and English one example the shake of head, the gesture leads up to miscommunication, or a pat on the shoulder. Comparing English gesture to Albanian ones they mean the contrary).

- Poster-sessions or longer projects. For some students, it can even lead to a long-term interest in the target-culture. Example; The role of women in society, comparing women in Albania and the role of women in Britain.

- Proverbs and idioms in the target language help students to focus on how they differ from or are similar to the native language.

- Video: a number of published ELT video tapes are a good visual source of cultural information. (Today, we have CD/DVD versions of these video tapes, which provide us with better quality.)

-Discussion activities are made in class by dividing students in groups.

Conclusion

Language and culture are incorporated into each other. Studying English leads students in understanding linguistic skills and developing cultural awareness. It is the role of the teacher to help students distinguish between stereotypes, beliefs, attitudes, and cultural norms. Understand-

ing culture resolves the problem of communication. The development of competences is interchanged with the development of cultural awareness. It's up to the teacher to provide activities that enhance culture and communication abilities as well.

Treating different themes help and give them a great opportunity to talk, to interact, to exchange experience and experience something new. A major place should be given to authentic materials to expose students to real language they help enhancing culture. Another important role is played by activities and different techniques to help students overcome the difficulties of enhancing culture. Comparing cultures does not mean changing their way of life and belief but helps them understand English language better. Culture is and should remain an integral part in the long process of foreign language learning. The teacher plays the main role but he/she must serve as adviser, students should feel free to bring materials, information for whatever they want. If we have exchange of ideas and thoughts everything will go smoothly and our teaching process will fulfill and will go beyond the needs of our students.

References

1. Straub, H. [1999]. Designing a Cross-Cultural Course. *English Forum*, vol. 37: 3, July-September, 1999.
2. Chavez, M. [1988]. Learner's perspectives on authenticity. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 36[4], 277ff.
3. Cheung, C. [2001]. The use of popular culture as a stimulus to motivate secondary students' English learning in Hong Kong. *ELT Journal*, 55[1], 55-61.
4. Cullen, B., & Sato, K. [2000]. Practical techniques for teaching culture in the EFL classroom. *The Internet TESL Journal*, 6[12]. Retrieved July 11, 2004. URL : <http://iteslj.org/Techniques/Cullen-Culture.html>
5. Guariento, W. & Morley, J. [2001]. Text and task authenticity in the EFL classroom. *ELT Journal* 55[4], 347-353.
6. Guest, M. [2002]. A critical 'checkbook' for culture teaching and learning. *ELT Journal*, 56[2], 154-161.
7. Kramsch, C. [2009]. *Language and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
8. Kramsch, C. [1993]. *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.

9. Larsen Freeman Diane [1986]. *Techniques and Principles in Language Teaching*. Oxford. Oxford University press. [131]
10. Richard, J.C. [2001]. *Curriculum development in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Maley A [1986] XANADU – ‘A miracle of rare device’: the teaching of English in China. In JM Valdes. *Culture bound: bridging the cultural gap in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, p102–111.
12. Byram. M. [1989]. *Cultural studies in foreign language education*. Clevedon: Multilingual Matters.
13. Jordan, R. R [1997]. *English for Academic Purposes: A Guide and Resource for Teachers*. Cambridge. Cambridge University Press.
14. Kodotchigova, M. A. [2002]. Role play in teaching culture: Six quick steps for classroom implementation. *The Internet TESL Journal*, 8[7].
15. Retrieved July 11, 2004. URL : <http://iteslj.org/Techniques/Kodotchigova-RolePlay.html>
16. Martinez, A. [2002]. Authentic materials: An overview. *Karen’s Linguistic Issues*. Retrieved November 20, 2003 from <http://www3.telus.net/linguisticsissues/authenticmaterials.html>

**LANGUAGE USED FOR COMMUNICATING MESSAGES
IN PR AND ADVERTISING**

Miranda Ostrosi
(Tirana, Albania)

The main aim of this paper is to throw light on how language is used along other mass media instruments to communicate messages in the PR and Advertising world nowadays. It gives a brief overview of various contributions and use of language definitions part of contemporary discussions, by highlighting the connection that exist between PR, advertising and language. The influence they have on one another has been as well elaborated to show how advertisements changed the concept of the language usage occasionally and become part of our lives by bringing together pieces of history, language and culture.

Keywords: advertising, communicating messages, language, PR.

1. Introduction

PR and Advertising are becoming the source of life for the mass media and they are directly influencing our language nowadays. Media can not function without the PR and mainly advertisements, but in the same way PR and advertisements can not really function without media. In the course of history advertisements have been the travellers who have brought pieces of language and culture and spread it worldwide. Nobody can point to the “first” advertisement, since forms of marketing have existed since ancient times. What we try to introduce in this work is the interaction between language, PR and advertisements, as well as the influences they have on each other.

In the process of communication there is a message to be sent to the people and all we have to do is to utter it, while in PR and advertising the whole purpose of the message is to affect the way the viewers think and act, more concretely to persuade them. When we see an ad that doesn't appeal to us, it may be because the ad is not aimed at any of the groups we belong to. If we look at the specific case of Mc Donald's idea to attract the youngest audience “the children”, we all know how hard or difficult it becomes to say no to your kid who is insisting on having an afternoon on the games shopping mall in your area. He was the target and he was

successfully reached. There has actually been a long way before reaching to the target. The people who created this advertisement studied for a long time the favourite words and collocations of the children.

Advertisements are closely related to the linguistic features of the language and these features are in general very popular due to the purpose of the advertisement itself. The language slowly evolved with the advertisement. In the past we used to have only some slogans, a whole poem or a statement that brought the essence of the product, but nowadays we see as banner and billboard advertising are diminishing the usage of language.

2. Features and structures of advertising language.

2.1. Features

While trying to look at some typical features of advertising language in general, one should not be surprised to find out that in many advertisements these language features may appear to be largely absent. Advertisements which do not use traditional features to inform, attract and persuade may be generally described as being unconventional one.

Taking into consideration the above, we can easily identify some of these unconventional features:

- *Hyperbole* or exaggeration can be one. It is often achieved by the use of adjectives and adverbs. A limited range of evaluative adjectives includes fresh, clean, new, white, real, great, soft, right, big, natural, slim, wholesome, improved.

- *Neologisms* are another feature which may have novelty impact, e.g. Beanz Meanz Heinz, Cookability, Tangoed, Wonderfuel. Long noun phrases characterized by the frequent use of pre and post modifiers for descriptions.

- *Short sentences* are another feature which is used to create impact on the reader. This impact is especially clear at the beginning of a text, often using bold or large type for the “Headline” or “slogan” to capture the attention of the reader.

- *Ambiguity* is also common for the only reason that this may make a phrase memorable and re-readable. At the very first moment that we read an ambiguous phrase we tend to focus more on that.

- Other words which come to be often used are the *Weasel* words. These are words which suggest a meaning without actually being specific. One type of the Weasel words are the open comparative: “Brown’s Boots Are Better” (posing the question “better than what”); another type is the

bogus superlative: “Brown’s Boots are Best” (posing the question “related alongside what”; Use of Imperatives: “Buy Brown’s Boots Now! “Euphemisms: “Clean Round the Bend” for a toilet cleaner avoids comment on “unpleasant” things. The classic example is “B.O” for “body odour”

- *Avoidance of negatives* (advertising normally doesn’t make use of the negative, thus emphasizing the positive aspect of a product - though see Marmite, Tango, Benetton, for whom it seems that all publicity is good)

- *Simple and Colloquial language*, used to attract and appeal to ordinary people, though it is in fact quite complex and as a result ambiguous. “It ain’t half good”. Familiar language is another feature of the language of the advertisements. Here we can mention the use of second person pronouns so as to address an audience and suggest a friendly attitude toward everyone.

- *Present tense* is most commonly used, though nostalgia is expressed by the simple Past Simple.

- Vocabulary is most common, with the exception of technical vocabulary to emphasize the scientific aspects of a product which often comes as a complex noun phrase, i.e. “the new four wheel servo-assisted disc brakes”. What’s worth mentioning here is the *repetition* of the brand name and the slogan, both of which are usually memorable by virtue of alliteration, “finger of fudge”, “the best four by four by far”; *rhyme*, “mean machine”, “the cleanest clean it’s ever been”; *rhythm*, “drinka pinta milka day”; *syntactic parallelism*, “stay dry”, “stay happy”; or *association*, “fresh as a mountain stream”.

- *Humour* - Everyone needs a little humour in their hectic lives and more often than before, advertiser try to inject some fun into their advertisements. Injecting humour into their advertisements does not mean that the ads are better than others. However, the smart play on words and careful consideration of the ad’s objectives, target audience and market standards, humour can help the advertisement increase effectiveness and widen its receptiveness. When using humour as a creative strategy, advertising firms agree that it increases audience attention, at least on the first few exposures to this form of persuasive communication.

- *Glamorization* is probably the most common technique of all. By glamorizing things, in advertising everything is not what it seems. Things are treated as they are unique, as owing unique features, features which are hardly to be found in other things or objects. Under glamorization “Old” houses become charming, they become unique. “Small” houses

become compact, bijou, or manageable. Houses on a busy road become convenient for transport. A café with a pavement table becomes a trattoria, moving up market aspires to be a restaurant, too cramped it becomes a bistro. Not enough room to serve it becomes a fast food server.

Finally there are some words which mirror potency and values, novelty and immediacy to a piece of copy. These words are *free, now, suddenly, it's here, improvement, amazing, announcing, quick, challenge, miracle, easy, revolutionary, magic, sensational, important development, offer, wanted, compare, startling, introducing*¹.

2.2. Structures

Clipping/abbreviation - An abbreviated word or phrase is eventually accepted as a word in its own right. The word flu for instance is heard far more often than influenza, prams more than perambulators, and bus more than omnibus. In order to acknowledge the clippings, the words 'bus and 'phone were sometimes associated by an apostrophe. Other clippings are gym, bike, advertisement, and more recently, blog (1999 from web blog). Clipping phrases or compounds can result in grammatical conversion/structural shift. The adjectives floppy and mobile have become nouns as a result of floppy disc and mobile phone being clipped.

Acronyms - An acronym is a word whose letters are the first letters of other words. People often create a short word that means the same thing as a much longer phrase (set of words), to make it faster and shorter to say the long phrase. An abbreviated word must be pronounced as a word rather than just a list of letters. They are usually capitalized at first but some later appear as ordinary words in lower case. Technological examples include SCUBA (Self-Contained Underwater Breathing Apparatus, 1952) and LASER (Light Amplification by the Stimulated Emission of Radiation, 1960), Radar (Radar-Radio Detecting And Ranging). There are many acronyms as regards organizations' names: OSCE, BE, NATO, etc.

Initialisms - An initialism is a word made from the first letters of each word in a phrase. Unlike acronyms, initialisms cannot be spoken as words: they are pronounced letter by letter. The VCR (Video Cassette recorder) has become obsolete since the introduction of DVDs (Digital Versatile Disc) but these too are under threat as viewers record programmes onto the hard disk of their PVR (personal video recorder). As well as technology (html), initialisms are used for organizations (BBC). They save space in advertisements (fsh = full service history; wltm (would like to

¹ www.putlearningfirst.com/language/1

meet; gsoh = good sense of humour) and electronic communications (asl, imho). I can include more examples such as LOL (Laugh Out Loud), BRB (Be Right Back), J W (Just wondering), etc.

Affixation - Affixes, word elements attached to words, may either precede, as prefixes (do, undo; way, subway) or follow, as suffixes (do, doer; way, wayward). They may be native (overdo, waywardness), Greek (hyperbole, thesis), or Latin (supersede, pediment). Modern technologists greatly favour the neo-Hellenic prefixes macro “long, large,” micro “small,” para “alongside,” poly “many,” and the Latin mini “small,” with its antonym maxi². The Internet era has popularized cyber “of computers or computer networks” and mega “vast.” An affix a morpheme that is attached to a word stem to form a new word. Affixes may be derivational, like English-ness and pre-, or they may be either inflectional, like English plural-s and past tense – ed. They are bound morphemes by definition; prefixes and suffixes may be separable affixes. Other common affixes include post-, inter-, mega- and -ism. The abbreviation of electronic mail to email in the 1980s led to the formation of words like e-journal, e-dollar, e-ticket, e-tailer and e-commerce in the following decade.

Back Formation - Based on analogy, backformation, also called clipping, is a word formation process that shifts a word’s function from one category to another³. Which means it’s a functional shift: by clipping off a word’s suffix, the word’s function changes. If we take, for instance, the noun television and the verb televise, which entered into English when the Television was invented. First, the noun television was coined (from tele-, a prefix meaning at a distance, + vision, meaning to see), and then the suffix -ion was clipped off, giving a new word, the verb televise. With backformations, specifically verbs, the verb is created from the noun, which is the opposite of what we expect. Generally, -ion is added to verbs to create nouns, and not the other way around. So when we see, say, the word television, we automatically assume that it is made from the verb televise + ion, but in fact it’s not. It’s the other way around which means that the verb televise is made from the noun television. One has to know the history of the English language or has to invest in a dictionary that lists backformations in order to have the ability to tell if a given word is a backformation.

² <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/188048/English-language/74803/Affixation>

³ <http://www.usingenglish.com/forum/ask-teacher/8909-back-formation-english.html>

Compounding - Compounding is the process of forming new words by joining two existing ones together.⁴ The resulting compound may in this way, start life as a phrase, with a gap between the two words, before going through a hyphenated stage and finally being written as single word. Depending on the size of your computer, it may be a desk-top, a lap-top or a palmtop.

Blends – A blend is a word formed from parts of two or more other words. These parts are sometimes, but not always, morphemes. Blends deal with the action of abridging and then combining various lexemes in order to form a new word. However, more complicated and more difficult is the process of defining which words are true blends and which are not. The difficulty comes in determining which parts of a new word are “recoverable” (its root can be distinguished). There are many types of blends, based on the way they are formed. Most blends are formed when the beginning of one word is added to the end of the other. For instance, the word *brunch* is a blend of *breakfast* and *lunch*, the word *simulcast* is a blend of *simultaneous* and *broadcast*, *smog* is a blend of *smoke* and *fog*. Blends are also formed when the beginnings of two words are combined. For instance, *cyborg* is a blend of *cybernetic* and *organism*. Two words are blended even around a common sequence of sounds. For instance, the word *motel* is a blend of *motor* and *hotel*, *lupper* from *lunch* and *supper*, *brunch* from *breakfast* and *lunch*. Multiple sounds from two component words are blended, while mostly preserving the sounds’ order.

Eponyms - An eponym is the name of a person or thing, whether real or fictitious, after which a particular place, tribe, era, discovery, or other item is named or thought to be named⁵. An individual who is referred to as eponymous is someone who gives his or her name to something. Another term for eponym is name giver. In contemporary English, the term self-titled is often used to mean eponymous in the case of a work with the same name as the person or persons who created it. Because proper nouns are capitalized in English, the usual default for eponyms is to capitalize the eponymous part of a term. The common-noun part is not capitalized. For example, in Parkinson disease (named after James Parkinson), Parkinson is capitalized, but disease is not. However, some eponymous adjectives are nowadays entered in many dictionaries as lowercase when they have evolved a common status, no longer deriving their meaning from the proper-noun origin. For instance, *Herculean* when referring to

⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Compound_%28linguistics%29

⁵ <http://www.memidex.com/eponyms>

Hercules himself, but often *herculean* when referring to the figurative, generalized extension sense; and quixotic and diesel engine (lowercase only). American and British English spelling differences can occasionally apply to eponyms. For example, American style would typically be *cesar-section*, whereas British style would typically be *caesarean section*.

Conversion - Conversion is the derivational process whereby an item changes its word-class without the addition of an affix⁶. Thus, when the noun 'sign' (1) shifts to the verb 'sign(ed)' (2) without any change in the word form we can say this is a case of conversion. However, it does not mean that this process takes place in all the cases of homophones [Marchand 1972:225].⁷ Sometimes, the connection has to do with coincidences or old etymological ties that have been lost. For instance, 'mind' (3 and 4) and 'matter' (5 and 6) are cases of this grammatical sameness without connection by conversion—the verbs have nothing to do today with their respective noun forms in terms of semantics (ibid:243). Conversion is particularly common in English because the basic form of nouns and verbs is identical in many cases [Aitchison 1989:160]⁸. According to Cannon, despite the undetermined position in grammar, some scholars assert that conversion will become even more active in the future because it is a very easy way to create new words in English [Cannon 1985: 415]⁹.

Advertising language, together with other types of languages, such as journalism or religious oratory, can be classified under the heading of discourse of persuasion. In fact it is this characteristic which will permit us to distinguish them sharply from ordinary conversation. Nevertheless, because of its very specific goal to change the consumer's mind and attitude towards the product on offer, advertising can be regarded as a separate member within the category of discourse of persuasion. Advertisers use various methods to achieve this goal, but the one I would like to concentrate on is that of lexical ambiguity. This type of ambiguity depends on the several possible readings of a single word. To influence people you have never met, to convince them to do what you 'want them to do' requires "magic", and in order to get attention, to influence and to motivate readers to buy their goods and services, writers of advertising copy for print media use the magic of language. This is especially true for brief

⁶ Randolph Quirk, Geoffrey Leech and Sydney Greenbaum, *A Comprehensive Grammar of the English Language*. 1987, p. 441

⁷ <http://www.bokorlang.com/journal/31conversion.htm#1>

⁸ <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Secondary-conversion>.

⁹ *ibid*

linguistic encounters, as the quickly passing pages of a magazine rarely allow for lengthy dwelling on a given page on point.

4. Advertising language: a “normal language” or “breaking the rules of normal language.”

In order to have an answer for these questions, we must first have to know what is meant by “normal language”. The English language has evolved to have many different kinds of functionality, where each of these functions correspond to different styles of use and to different situations. From the analytical view point, it seems to make most sense that “normal language” includes the variety of styles of English that mature speakers and readers use. If we make or undertake different studies or if we have a look around in literature on advertising, or if we navigate on Internet, it is not unusual to find claims that advertising breaks the rules of normal language and language use. However, from the perspective of a professional linguist, few of these claims seem to be really supportable. Not only the linguists but the people as well find different reasons to pay close attention to the way language is actually used in its speech community, for a wide range of communicative functions. Like many aspects of human being and human behaviour, our unconscious knowledge of language is much greater than our conscious knowledge of it, so the facts about language that are immediately accessible to the average person only cover part of what the language is and how it is used. The language of advertising is, very positive and emphasizes why one product stands out in comparison to another. Advertising language may not always be “correct”. For example, comparatives are often used when no real comparison is made.

Language has a powerful influence over people and over their behaviour as well. This is true especially in the fields of advertising and marketing. The choice of language so as to convey specific messages with the intention of influencing people is vitally important. The advertising visual content and design have a huge impact on the consumer, but in fact it is the language which really helps people to identify a product and remember it.

The English language is known for its extensive vocabulary. There are languages which have may have one or only two words which carry a particular meaning, the case of the English language vocabulary, we may have five or six. Furthermore, the meanings of these five or six words may differ very slightly and in a very subtle way. What is important is to un-

derstand the connotation of a word. Connotation is the additional idea or emotion that a word suggests to you, that is not part of its usual meaning. The example that I can give here is the word “armchair” which suggests comfort, whereas chair arouses no particular feelings. Actually it is the audience, which puts its own meaning into certain words. People interpret language in various ways. When the mass media reports news items, the marketing and advertising personnel have to consider the emotive power of the words they use. First of all, they make a decision about what to communicate and what to withhold. This is a very important step as it is the choice of the words which is decisive.

Taking compound words and using them as adjectives is a way in which advertisers adapt language to their own use. Gradually, these compounds often become widely used in normal situations. Examples of these compounds which have become part of the English language are: longer-lasting, top-quality, economy-size, feather-light, chocolate - flavoured. Above all, we know that the most important element is language because it is on the basis of language that we can bring about our thoughts or the perceptions we have about a certain concept. In the advertisement world the language reveals its real function, the function of delivering a message and persuading the man’s mind. This is the reason we cannot not divide the link between these two elements. This is like the connection between the computer and the individual, the computer is product of the individual, but both of them help to form a perfect whole which in this case is the message.

Advertising has always and still does attract business studies but it has recently provoked the interest of the language scholars because of its wide range of use in this direction and the results it brought us. In the course of time, new techniques have been evolved but on the basis of the language. If the language is good chosen the idea goes throw and beyond, the success is secure under the vest of the magnificent language¹⁰.

5. Conclusions

Language serves as the main link in the advertisement chain. A firm’s marketing activities are always aimed at a particular segment of the population and this is called the target market. Likewise, advertising is aimed at a particular group called the target audience. To be able to reach both the target market and the audience, language comes as the most powerful

¹⁰ Peter Sells and Sierra Gonzalez, *The Language of Advertising*, as checked in <http://www.stanford.edu/class/linguist34/index.htm>

tool alongside the mass media means. Language is the picture and counterpart of thoughts. The influence language has on PR and advertising can be the counterbalance they both have on changing and adopting certain language features and structures nowadays. We tried to elaborate how advertisements change the concept of the language usage occasionally and become part of our lives by bringing together pieces of history, technology, nature, language and culture. I personally believe that advertisements are part of the evolution if we see it from the diachronic point of view. We are on the way of building an international global language and advertisements are the main contribution in this direction.

References

1. Aitchison, J. 1989. *Words in the Mind-An Introduction to the Mental Lexicon*, Oxford: Basil Blackwell.
2. Cannon, G 1985. "Functional Shift in English." *Linguistics*. 23.
3. Marchand, H. 1972. *Studies in Syntax and Word-Formation*, München: Wilhem Fink.
4. Randolph Quirk, Geoffrey Leech and Sydney Greenbaum, *A Comprehensive Grammar of the English Language*. 1987.
5. <http://www.putlearningfirst.com/language/1>
6. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/188048/English-language/74803/Affixation>
7. <http://www.usingenglish.com/forum/ask-teacher/8909-back-formation-english.html>
8. http://en.wikipedia.org/wiki/Compound_%28linguistics%29
9. <http://www.memidex.com/eponyms>
10. <http://www.bokorlang.com/journal/31conversion.htm#1>
11. <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Secondary-conversion>.
12. <http://www.stanford.edu/class/linguist34/index.htm>

**WEB-LANGUAGE AND WORD-FORMATION PROCESSES ON
SLANG WORDS**

Zamira (Metaj) Alimemaj
(Vlore, Albania)

Slang is one of the vehicles through which languages change and become renewed, and its vigor and colour enrich daily speech. Slang appears at all times and in all languages. Especially nowadays, when new inventions have entered our lives, the speech of people is filled with new words and expressions which are not found in standard language but which are formed in different ways to form modern slang. Word formation is an essential part in forming slang words and slang words are considered as a new way of forming new words in a language. Web-language is a case of enriching the vocabulary with new words. This paper deals with the phenomenon of computer slang. Slang words are characterized by the fact that they are not coined as words belonging to the standard vocabulary of the language. They originate as terms of a special group and are considered to be both creative and stereotypical. Stereotypes presuppose using and reproducing different word building patterns, whereas creativity reveals itself in new form and meaning. There are different structure types of computer neologisms: abbreviations, acronyms, initials, signs and symbols.

Keywords: slang, word formation, web-language, language, inventions, computer slang

1. Introduction

Because of new inventions and changes, every language is in need of new words – borrowed, derived or otherwise formed – simply because new things need new words.. When new inventions and changes enter our lives, we are in the need of naming them and of course to communicate about them. Language is dynamic, it changes constantly. We use the words in our language and the words that are used by many speakers of a language enter the dictionary of that language.

Especially in the last centuries, because of the inventions made in technology many words are created to name these inventions The speech is filled with words and expressions not found in formal English which

makes it very expressive and colorful. We notice the presence of new words, and new uses for old words. There are language trends that come and go as time passes. There are old words with new meanings which are not found in formal language. These words are formed by using a variety of different methods such as abbreviations, compounding, derivation or coinage. These words are called slang words.

2. Innovation of slang

In a language, the rapid development of creating new words particularly slang words is taking an important part in informal communication. Many people like using slang words in their casual talk because they find it more comfortable to speak in such a way. Moreover, they find slang words as a way of enriching their vocabulary with new words, because slang is innovative. Slang is innovative because it enriches the standard language in various ways.

1. First, slang enriches the language with neologisms. It often forms new terms having an onomatopoeic colour, for example “blub” (to sob), “boak” (to vomit), etc.

It also coins new derogatory expressions, for example, for “an idiot person” we can use the slang words “bumbaclot”, “din-lo”, “pranny” etc. which may be perceived as less offensive because of their semantic obscurity. It finally coin new names to call drugs, for example: “ching” for cocaine, “ganja” for marijuana, “skag” for heroin.

2. Second, slang enriches the language with novel meanings. It is likely to establish new extra senses, most of which derive from figurative language: for example, diamond is something “wonderful”, “par excellence,” while poison is the metaphoric name for “alcohol”

3. Third, slang enriches the standard vocabulary with novel word-forms. It is much richer than standard language in terms of word-formation patterns, some of which are typical of slang, like the intrusion of an infix inside a word, for example:

-bally-, as in abso-bally-lutely (inserted in the middle of “absolutely”)

-fuckin-, as in de-fuckin-fence (inserted in the middle of “defence”)

3. Why do slang words occur in the language?

Some linguists regard slang as a result of the rapid growth of the new words that happens as a creative of expression by people to make more simplified words easy to be uttered. Due to rapid development of language, the occurrence of slang words is very frequent even in the field

of literary language. Slang expressions penetrate into public speeches, scientific language and break up the strict limits between literary and non-literary language. The spreading of slang also goes fast, especially among young people because of the influence of media.. The processes of transformation expand the vocabulary by derivation, compounding or in the processes of abbreviation. New words are formed and this process is called neologism. One characteristic of modern slang is that, in addition to new words and meanings, it has produced new grammatical relationships among words. Some new words today, and some old words with new meanings, don't behave much like any of the "parts of speech" (noun, verb, etc.) that ordinary grammar deals with.

4. Word-formation

A debatable question of slang is word-formation. Some slang formations are in fact grammatical and follow the rules of standard language. For instance, affixation, as the process of word-formation, is based on adding prefixes or suffixes to words. Slang uses affixes but, comparing to general vocabulary, with more freedom and slightly different meanings or grammatical consequences. There are different views expressed by linguists about slang words. One of the views is that accepted by C. Eble, who regards slang as *"an ever changing set of colloquial words and phrases that speakers use to establish or reinforce social identity or cohesiveness within a group or with a trend or fashion in society at large"* [C.Eble, 1996:11] The example of a typical prefix common in the use of English slang is mega- 'a great amount of' (from Greek megas 'great'). Combination of the prefix mega- with an ordinary word gives word stronger emphasis. Another prefix, which is typical for English slang words, is perma- a shortening of 'permanent'. Mc-prefix derived from McDonalds indicates something mass produced. The following are some examples of prefixes and suffixes used in slang word-formation:

4.1. Prefixation

mega-, megabitch, megawork, meganap, megaslow, megaparty
under-, in English the prefix "under" is used in nouns for clothing, e.g. undershorts, but in schoolboys' slang it is in denominal "underfug" (underpants)

4.2. Suffixation

Suffixation is a wider phenomenon than prefixation in English slang. Some slang suffixes behave regularly and attach to standard bases to form new words as in: chopper (chop (v) + er)

Other suffixes connote existing words adding nuance of humor, playfulness, etc., as in *bedder* (bedroom), *preggers* (pregnant)

The abstract suffix *-dom* was originally attached to nouns and adjectives to convey the sense of condition, state, but in slang formations this suffix shows either the condition, state, or domain, for example: *hippiedom* (the condition or the fact of being a hippie)

There is a wide range of suffixes used to build English slang words. The most productive in the English slang are *-er*, *-y*, *-age*, *-omatic*, *-orama*, *-aholic*,

-dom, *-er*, for example: *bummer* “depressing experience”, *doper* “that which is associated with marijuana smoking”, *crasher* “one who cannot tolerate alcohol”

-y: e. g. *trendy* “fashionable”, *dorky* “stupid”, *fratty* “fraternal”, *freaky* “crazy”, *groovy* “routine”, *lunchy* “about lunch”

-age: e.g. *foodage*, *studyage*, *scoopage*, *fundage*

-omatic: e.g. *cramomatic*, *dunkomatic*, *jamomatic*, *jogomatic*

-able, which is used to deverbal adjectives, for example, *fuckable* (slang to fuck “to copulate”).

-ette, which is used with personal substantives to denote female sex, as in *punkette* (“a female punk”, i.e. a person who enjoys listening to punk rock)

Like Standard English, it uses the verbal prefix *de-* to convey a sense of removal or deprivation to the base, as in *de-bag* (to remove a person’s trousers)

4.3. Shortening - acronyms, clipping, blending of slang words

In the process of shortening, so-called abbreviation, new words are created by shortening of existing words. The main aim of abbreviation is economy of language. “We distinguish three highly productive ways in which abbreviation is involved in English word-formation, giving us acronyms, clipping, and blends. Acronyms are aimed at initial letters of words which can be pronounced either as sequences of letters (also called *alphabetisms* or *initialisms*”⁸), e.g. *DOE* (Department of Education), *HSDP* (High School Diploma Program), or pronounced as words, e.g. *SNAG* (Sensitive New-Age Guy), *SNAFU* (Situation Normal All Fucked Up). Both of two above types of acronyms are common in the field of education. However, *alphabetisms* are used more frequently.

4.3.1. Use of acronyms

Names of institutions, e.g. *PTA* (Parent-Teacher Association), *HS* (High School), *BOE* (Board of Education), *DOEL* (Department of Eng-

lish Literature)

Names of subjects, e.g. PT (Physical Training), OEL (Old-English Literature), RE (Religious Education)

Names of subjects, tests: e.g. TOEFL (Test of English as a Foreign Language), SAT (Scholastic Aptitude Test)

4.3.2. Clipping

Clipping, in which new words are created by shortening of polysyllabic words, is a good example for terms of special group like school, e.g. exam(ination), math(ematics), lab(oratory), gym(nasium), varsity (university) originated in school slang.

4.3.3. Blends

“Blends are compounds in which enough of each component is retained so that new word is readily analysable. The second component in a blend has the same status as the second component in a compound.” (Hladký 1994:49) The final word looks like an overlap of two words, e.g. slanguage (slang + language), edutainment (education + entertainment).

Blends seem to occur less frequently in the school slang terminology, e.g. droned (drunk + stoned) ‘unaware because of alcohol and drugs’, homechop (homeboy/homegirl + lambchop) ‘endearing term for a close friend”

4.3.4. Inversion

The process of inversion including back-slang and spoonerisms seems to be proper of slang. A few illustrative examples are back-slang ecaf (face), riah (hair) and yob (boy), and the spoonerisms Betty Swollox (sweaty bol-locks), fitshaced (shitfaced) and wafy crank (crafty wank)

5. Web slang

Slang is for most part attributed to speech of young generation which is closely associated with modern trends in the way of its life, thinking, clothing, acting as well as speaking. Slang is considered as a one of the most important tools of students’ realisation, thus it contributes to all forms of their communication and it is highly represented in a written informal form of various web chats, discussions, e-mails or text messaging. Just as values of young people change rapidly and their way of living goes faster, their communication is adapted, as well. There is no doubt that slang expressions are those of no long persistency in the field of speaking but innovative, fresh and rapidly growing as a reflection of user’s way of living. Slang is represented in virtual communication enormously. Slang words are expressed by many acronyms,

lingos or symbols. Web communication has become a part of students' everyday life. Its role is to communicate rapidly, briefly, usually with a lot of slang words and no grammar rules. Therefore, it demands to be skilled and educated in various acronyms and symbols which help to make communication easier and quicker. Typical examples of web communications are writing e-mails or messages containing series of letters expressing the meaning in abbreviated forms, for example: rox (rocks), thanx (thanks), X-mas (Christmas); single letter might replace whole words as b (be), c (see) r (are), y (you); -ing form is in most cases replaced by shorten -in such as in words comin, eatin, havin, etc. Crystal sees texting as "just another variety of language, which has arisen as a result of a particular technology. It takes its place alongside the other mediums of electronic communication which have resulted from the internet revolution." [Crystal, 2008:164]

As the abbreviation of SMS prompts, the more needs to be written the shorter language has to be used. Thus, the user usually treats as much letter-saving quality as possible. Acronyms occur even in a shorter way than in e-mails. Like replaced letters and acronyms, using numbers, instead of some letters, is also frequently used while writing text messages. E.g. 4Y (for you), U2 (you too), Gr8 (great), Gt2gthr (get together), NE1 (anyone), rUf2t? (Are you free to talk?), Il b l8 cuz cR8 bin imfEd. (I'll be late because my car has been impounded.), fanC gOn clubn 2nite? (Fancy going clubbing tonight?)

Messages are linguistically and stylistically obvious and transparent for the users of such a communication so that the process is made quicker and clear. To successfully achieve this, it is necessary to be aware of all acronyms, symbols and abbreviations .

6. Conclusions

Word formation takes an important role in forming new words, including slang words. Slang does favour various grammatical means of forming new words. It is important to remember that slang is not bad grammar so there is no need to deprecate or discourage it. It sometimes contributes words to the general vocabulary.

Literature

1. Anderson, L-G. (1990) *Bad Language*. Oxford: Blackwell.
2. Bailey, R.W. (1982) *English as a World Language*, The University of Michigan Press, New York.

3. Barbulet, G. What is Slang, What Slang is Not
4. Burdova, V. Student Slang, Brno 2009
5. Claiborne, Robert (1983) Our Marvelous Native Tongue, Times Books, New York.
6. Crystal, David (1995) The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Dumas, Beverley K. and Lighter, Jonathan (1978) Is slang a word for linguists? American Speech
8. Eble, C. Slang and Sociability, The University of North Carolina, 1996
9. Mattiello, E. The Pervasiveness of Slang in Standard and Non-Standard English, www.ledonline.it
10. Juachoerin, The Grammar of Slang, www.BerkeleyHigh.org/features/slang/

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА ПРИЧИННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Н. Семенчина

В статье рассматривается структура концепта причинности в английском языке, который в языковой репрезентации характеризуется когнитивно-пропозициональной структурой, состоящей из позиций субъекта, предиката, причины, последствия, условия, цели.

Ключевые слова: концепт причинности, следствие, условие, цель, мотив.

Обращение к концепту причинности и его структуре обусловлено значимостью данного понятия, поскольку оно позволяет не только осознать связи между объективными сущностями реальной действительности, но и обнаружить причинно-следственные закономерности между событиями и явлениями окружающего мира. Проведенное исследование позволяет заключить, что, несмотря на тот факт, что причины и следствия привлекают внимание исследователей с самых древних времен, индивид всегда будет стремиться к познанию процессов бытия, их причинному обоснованию, так как только в этом случае он сможет найти логические объяснения процессам мироздания.

Анализ материала свидетельствует о том, что наиболее правомерно ограничить поле каузальности семантическими составляющими «причина», «следствие», «цель», «условие». Все остальные значения (стимул, мотив, основание, предпосылка и другие) являются производными и могут быть отнесены к периферии поля как переходные компоненты, способные к амбивалентной дистрибуции.

Таким образом, концепт причинности представляет собой неоднородную ментальную сущность, обладающую языковым выражением структурную единицу человеческого сознания, которая используется в процессе мышления, содержит в себе всю совокупность знаний (как коллективных, так и индивидуальных) людей о мире или об отдельном предмете, явлении действительности, а также отношение к ним людей и оценку, и обладает культурологической значимостью. В языковой репрезентации причинность характеризуется когнитив-

но-пропозициональной структурой, состоящей из позиций субъекта, предиката, причины, последствия, условия, цели.

Причинность как философская категория, как ментальная данность (концепт), актуализируемая языковыми экспонентами, представляет особый интерес в плане того, что ее содержательное поле не ограничивается традиционными константами, а именно причиной и следствием, а допускает контекстуальную вариативность и приращение смысла. Каждое из отношений обусловленности характеризуется особым семантическим признаком. Для условия этот признак – реализуемое/нереализуемое следствие, для цели – активность обуславливающей связи, гипотетическое следствие, для основания – аргументированный вывод о следствии. Например:

(1) *The theory is that a strong marriage means a happy lawyer, and a happy lawyer is a productive lawyer, so the bottom line is profits* [1. С. 32].

В анализируемой ситуации на основании теории устойчивого брака выводится аргументированный вывод о том, что поскольку юрист, у которого удачно складывается семейная жизнь, будет продуктивно работать, доходы фирмы значительно возрастут.

Рассмотрим следующий пример:

(2) *“So if my client is innocent, why charge murder?” I waited for just a second.*

“For fame, for fortune, God knows what. This is a trumped-up charge and we will show you [2. С. 341].

В приведенном предложении имплицитно следующие базовые составляющие причинности: *cause of, motive for or justification for something*. Для верификации данного положения проведем следующую трансформацию:

(2') *Their motive (justification) for charging murder is fame and fortune.*

В результате подстановки смысл исходного предложения не нарушается, однако, причинно-следственные отношения, представленные в анализируемом примере, получают дополнительный оттенок значения, вследствие того, что в данной ситуации в семантике причинного маркера *for* наряду со значением причины присутствуют такие субъективные понятия как мотив и оправдание.

Рассмотрим следующий пример:

(3) *A minute later Ray appeared and sat between his dividers on the other side of the screen. Were it not for a scar on Roy's forehead and a few wrinkles around the eyes, they could pass for twins* [1. С. 133].

Воспользуемся приемом семантического расширения данного предложения:

(3') *If there were no scar on Roy's forehead and a few wrinkles around the eyes, they could pass for twins.*

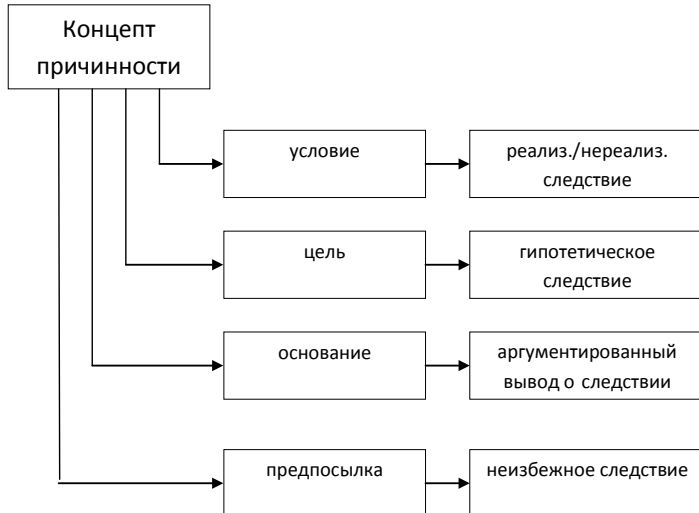
В результате произведенной трансформации в исходном предложении эксплицируется оттенок условия, который проявляется в следствии *they could pass for twins*. В приведенном примере следствие является нереализуемым, что подтверждает видовременная форма предиката.

Обратимся к следующему примеру:

(4) *I stayed at the office until late, mainly because I wanted to avoid Delbert and Vera. I should be so lucky. They're on the patio with Miss Birdie, drinking tea* [3. С. 336].

Герой остался в офисе до позднего вечера с целью избежать встречи с Делбертом и Верой. Возможно, ему удастся осуществить задуманное, но контекстуальное окружение не позволяет сделать определенного вывода о реализации следствия.

Таким образом, схематически структура концепта причинности может быть проиллюстрирована следующим образом:

В заключение отметим, что концепт причинности представляет собой гетерогенное явление, получившее отражение в языковой репрезентации, и состоящее из непосредственно причины, которая

выступает центром или ядром концепта, и каузируемого данной причиной следствия. Расширение значения анализируемого концепта осуществляется благодаря тому, что среди языковых актуализаторов причинной связи присутствуют такие содержательно разнопорядковые понятия как мотив, цель, основание и т.д. Определяющим фактором при выборе адекватного экспонента каузальности в языковой репрезентации выступают установки и интенции познающего данные закономерности субъекта.

Список литературы

1. Grisham, J. The Firm // J. Grisham. N. Y., 1992. 502 p.
2. Coughlin, W. Shadow of a Doubt // W. Coughlin. St. Martin's Paperbacks, 1993. 407 p.
3. Grisham, J. The Rainmaker // J. Grisham. N. Y., 1996. 598 p.

**THE VIEWPOINT
OF CURRENT SEMANTIC INVESTIGATIONS IN TURKEY**

Д. А. Умерова

Данная статья посвящена анализу уровня развития семантики как науки в Турции, выявлению теоретической базы современных семантических исследований, определению основных понятий и подходов, а также описанию терминологического аппарата используемого в турецкой семасиологии.

Ключевые слова: семантика, значение слова, компоненты значения, сема, семема.

Nowadays a lot of works on lexicology are devoted to semantics. Semantics is coming to the fore as the central problem of linguistic investigation, because its subject matter is less studied and is very debatable. Due to our investigations in Turkey there are less works devoted to semantics [3. P. 379]. Those works which can be seen in presence sometimes are very general, controversial and even doubtful in its scientific base. For example in some Turkish grammar books, that is a priori strange, lexicology [10. P. 4] as well as semantics [3. P. 379] are introduced as parts of grammar.

It should be noticed that in most works written in the field of semantics in Turkey the researches apply to the ideas of European linguists, such as Michel Jules Alfred Bréal, Ferdinand de Saussure, Louis Hjelmslev, Algirdas Julien Greimas, Eugenio Coşeriu, Bernard Pottier, François Rastier and etc. But there is now system in these borrowed ideas, we mean that different Turkish linguists give different interpretation of these holdings, different classification of branches of the linguistic, different translation of the terms or even use them in non-translated form. The main problem for understanding is that one and the same notion in different texts is decrypted with help of different terms, sometimes even controversial. For example: “Anlam bilimi (sémantique) dili anlam açısından inceler. Temelde dil biliminin bir dalıdır, klasik sınıflandırmada sözlük biliminin dolayısıyla gramerin alt dalıdır” [7], which can be translated by us in such way: “Semantics studies language from the viewpoint of meaning. In simple way it is the brunch of linguistics, but due to classical classifi-

cation it is the branch of grammar”. Also we can found such classification: “**Dilbilgisi (grammaire)**, bir dilin oluřturucu, yapıcı elementlerinin sistemli incelenmesidir. Dilbilgisi řunları iine alır: **1. Ses bilgisi (phonétique)**, yahut ifadenin sesleri bilimi. **2. Sözlük bilimi “Lexicologie”**, yahut kelimeler bilimi. **Anlam bilimi (Sémantique)** ve biçim bilimi **Morphologie** klasik bölümlerede bu dala baėlıdır. Telaffuz (*prononciation*), imlâ (*orthographe*) ve köken bilimi de (*étymologie*) bu dala baėlanabilir. **3. Söz dizimi (syntaxe)** [7]. As you can see according to the terms given in brackets in French, grammar is divided into phonetics, lexicology, which is subdivided into semantics and morphology, and syntax. And we must mention that after this classification there is link to the the work of Maurice Grevisse “Le Bon Usage, Grammaire Française” (8. bas.; Paris: Hatier, 1964. s. 24.). Pursuant to all this we need to make a conclusion that nowadays knowledge about semantics in general as well as about whole linguistics in Turkey is naive, and even mistaken. It does not correspond with modern condition of linguistics in the world.

Meaning is one of the most controversial terms in the theory of language. Though it has been the issue of most interminable discussions there is no universally accepted definition of meaning. In present-day linguistics two main approaches of meaning are accepted: referential and functional. We have not found any mention about existence of such approaches in Turkish linguistics, but speaking about the meaning (*anlam*) we could see the same notions as the referent – *varlık (nesne)*; the concept - *kavram (gösterilen)*; the sound-form or word – *kelime (sözcük, gösterge)* [3; 10].

In Turkish semantics the question of interrelation between the word and the concept is more or less studied and described together with the synonyms (*eř anlamlı sözlükler*), antonyms (*zit anlamlı sözlükler*), polysemantic words (*ok anlamlı sözlükler*), which existence denies the sameness of word and concept.

It is recognized that word-meaning is not homogeneous, it includes various components. The two main components of the word-meaning, so called mega-components are lexical and structural meanings, which are also subdivided into macro components: denotational, connotational, functional and grammatical [12. P. 3–7].

In Turkish semasiology we have not found out such well-organized and simple in understanding system of components of meaning. Though some of those components mentioned above are used to exist in Turkish semantics too. “**Temel anlam**” teriminin “**hakikî anlam**” terimiyle eř anlamlı olduėu söylenebilir, buna karřılık **yan anlam** terimi “**mecazî**

anlam” teriminden daha geniş bir kavramdır. **Temel anlam “dénotation, sens objektif”**: “Her anlam için bir isim, her isim için bir anlam ilkesi iletişimin temel eğilimidir”. **“Yan anlam (connotation)**: Bir kelimenin temel anlamı yanında ifade ettiği ikinci derecedeki anlamlardır. Kelimenin fertlere, gruplara, bağlama yani kullanım yerine ve zamanına göre değişen ikinci dereceden, duygusal, ilhama bağlı anlamlarıdır” [9]. **Temel anlam** or **hakikî anlam** can be understood as the denotative macro-component, and **yan anlam** or **mecazî anlam** as the macro-connotational component of the meaning of the word. But after all we need to say that all definitions are given very general and disputable. We have not found any mention of the structural mega-component, as well as about its micro-components: *functional and grammatical*.

Macro components consist of micro components – semes.[12. P. 7] Seme is the smallest unit of meaning recognized in semantics, refers to a single characteristic of a sememe. It is the same for Turkish semantics “En küçük işaret seviyesinde yani “morphème” seviyesinde bu küme, **Semem** “sémème” adını alır ve her “ayırt edici nitelik bir **sem** “sème”dir: Semem = { sem¹, sem², semⁿ }” [6].

While comparing semantically close words, there always can be found similar semes in compared words. Such semes are named *integral*. Semes, which differentiate meanings of the compared words, are called *differential*. In Turkish semantics *integral semes* are named *umumî semler*, while *differential semes* – *hususî semler*.

Semes in the structure of denotational macro component of meaning can be subdivided into two main types: *nuclear and peripheral*. Nuclear semes are basic, the most essential for meaning of the word. Peripheral semes names less basic, variable, possible features of the subject.

In Turkish semantics according to the theory of A. J. Greimas there are two main types of semes: “A. J. Greimas teorisine göre iki tür sem vardır: Çekirdek Sem (sèmes nucléaires); 2) Sınıf Semi (classèmes)” [8]. Çekirdek sem (sèmes nucléaires) is the same with the *nuclear seme*, while *sınıfsemi (classèmes)* can be mainly compared with *integral seme*, due to examples given in Turkish. We have mentioned above that *integral seme* is named in Turkish as *umumî sem*, so *sınıfsemi (classèmes)* and *umumî sem* indicates the same semes in Turkish semantics. For example, according to the Bernard Pottier, whom applies many works in Turkish semantics: “Semler, Pottier tarafından bu üçlü ayırım esas alınarak şu şekilde sınıflandırılmış ve adlandırılmıştır: 1) Hususî semler kümesi, “**semantem**” (sémantème) adını alır. 2) Umumî semler kümesi, klasem

“classème” adını alır. 3) Yan anlam semleri kümesi, “virtuem” (virtuème) adını alır” [6]. So we can make a conclusion whether there is no difference between *integral* and *peripheral* semes or *peripheral* semes have not been defined in Turkish semantics yet.

This article does not pretend to be an ultimate revision of all works made in this field by Turkish linguists. We just try to point out the level of development of semasiology in Turkey nowadays and specify main basic statements on which further investigations can be developed.

Bibliography

1. Arnold, I.V. The English Word. M. : Visshaya Shkola, 1973. P. 114.
2. Ginzburg, R. S. A Course in Modern English Lexicology. M. : Visshaya Shkola, 1979.
3. Hengirman, Mehmet. Türkçe Dil Bilgisi, Engin Yayın Evi, 2005. P. 379–396.
4. Rıza Filizok, Bernard Pottier’e göre Dilbilimsel İşaret: Sem, Semem, Klasem / Prof. Dr. Rıza Filizok. URL: <http://www.ege-edebiyat.org/wp/?p=1556>.
5. Rıza Filizok. Dil Bilimi ve Gösterge (İşaret) / Prof. Dr. Rıza Filizok URL: <http://www.ege-edebiyat.org/wp/?p=613>.
6. Rıza Filizok. Greimas’a göre en küçük anlam birimleri: çekirdek semler (sèmes nucléaires) ve sınıf semleri (classèmes) / Prof. Dr. Rıza Filizok. URL: <http://www.ege-edebiyat.org/wp/?p=1553>.
7. Rıza Filizok. Temal anlam va Yan anlam / Prof. Dr. Rıza Filizok. URL: <http://www.ege-edebiyat.org/wp/?p=699>.
8. Shafigulina, L. Sh. Lexicology of Turkish language, Kazan : Kazan State University, 2008.
9. Smirnikiy, A. I. “Znachenije slova”, Voprosi yazikoznaniya dergisi, 1955. №2.
10. Sternin, I. A. Znachenije slova i ego komponenti, Voronezh : Istok, 2008. P. 3
11. Türkçe sözlük, Türk Dil Kurumu, 1998.

ВЕРБАЛЬНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

И. Н. Филиппова

В статье представлены основные результаты исследования вербальной недостаточности в двуязычии, выявлены причины трудностей ее адекватного перевода. Описаны основные проблемы онтологии недостаточности: ее классификация, макро- и микро-стратегии ее перевода, применение трансформаций, доказана возможность адекватного перевода недостаточности в рамках холистического подхода. Предложен алгоритм перевода недостаточности, оптимизирующий работу переводчика и аппроксимирующий ее результат.

Ключевые слова: вербальная недостаточность, перевод, переводческая стратегия, типология, адекватность, алгоритм, холистический перевод, синергетика.

Проблемы передачи недостаточности в двуязычной коммуникации представляют особую сложность в комплексе вопросов, связанных с функционированием этого лингвистического и коммуникативного феномена. Адекватная передача недостаточности сопряжена с рядом особенностей двуязычной коммуникации и детерминирована рядом свойств самой недостаточности, что в комплексе обуславливает нерешенность этой задачи и определяет актуальность настоящей статьи.

Онтологическими чертами недостаточности, затрудняющими ее передачу, являются синкретичность различных ее манифестаций, полиморфизм и полифункциональность в различных типах текстов и условиях коммуникации и кумулятивный характер недостаточности в тексте и сверхтекстовом континууме. Значительную сложность для перевода представляет недостаточность в связи с лингвокультурологическими различиями, расхождением систем, языковых и речевых норм языка источника (далее ИЯ) и переводящего языка (далее ПЯ) и нетождественностью средств языковой манифестации недостаточности. Эти факторы требуют особого внимания со стороны переводчика.

Адекватная передача различных форм манифестации вербальной недостаточности является показателем переводческой компетенции языкового посредника и охватывает несколько этапов двуязычной коммуникации, иначе «переводческих действий» [11. С. 151]: выявление формы недостаточности → выбор стратегии перевода → сопоставление возможностей ИЯ и ПЯ для создания адекватного коммуникативного эффекта → генерирование вариантов перевода, оценка их успешности и выбор оптимального варианта → контроль решения переводческой проблемы.

Выявление формы недостаточности необходимо для вскрытия семантики и прагматики факта недостаточности и способствует оптимизации переводческой задачи. Необходимость систематизации и типологизации недостаточности, осложненная ее синкретичностью, обуславливает попытку ее таксономической классификации в русле панхронии. Дифференциация недостаточности осуществляется на основе авторской классификации манифестаций, обнаруживающей 26 различных форм [14. С. 137–138]. Такая диагностика объекта исследования аппроксимирует результат перевода, позволяя прогнозировать стратегию передачи.

Стратегия перевода определяет генеральное направление и, в значительной степени, коммуникативную удачу или неудачу в двуязычной коммуникации. В работах отечественных и зарубежных переводоведов вопросам переводческой стратегии придается большое значение. Широкая палитра мнений исследователей по вопросу стратегии допускает значительную свободу понимания термина: как макростратегии, предельно обобщающего уровня методологии перевода [18; 21–27; 29; 31], и как микростратегии, частного приема [16; 19; 20; 28; 30]. Макро- и микростратегия соотносятся как общее и частное, абстрактное и конкретное. Преимущественной для передачи недостаточности представляется макростратегия поиска адекватности в русле холистического перевода [15. С. 79–82], объединяющего достоинства двух главных парадигм перевода, интерпретационизма и трансформативизма. Среди выявленных в теоретическом обзоре микростратегий оптимальными представляются нормализация (как общая тенденция), симплификация (в форме изъятия нерелевантной недостаточности) и эксплицитация релевантной [13. С. 101–104].

Сопоставление возможностей ИЯ и ПЯ для создания адекватного коммуникативного эффекта воплощается в различные трансформа-

ционные приемы, детерминируемые нетождественными формами недостаточности в ИТ и ПТ (т.е. формируемые межъязыковой асимметрией). Отход от семантико-структурного параллелизма между ИТ и ПТ может быть обусловлен различными причинами [12. С. 230]. Среди них расхождение в структуре контактирующих языков, влияние контекста, теоретические представления переводчика о целесообразности и необходимости изменений и др. Однако, необходимо подчеркнуть, что недостаточность ИТ и ПТ не рассматривалась ранее исследователями как условие трансформаций. В результате переводческого анализа автором выявлены лексико-семантические (23%), грамматические (морфологические (6,5%), синтаксические (14%)) и комплексные (56,5%) трансформации [14. С. 17–22]. При этом компенсацию недостаточности следует рассматривать как прием трансформации, большего объема, чем лексические и грамматические, т.к. ее изъятие сопряжено с изменениями всех уровней презентации смысла: лексического, морфологического, синтаксического, коммуникативного (уровня АЧП).

4) Генерирование вариантов перевода, оценка их успешности и выбор оптимального варианта базируется на идее о трансцендентальном характере перевода [3; 6–8; 10; 11; 18] и его синергетической сущности [1–5; 9; 17].

Парадигма переводческих решений содержит несколько вариантов ПТ, различающихся по степени успешности (в №№ вариантов перевода представлены основные тенденции и возможные лексические замены, не развернутые в полнотекстовое оформление, для краткости изложения): *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie. 1-64. Словарь Дудена теперь (сейчас, в наше время, в наши дни) лежит (стоит, находится, имеется и т.п.) на книжной полке, пожалуй (навверное, видимо, очевидно) в каждой семье. 65-81. Словарь Дудена есть теперь, пожалуй, в каждой семье. 82-98. Теперь, пожалуй, в каждой семье есть словарь Дудена. 99-115 Теперь, пожалуй, нет такой семьи, где не было бы словаря Дудена. 116-120. Пожалуй, нет такой семьи, где не было бы словаря Дудена.* Трансформационная модель перевода (примеры 1–98) не исчерпывает множества возможных вариантов, возникающих при интерпретативном языковом посредничестве, допускающим большую свободу выражения смысла, заложенную в ИТ и подлежащую передаче в ПТ (также примеры 99–120). Это обстоятельство детерминирует комплексный холистический перевод, комплиментарно сочетающий субститутивно-трансформационную и

интерпретативную парадигмы и учитывающий принцип релевантности информации, пропозиции автора и прогноз когнитивного уровня потенциального адресата.

5) Контроль решения переводческой проблемы учитывает успешность раскрытия и передачи инварианта перевода. Постпереводческий анализ отвергает среди выявленных членов парадигмы переводческих решений субститутивные трансформации, что служит основанием для предположения о том, что имманентные варианты перевода затмевают инвариант, предопределяя холистический перевод, аппроксимирующий передачу недостаточности в двуязычной коммуникации.

Таким образом, в результате авторского исследования выявлено, что макростратегия адекватного перевода недостаточности может быть успешно реализована в русле холистического подхода. Представленный алгоритм оптимизирует поиск переводческого решения. Передача недостаточности в двуязычной коммуникативной ситуации требует высокой переводческой компетенции и предполагает решение проблем межкультурной коммуникации с применением специальных переводческих приемов. Избежание ситуации коммуникативной неудачи возможно при тщательном пред- и постпереводческом анализе ИТ и ПТ, требовательном отношении переводчика к своему продукту и его высокой ответственности за конечный результат деятельности.

Решение дальнейших проблем, связанных с передачей недостаточности, определением ее лингвистического и коммуникативного статуса, построением ее панхронимической таксономии и т.д. представляется необходимой задачей в связи требованиями гармонизации коммуникации (в целях повышения эффективности общения и облегчения риторической практики) и требованиями времени (уменьшением энергозатрат и времени на обработку информации).

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.1(7). С. 45–51.
2. Белозерова, Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две эко-

List of literature

1. Alekseeva, L. M. Perevod kak refleksija dejatel'nosti // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2010. Vyp.1(7). S. 45–51.
2. Belozerova, N. N. Mir real'nyj i mir virtual'nyj: dve jeko-

- логические системы? Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 252 с.
3. Енбаева, Л. В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 24 с.
4. Курдюмов, С. П. Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы. М. : Знание, 1983. 64 с.
5. Кушнина, Л. В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81–86.
6. Львовская, З. Д. Теоретические проблемы перевода. М. : Наука, 1985. 214 с.
7. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М. : Воениздат, 1980. 237 с.
8. Мирам, Г. Э. Профессия: переводчик. Киев : Ника-Центр, 1999. 156 с.
9. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М. : Изд-во Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
10. Нелюбин, Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Изд. 2-е. М. : Флинта: Наука, 2009. 216 с.
11. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
- logicheskie sistemy? Tjumen' : Izd-vo Tjumen. gos. un-ta, 2010. 252 s.
3. Enbaeva, L. V. Perevodcheskoe reshenie rechevoj mnogoznachnosti (na materiale literatury nonsensa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2009. 24 s.
4. Kurdjumov, S. P. Sinergetika – teorija samoorganizacii: idei, metody, perspektivy. M. : Znanie, 1983. 64 s.
5. Kushnina, L. V. Perevod kak sinergeticheskaja sistema // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2011. Vyp. 3 (15). S. 81–86.
6. L'vovskaja, Z. D. Teoreticheskie problemy perevoda. M. : Nauka, 1985. 214 s.
7. Min'jar-Beloručev, R. K. Obvaja teorija perevoda i ustnyj perevod. M. : Voenizdat, 1980. 237 s.
8. Miram, G. Je. Professija: perevodchik. Kiev : Nika-Centr, 1999. 156 s.
9. Moskal'čuk, G. G. Struktura teksta kak sinergetičeskij process. M. : Izd-vo Editorial URSS, 2003. 296 s.
10. Neljubin, L. L. Vvedenie v tehniku perevoda (kognitivnyj teoretiko-pragmaticeskij aspekt). Izd. 2-e. M. : Flinta: Nauka, 2009. 216 s.
11. Neljubin, L. L. Tolkovyj perevodovedčeskij slovar'. 3-e izd., pererab. M. : Flinta : Nauka, 2003. 320 s.

12. Филиппова, И. Н. Вербальная недостаточность в русле интерпретационизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики: сб. ст. № 4 (15). Тамбов : Изд-во «Грамота», 2012. С. 101–104.
13. Филиппова, И. Н. Вербальная недостаточность и переводческая компетенция // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский научный консорциум. 2012. № 4. С. 17–22.
14. Филиппова, И. Н. Классификация вербальной недостаточности в одноязычии и двуязычии // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты: сборник научных трудов по материалам Междунар. заочн. научно-практ. конф. 30 апреля 2012 г. : в 7 частях. Ч. 3. Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. С.137–138.
15. Филиппова, И. Н. Холистический перевод избыточности и недостаточности // Общественные науки. Актуальные проблемы и современное состояние общественных наук в условиях глобализации. 29 июня 2012. Сборник статей по материалам конференции. М. : МИИ Наука. С. 79–82.
16. Хайрутдинов, З. Р. Сравнительный анализ лексико-грамматических особенностей оригинальных и переводных текстов английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 19 с.
12. Filippova, I. N. Verbal'naja nedostatochnost' v rusle interpretacionizma // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: sb. st. № 4 (15). Tambov : Izd-vo «Gramota», 2012. S. 101–104.
13. Filippova, I. N. Verbal'naja nedostatochnost' i perevodcheskaja kompetencija // Nauchnoe mnenie: nauchnyj zhurnal / Sankt-Peterburgskij nauchnyj konsorcium. 2012. № 4. S. 17–22.
14. Filippova, I. N. Klassifikacija verbal'noj nedostatochnosti v odnojazychii i dvujazychii // Voprosy obrazovanija i nauki: teoreticheskij i metodicheskij aspekt: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunar. zaochn. nauchno-prakt. konf. 30 aprelja 2012 g. : v 7 chastjah. Ch. 3. Tambov : Izd-vo TROO «Biznes-Nauka-Obwestvo», 2012. S.137–138.
15. Filippova, I. N. Holisticheskij perevod izbytochnosti i nedostatochnosti // Obwestvennye nauki. Aktual'nye problemy i sovremennoe sostojanie obwestvennyh nauk v uslovijah globalizacii. 29 ijunja 2012. Sbornik statej po materialam konferencii. M. : MII Nauka. S. 79–82.
16. Hajrutdinov, Z. R. Sravnitel'nyj analiz leksiko-grammaticeskih osobennostej original'nyh i perevodnyh tekstov anglijskogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 19 s.

17. Хакен Г. Тайны восприятия / Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. М. : Ин-т компьютерных исслед., 2002. 272 с.
18. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
19. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. Amsterdam, 1996. 183 p.
20. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. Bar Ilan, 2005. URL : <http://www.biu.ac.il/hu/stud-pub/tr/tr-pub/bloch-split.htm>
21. Gutt, E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context. London : Blackwell, 1991. 222 p
22. Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H.G. Hönl, P. Kusmaul; ed. P.A. Schmitt. 2. verbesserte Auflage. Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2006. 434 s.
23. Horn-Helf, B. Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Tübingen : Francke. 301 S.
24. Königs, F. Übersetzung in Theorie und Praxis: Ansatzpunkte für die Konzeption einer Didaktik der Übersetzung. Bochum: Groos. URL : <http://de.scribd.com/doc/44265097/Uebers-Theorien>
25. Krings, H.-P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Studie zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübinger Beiträge zur Linguistik
17. Haken G. Tajny vosprijatija / G. Haken, M. Haken-Krell'. M. : In-t komp'juternyh issled., 2002. 272 s.
18. Shvejcer, A. D. Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty. M. : Nauka, 1988. 215 s.
19. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. Amsterdam, 1996. 183 p.
20. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. Bar Ilan, 2005. URL : <http://www.biu.ac.il/hu/stud-pub/tr/tr-pub/bloch-split.htm>
21. Gutt, E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context. London : Blackwell, 1991. 222 p
22. Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H.G. Hönl, P. Kusmaul; ed. P.A. Schmitt. 2. verbesserte Auflage. Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2006. 434 s.
23. Horn-Helf, B. Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Tübingen : Francke. 301 S.
24. Königs, F. Übersetzung in Theorie und Praxis: Ansatzpunkte für die Konzeption einer Didaktik der Übersetzung. Bochum: Groos. URL : <http://de.scribd.com/doc/44265097/Uebers-Theorien>
25. Krings, H.-P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Studie zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübinger Beiträge zur Linguistik

291. Tübingen : Gunter Narr, 1986.
26. Krings, H.-P. Blick in die black box – Eine Fallstudie zum Übersetzungsprozeß bei Berufsübersetzern. In: Reiner Arntz (Hrsg.), Textlinguistik und Fachsprache. Hildesheim : Olms. pp. 393–412.
27. Reiß, K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. Herausgegeben von Mary Snell-Hornby, Mira Kadric. Wien : WUV-Univ.-Verlag, 1995. 277 S.
28. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. Manchester, 1996. pp. 193–214.
29. Stolze, R. Fachübersetzen – Ein Lehrbuch für Theorie und Praxis. Berlin : Frank & Timme, 2009. 416 s.
30. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. Tel Aviv, 1991. 116 p.
31. Wilss, W. **Kognition und Übersetzen.** Zu Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung. Tübingen: Niemeyer. 360 p.
291. Tübingen : Gunter Narr, 1986.
26. Krings, H.-P. Blick in die black box – Eine Fallstudie zum Übersetzungsprozeß bei Berufsübersetzern. In: Reiner Arntz (Hrsg.), Textlinguistik und Fachsprache. Hildesheim : Olms. pp. 393–412.
27. Reiß, K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. Herausgegeben von Mary Snell-Hornby, Mira Kadric. Wien : WUV-Univ.-Verlag, 1995. 277 S.
28. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. Manchester, 1996. pp. 193–214.
29. Stolze, R. Fachübersetzen – Ein Lehrbuch für Theorie und Praxis. Berlin : Frank & Timme, 2009. 416 s.
30. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. Tel Aviv, 1991. 116 p.
31. Wilss, W. **Kognition und Übersetzen.** Zu Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung. Tübingen: Niemeyer. 360 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В. И. Серова, Л. Р. Спирина

Настоящая статья рассматривает современные требования к обучению иностранным языкам с целью формирования личности, способной адаптироваться в современном многоязычном пространстве.

Ключевые слова: обучение, современные требования, формирование личности.

Осваивая каждый новый язык, человек расширяет не только свой кругозор, но и границы своего мировосприятия и мироощущения. При этом то, как он воспринимает мир и что он в нем видит, всегда отражается в понятиях, сформированных на основе его (человека) исходного языка и с учетом всего многообразия присущих этому языку выразительных средств.

Из этого можно сделать ряд выводов, которые имеют принципиальное значение для современного обучения иностранным языкам.

Требования межкультурного общения ставят учителя перед необходимостью научить учащихся умениям:

а) употреблять иностранный язык (во всех его проявлениях) в аутентичных ситуациях межкультурного общения (процесс формирования навыков и умений);

б) объяснить и усвоить (на определенном уровне) чужой образ жизни/поведения (процессы познания);

в) расширить индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка (процессы развития) [1. С. 4].

Как известно, навыки и умения, познание и развитие есть звенья одной цепи – формирование личности. Таким образом, обучение иностранным языкам в контексте межкультурной парадигмы имеет большой личностно развивающий потенциал и с этой точки зрения

весьма перспективно для общеобразовательной школы. Но самое главное заключение сводится к пониманию современной цели обучения иностранным языкам как интегрированного целого, имеющего «выход» на личность обучающегося, на его готовность, способности и личностные качества, позволяющие ему осуществлять различные виды речемыслительной деятельности в условиях социального взаимодействия с представителями иных лингвоэтносоциумов и их культурой, иного языкового образа мира [1. С. 7].

Цель обучения иностранным языкам – коммуникативная межкультурная компетенция. Она заключается в способности и готовности к адекватному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения. Интегрированность данной цели проявляется во взаимосвязи и взаимообусловленности трех её аспектов: прагматического (или практического), когнитивного и педагогического.

Е. И. Пассов целью «иноязычного образования» называет «развитие духовных сил человека, его способностей, воспитание морально ответственным и социально приспособленным (компетентным и умелым) человеком» [2. С. 425]. Данная цель реализуется в содержании образования, базирующемся на нерасторжимом единстве языка и культуры: «культура через язык, язык через культуру», присвоение фактов культуры в процессе использования языка и овладение языком на основе присвоения фактов культуры. Образование как процесс личностно направленного присвоения культуры представляет собой продукт познания, развития, воспитания и учения [3. С. 429–433].

Механизм такого образовательного процесса по своей природе является коммуникативным, т.е. это общение, поддерживаемое посредством диалога культур.

За двенадцать лет работы в школе и в ходе последующей работы в вузе в качестве преподавателя английского языка я постепенно пришла к заключению, что наиболее эффективной методикой, позволяющей ребенку к окончанию школы овладеть иностранными языками на уровне, достаточном для адаптации в иноязычном обществе, является технология коммуникативного обучения.

Данная технология позволяет использовать весь потенциал учащихся и учителя для развития коммуникативной компетенции обучающихся. Основными целями коммуникации, как известно, является обмен информацией и установление социальных контактов.

Построение урока с использованием данной технологии требует от учителя необходимости придерживаться следующих положений:

- Интерес – главная движущая сила познавательной деятельности учащихся на уроке.
- Отрицание авторитарности преподавания, то есть обучение идет в непрерывном общении с детьми, в сотрудничестве.
- Обеспечение мотивации обучения английского языка на разных этапах через применение современных педагогических технологий.
- Связь учебного материала с жизненными ситуациями, организация речевой практики, предполагающей высокую мыслительную активность учащихся.
- Развитие у учащихся творческой инициативы, создание благоприятной атмосферы для общения, доброжелательность учителя, его готовность оказать помощь ученику.
- Воспитание у учащихся потребности в практическом использовании языка в различных сферах деятельности.
- Положительный эмоциональный настрой каждого урока способствует тому, что учащийся не должен бояться говорить по-английски, допуская ошибки, так как поощрения и похвала, наряду со справедливыми замечаниями, помогают среднему и слабому ученику поверить в свои силы.
- Оценка деятельности всей группы и каждого ученика в отдельности в конце урока. Здесь необходимо отметить даже самые незначительные успехи: ученик должен сравнивать свой учебный рост относительно самого себя.

Интенсивность при коммуникативном обучении достигается:

- за счет серьезной подготовительной работы учителя: анализ языкового материала текущего цикла, использование уже усвоенного учащимися учебного багажа;
- за счет тематического подбора учебного материала: связь устной разговорной темы и грамматического материала;
- за счет применения аудио и видео материалов и обучения учащихся с использованием компьютерной техники.

Обучение иностранному языку на основе коммуникативной технологии включает следующие этапы:

I. Изменение структуры урока в соответствии с требованиями Евростандарта:

1. Введение в тему (сообщается цель, т.е. осуществляется первоначальная мотивация учащихся; идет внутренняя установка на тему урока).

2. Мозговая атака, во время которой активизируются знания, уже имеющиеся у детей.

3. Проблематизация, т.е. перенос на жизненную ситуацию, поддерживает интерес к изучаемой теме.

4. Широкое использование зрительных опор.

5. Насыщение урока страноведением, тем самым приобщение к культуре другого народа.

6. Презентация материала четким, понятным для обучающихся языком, с опорой на наглядность.

7. Выход в речь (с творческими видами заданий).

8. Подведение итогов, обязательная оценка деятельности всей группы и каждого ученика в отдельности.

II. Обязательное использование аутентичных аудио, видео и других материалов.

Это позволяет погружать учащихся в оригинальную языковую среду, осуществляя связь учебного материала с реальными жизненными ситуациями, организовать речевую практику, предполагающую развитие творческой инициативы детей. При этом необходимо соблюдать последовательность работы с этими материалами: 1) подготовка к восприятию; 2) презентация; 3) практика; 4) выход в речь.

III. Иная организация контроля.

Контроль сформированности речевых навыков и умений занимает много времени в процессе обучения, причем контролировать всех учеников по всему материалу в каждый данный момент невозможно. Следовательно, осуществляется лишь какая-то его часть. Поэтому целесообразно наряду с итоговым тестированием по теме проводить и промежуточное тестирование, чтобы увидеть, что было упущено, на что следует обратить внимание, над чем еще следует поработать. При этом альтернативное оценивание при помощи рубрик не только позволит более точно определить тот или иной уровень сформированности различных навыков, но и позволит учащимся самим отслеживать этот уровень и ставить посильные для себя задачи.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод: организация обучения иностранному языку в тесной связи с национальной культурой народа, который говорит на этом языке, лингвострановедческая «окраска» обучения в целом, учебных материалов, в частности, будет способствовать усилению коммуникативно-познавательной мотивации учащихся, позволит разнообразить приёмы и формы работы, апеллировать к интеллекту и эмоциональной сфе-

ре учащихся, наиболее эффективно реализовать общедидактическое требование сочетания обучения и воспитания.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержание обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1.
2. Пассов, Е. И. Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава, 1999). М. : МАПРЯЛ, 1999. С. 422–439.
3. Сафонова, В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж : Истоки, 1996. 238 с.

List of literature

1. Gal'skova, N. D. Mezhhkul'turnoe obuchenie: problema celej i sodержanie obuchenija inostrannym jazykam // Inostrannye jazyki v shkole. 2004. № 1.
2. Passov, E. I. Kommunikativnoe inojazychnoe obrazovanie kak razvitie individual'nosti v dialoge kul'tur // Materialy IX Kongressa MAPRJaL (Bratislava, 1999). M. : MAPRJaL, 1999. S. 422–439.
3. Safonova, V. V. Izuchenie jazykov mezhdunarodnogo obwenija v kontekste dialoga kul'tur i civilizacij. Voronezh : Istoki, 1996. 238 s.

ABSTRACTS

Bezus Ya. I. The role of unconditional generalizations in English press

In this paper, we consider the appointment of generalization and the role it can play in the text of the printed media. The research is conducted on the material the English-speaking publications.

Keywords: synthesis, perlocution, influence, media, press, China.

Chistova S. S. Changing the associative field as a way of manipulating the language in the U.S. media

This article reviews the results of the content analysis of the newspaper articles covering the military operation in Iraq (2003-2011) with the aim of revealing such a method of language manipulation as the changing of the associative fields. There are reviewed associative fields of such conceptual areas as “Iraq” (Saddam Hussein, political regime, nation) and “the USA” (army, nation).

Keywords: language manipulation, content analysis, associative field, mass media, military operation in Iraq.

Filippova I. N. Verbal shortage and translation strategies

Abstract. The article presents main results of author’s investigation of verbal shortage under bilingual condition and put out cases of their adequate translation problems. The article investigates main ontology problems of verbal shortage: its estate, macro- and microstrategy of its translation, transformations usage. There is proved, that adequate verbal shortage translation is possible under holistic approach. There is also given the algorithm of verbal shortage translation, that optimizes translator’s work and approximates these results.

Keywords: verbal shortage, translation, translation strategy, typology, adequateness, algorithm, holistic translation, synergetic.

Gruzdeva E. B. Ritualized nature of speech acts: methodological aspects

The article includes consideration of the main concepts in the theory of speech acts, the classification of speech acts by J.Searle and D.Vanderveken and indirect speech acts. Conventional (ritualized) speech acts are analyzed with respect to the frequency of their usage,

automaticity of their production in speech. This paper studies various views of authoritative scientists and specialists in foreign language teaching on feasibility of teaching ritualised speech acts and methodology of teaching.

Keywords: speech act, an indirect speech act, ritualized speech act, automatism, pragmatics, language teaching methodology.

Ignashov A. V. Three pages from the book “Faszination und Gewalt”. First publication in Russian

«Faszination und Gewalt» it is the collection of articles, photocopies of documents and facsimiles (96 pages, 200 photos). Us head devoted to publications of foreign newspapers and magazines of the 1930th years interests. We publish for the first time in a translation into Russian the analysis of three pages from the book «Faszination und Gewalt» published in 2006 in Nuremberg.

Keywords: «Faszination und Gewalt», Nuremberg, foreign mass media, article, reporting.

Kachmazova A. U. Heterostereotypes in the North lingvokulture: Lingvocultural type “kudarets” (based on the Ossetian Internet blogs and forums)

This article deals with the nuclear dominant of linguocultural type kudarets in the Ossetian Linguoculture – kudarets-refugee, submitted on the basis of the Northern Ossetian heterostereotypes about refugees 1989-92 on the material of Ossetian Internet blogs and forums.

Keywords: lingvocultural type, ethnic stereotype, heterostereotypes, North / South Ossetians kudarets.

Kosovceva A. V. Politeness as a national trait of British character

The article reveals the content of concepts: the national character and the category of politeness. The focus of the paper, the author focuses on the peculiarities of manifestation of politeness in English, exploring their character.

Keywords: national character, the English politeness, English culture, category politeness, communicative consciousness, social and cultural relations.

Minets D. V. Concept «The Public house» in art space of the story by A.I. Kuprin «Hole»: gender aspect

The article is devoted to the analysis of concept «The Public house» in A.I. Kuprin’s story «Hole». The story of A.I. Kuprin’s «Hole» is con-

ceptualized locus of a brothel. Locus of the inversion by brothel in this case is due to historical patterns of gender relations in the XIX – early XX century.

Keywords: concept, space, the public house, a locus.

Prikhodko S. A. The Style of the Monographic Political Text

The article deals with the style of the monographic political text. “Materialism and Empirio-Criticism” by V.I.Lenin is considered as an example. This paper is divided into thematic chapters. Also it contains conclusion. The article can be useful for lecturers, linguists, political workers, scientists, teachers and others.

Keywords: style, functional style, individual style, destination factor, goal setting, simplicity, intertextuality, metaphor, stylistic mix, terminologicalness.

Semenchina E. N. The content structure of the concept of causality in English

The article considers the structure of the concept of causality in English which in the language representation is characterized by the cognitive-propositional structure composed of the subject, predicate, cause, consequence, condition and purpose.

Keywords: the concept of causality, consequence, condition, purpose, motive.

Serova V. I., Spirina L. R. Developing a socially mature person through the communicative approach in teaching foreign languages

This article deals with the modern demands to teaching foreign languages to bring up a person able to adapt to the demands of the modern Global Village.

Keywords: teaching, modern demands, bringing up a personality.

Sokolova M. V. Anthroponymy negative and positive characters in the works of the fantasy genre (for example, proper names wizarding series of novels about Harry Potter)

The main purpose of the article – to determine the specifics of proper names in the works of J.K. Rowling: identify their lexical-semantic features, functions of names that carry negative and positive connotations in the text, role in the creation of artistic images.

Keywords: anthroponym, fantasy, a proper name, the function's names.

Trubnikova N. A. The functional significance of images and symbols in the perception of American plays 1940–50s

The article is devoted to the detailed analysis of the images-symbols undertaken as the means of expression of artistic convention in the American drama of the 1940-50s. The research is done on the material of the following plays: «Death of a Salesman» by A. Miller, «The Glass Menagerie» by T. Williams and «The Zoo Story» by E. Albee. The author of the article investigates the significance of the symbolism in the context of the dramatic tradition of the epoch.

Keywords: dramaturgy, artistic convention, image-symbol, grotesque.

Umerova D. A. The viewpoint of current semantic investigations in Turkey

The attention of the present article will be centered upon the level of development of semantics in Turkey. To be more exact it will be focused on the theoretical base of current researches made in this field, on basic notions and approaches and on the description of terminology used by Turkish linguists.

Keywords: semantics, word-meaning, the components of the meaning, seme, semem.

Yalalova R. R. Phraseological units characterizing death, in English, German and Russian

The article is devoted to the investigation of the specific features of phraseological units describing death in the English, German and Russian languages, to the analysis of phraseological units associated with traditional beliefs, rituals, mythology; death PhU is regarded as a transition into the realm of the dead, i.e. death as a physical process; death as the separation of soul and body.

Keywords: phraseological units, death, coffin, grave, end, soul.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безус Ян Игоревич – аспирант Самарского государственного Архитектурно-Строительного университета.

443000, Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

yanbezus@gmail.com

Груздева Елизавета Борисовна – аспирант Технологического института Южного федерального университета в г. Таганроге.

344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.

elisabeth.lavruk@gmail.com

Игнашов Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

443000, Самара, ул. М. Горького, 65/67.

drama-ignashov@yandex.ru

Качмазова Алина Ушанговна – аспирант кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова

Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.

Kachmazova.alina@yandex.ru

Косовцева Анна Викторовна – магистрант кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

anna_belle@inbox.ru

Минец Диана Владимировна – кандидат филологических наук, специалист по УМР кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

162600, Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, г.

nietzsche666@mail.ru

Приходько Сергей Александрович – соискатель V года обучения Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

Преподаватель английского языка МОУ СОШ №3. г. Новозыбков.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
sapclfl@yandex.ru.

Семенчина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной педагогической академии.

656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55.
lingua-mobilis@rambler.ru

Серова Вера Ивановна – преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.

110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
verasero@mail.ru

Соколова Мария Владимировна – соискатель, старший преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

454084, Челябинск, пр. Победы, 162 в.
maria_sokolova@list.ru

Спирина Людмила Рудольфовна – преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.

110000, Костанай, ул. А.Байтурсынова, 47.
verasero@mail.ru

Трубникова Наталья Александровна – аспирант, ассистент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
ntrubnikova@mail.ru

Умерова Динара Абдулвахидовна – старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
dinaraumeova@rambler.ru

Филиппова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета.

105005, Москва, ул. Радио, д. 10.

inf.perevod@gmail.com, little_lion06@mail.ru

Чистова Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.

loir@mail.ru

Ялалова Рина Раефовна – аспирантур филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны. 420008, Казань, ул. Кремлевская 18.

anira1988@mail.ru

Griselda Danglli (Abazaj) – a full-time lecturer of the Foreign Languages Department at the Faculty of Education, University “Aleksander Moisiu”, Albania.

Tirane, Albania.

griselda_abazaj@yahoo.com

Miranda Veliaj-Ostrosi – MA, lecturer English Department Faculty of Foreign Languages, University of Tirana, Albania.

Tirane, Albania.

mveliaj@gmail.com

Veneranda Hajrulla – professor at Vlora University, Department of Foreign Languages. Specialized in English Language Teaching and teacher trainees. Phd-student on the Didactics of English Language Teaching, University of Tirana, Albania.

hajrulla@univlora.edu.al

Zamira (Metaj) Alimemaj – Phd-candidate, lecturer of English Grammar and Phonology at the University of Vlora in Albania. Head of the Department of Foreign Languages at The University of Vlora.

Vlora, Albania.

zamiraalimema@gmail.com

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2013 году каждый второй месяц, начиная с января, будет выходить очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!

